

ISSN: 2542-212X

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

I

2022

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

№ 1 / 2022

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1

<i>Свидетельство о регистрации</i>	Эл № ФС77-59844 от 17 ноября 2014
ISSN	2542-212X
<i>Периодичность</i>	4 раза в год
<i>Учредитель/Издатель</i>	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государ- ственный университет им. Х.М. Бербекова»
Е-mail редакции	caucasology.kbsu@gmail.com
URL-адрес издания	http://www.kbsu.ru/nauchnye- izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М.Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, главный научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Грусман Владимир Моисеевич, советник директора, руководитель научной части Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, президент Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия.

Дердугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, профессор, руководитель Центра развития цифровой экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Российской академии образования, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афаковна, профессор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мусукаев Александр Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллари Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Principal research fellow, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Grusman Vladimir Moiseevich, advisor to the director, head of the scientific part, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, President, Academy of Sciences of Chechen Republic, Grozny, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, Professor, CEO, Lomonosov Moscow State University Digital Economy Development Center, Full Member of the Russian Academy of Education, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Professor, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Principal Research Fellow, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Musukaev Alexander Ibragimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

Mühlfried Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор

Абазов Алексей Хасанович

Редакционная коллегия

Кажаров А.Г. (заместитель главного редактора),
Огузова Д.А. (ответственный секретарь),
Аккиева С.И., Аствацатурова М.А., Баразбиев М.И.,
Бауаев К.К., Берберов Б.А., Бозиева Н.Б., Боров А.Х.,
Борова А.Р., Бугай Н.Ф., Бухуров М.Ф., Геграев Х.К.,
Гутов А.М., Дзамихов К.Ф., Иванова С.Ю., Канукова
З.В., Кочесоков Р.Х., Кудаева З.Ж., Кузьминов П.А.,
Кучукова З.А., Мамсиров Х.Б., Муратова Е.Г., Нальчи-
кова Е.А., Прасолов Д.Н., Сабанчиев Х.-М.А., Тамазов
М.С., Текуева М.А., Тимижев Х.Т., Тхагапсоев Х.Г.,
Тенов Т.З., Узнародов Д.И., Узнародов И.М.

Editor-in-Chief

Abazov Alexey Hasanovich

Editorial board

Kazharov A.G. (Deputy Editor-in-Chief),
Oguzova D.A. (Executive Secretary),
Akkieva S.I., Astvatsaturova M.A., Barazbiev M.I.,
Bauaev K.K., Berberov B.A., Bozieva N.B., Borov A.H., Bo-
rova A.R., Bugay N.F., Buhurov M.F., Gegraev Kh.K.,
Gutov A.M., Dzamihov K.F., Ivanova S.Yu., Kanukova
Z.V., Kochesokov R.Kh., Kudayeva Z.Z., Kuzminov P.A.,
Kuchukova Z.A., Mamsirov Kh.B., Muratova E.G., Nal-
chikova E.A., Prasolov D.N., Sabadchiev Kh.-M.A., Tama-
zov M.S., Tekueva M.A., Timizhev Kh.T., Thagapsoev
Kh.G., Tenov T.Z., Uznarodov D.I., Uznarodov I.M.

СОДЕРЖАНИЕ***ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ*****Археология и древняя история****Гучаев А.В.**

О классификации погребальных сооружений могильников кобанской археологической культуры на территории современной Кабардино-Балкарии **12-29**

Средневековая и новая история**Алхасова Д.М.**

Делопроизводственная документация управления Центра Кавказской линии в 30-50-х гг. XIX в. **30-47**

Новейшая история**Лобанов В.Б.**

От Терской области к Горской АССР: Терек в 1917-1921 гг. **48-60**

Тетуев А.И.

Материальная и финансовая помощь тыла фронту в годы Великой Отечественной войны (на материалах Кабардино-Балкарии) **61-78**

Татаров А.А., Тамазов М.С.

Проблема антисоветских проявлений в Кабардино-Балкарии в период Великой Отечественной войны в отечественной и зарубежной историографии **79-92**

ФИЛОЛОГИЯ**Литература народов Российской Федерации
(литература народов Северного Кавказа)****Бауаев К.К.**

Концепт времени в лирике Кайсына Кулиева **93-102**

Битокова М.В.

Как читать «Сандро из Чегема» Фазиля Искандера? (Язык, этнография, аксиология) **103-113**

Сарбашланы А.М., Атабийланы А.Д.

Толгъурланы Зейтунну «Кёк гелеу» деген романында тарых оюмлау
бла заманны суратлау

114-128

Тёппеланы Х.М., Ёзденланы Ф.Т.

Малкъар прозада социалист идеологияны шартлары (Хочуланы С.
бла Гыттыуланы М. чыгъармаларына кёре)

129-139

Урусов Р.Х., Шетова Р.А.

Способы портретирования в повести Б. Мазихова «Пора листопада»

140-152

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

Анчабадзе Ю.Д.

Рецензия на книгу: Кандор Р.С. Процесс инкорпорации традицион-
ных форм управления адыгов (черкесов) Северо-Западного Кавказа в
структуру российской административно-политической системы (XIX
– начала XX в.). – Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2020. – 352 с.

153-159

Наши авторы

160-161

CONTENTS***HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY*****Archaeology and ancient history****Guchaev A.V.**

On the classification of burial structures of burial grounds of the koban archaeological culture in the territory of modern Kabardino-Balkaria **12-29**

Medieval and modern history**Alkhasova D.M.**

Business production of the head of the Center of the Caucasian line in the 30-50s. XIX century **30-47**

Contemporary history**Lobanov V.B.**

From the Terek region to the Gorskaya ASSR: Terek in 1917-1921 **48-60**

Tetuev A.I.

Material and financial assistance to the rear front during the Great Patriotic war (on the materials of Kabardino-Balkaria) **61-78**

Tatarov A.A., Tamazov M.S.

The issue of anti-Soviet manifestations in Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War in domestic and foreign historiography **79-92**

PHILOLOGY**Literature of the peoples of the Russian Federation
(literature of the peoples of the North Caucasus)****Bauaev K.K.**

The concept of time in the lyrics of K. Kuliev **93-102**

Bitokova M.V.

How to read "Sandro from Chegem" by Fazil Iskander? (Language, ethnography, axiology) **103-113**

Sarbasheva A.M., Atabieva A.D.

Historicism of thinking and the concept of the epoch in Z. Tolgurov's novel "Blue tipchak" **114-128**

Тереева Н.М., Узденова Ф.Т.

Socialist ideologemes in balkarian prose (by the example of the creativity of S. Khochuev and M. Gettuev)

129-139

Urusov R.Kh., Shetova R.A.

Methods of portraiture in the story of B. Mazikhov "It's time for leaf fall"

140-152

ESSAYS, NOTES, REVIEWS

Anchabadze Yu.D.

The review of the book: Candor R.S. The process of incorporation of traditional forms of administration of the Adygs (Circassians) of the North-West Caucasus into the structure of the Russian administrative-political system (XIX – early XX c.). –Maykop: Publishing house "Magarin O.G.," 2020. – 352 p.

153-159

Our authors

160-161

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Археология и древняя история

Научная статья

УДК 902(470.64)

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-12-29

О КЛАССИФИКАЦИИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ МОГИЛЬНИКОВ КОБАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Астемир Валентинович Гучаев^{1,2}

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Культурно-образовательный центр «Эрмитаж-Кавказ», Нальчик, Россия, guchayev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4732-2619>

² Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия

Аннотация. Кабардино-Балкария – республика с богатым археологическим наследием. На ее территории представлены археологические памятники от эпохи палеолита до Позднего Средневековья. В статье предложена классификация погребальных сооружений кобанской археологической культуры в данном регионе. Отмечается, что их изучение дает возможность выявить особенности погребального обряда местного населения и проследить динамику его ритуально-обрядовой деятельности на протяжении всего периода существования этой культуры. Для этого предпринята попытка конкретизировать предложенную в 1989 г. В.И. Козенковой типологию с учетом специфики погребальных сооружений кобанской культуры, выявленных на территории Кабардино-Балкарии. В работе отмечается, что потребность такого пересмотра и уточнения известных классификаций с определением локальных особенностей на материалах КБР усиливается на фоне резкого увеличения количества обнаруженных погребальных сооружений и появления новых исследований памятников кобанской культуры. В ходе исследования погребальные сооружения классифицированы с учетом их дифференциации на простые и сложные. Рассмотрены 2 типа простых (погребения в грунтовых ямах овальной, прямоугольной или подпрямоугольной форм и погребения в каменных ящиках) и 3 типа сложных погребальных сооружений (курганы с каменным покровом с грунтовыми погребениями, курганы с каменными ящиками и каменным покровом из булыжников и каменные гробницы). Каждый из предложенных типов погребальных сооружений охарактеризован с учетом деления на подтипы. Выявлено, что практически ни в одном могильнике кобанской археологической культуры на территории КБР не прослеживается соблюдение единого типа погребального сооружения.

Ключевые слова: кобанская культура, погребальный обряд, классификация погребального обряда, простые и сложные погребальные конструкции, влияние степного населения, каменные гробницы, Кабардино-Балкария.

Для цитирования: Гучаев А.В. О классификации погребальных сооружений могильников кобанской археологической культуры на территории современной Кабардино-Балкарии // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 1. – С. 12-29. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-12-29

Original article

ON THE CLASSIFICATION OF BURIAL STRUCTURES OF BURIAL GROUNDS OF THE KOBAN ARCHAEOLOGICAL CULTURE IN THE TERRITORY OF MODERN KABARDINO-BALKARIA

Astemir V. Guchaev^{1,2}

¹ Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Cultural and Educational Center «Hermitage-Kavkaz», Nalchik, Russia, guchayev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4732-2619>

² Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

Abstract. Kabardino-Balkaria is a republic with a rich archaeological heritage. It represented archaeological sites from the Paleolithic era in its territory. The article proposes a classification of burial structures of the Koban archaeological culture in this region. It is noted that their study makes it possible to identify the features of the funeral rite of the local population and trace the dynamics of its ritual-ritual activity throughout the entire period of the existence of this culture. To do this, the article attempted to specify the typology proposed in 1989 by V.I. Kozenkova, considering the specifics of the funeral structures of the Koban culture identified on the territory of Kabardino-Balkaria. The work notes that the need for such a revision and clarification of known classifications with the definition of local features on KBR materials is increasing against the background of a sharp increase in the number of burial structures discovered and the appearance of new studies of Koban cultural monuments. During the study, funerary structures are classified considering their differentiation into simple and complex ones. There are considered 2 types of simple (burials in soil pits of oval, rectangular or underground rectangular forms and burials in stone boxes) and 3 types of complex burial structures (mounds with a stone cover with soil burials, mounds with stone boxes and stone cover from cobblestones and stone tombs). Each of the proposed funerary structures is characterized considering the division into subtypes. It was revealed that almost no burial ground of the Koban archaeological culture on the territory of the KBR can be traced to the observance of a single type of burial structure.

Key words: Koban culture, funeral rite, classification of funeral rites, simple and complex burial structures, influence of the steppe population, stone tombs, Kabardino-Balkarian Republic.

For citation: Guchaev A.V. On the classification of burial structures of burial grounds of the Koban archaeological culture in the territory of modern Kabardino-Balkaria. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 1. – P. 12-29. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-12-29

© Guchaev A.V., 2022

Введение

Изучение погребальных обрядов кобанской культуры – одна из основных задач исследования археологического наследия на территории современной Кабардино-Балкарии. Так как они (погребальные обряды) включают в себя не только обряды ингумации или кремации, но и конструктивную часть (форму сооружений захоронений).

К настоящему времени в изучении археологических памятников Кабардино-Балкарии накопились новые материалы, позволяющие дополнить и конкретизировать известные классификации погребальных конструкций. В связи с

этим, решение проблемы классификации погребальных сооружений на территории КБР и определение их локальных особенностей представляется актуальной исследовательской задачей.

Изучению различных аспектов погребальных памятников кобанской культуры посвящено много работ. Наиболее значимыми исследованиями являются работы А.А. Иессена, Е.И. Крупнова, В.И. Козенковой, И.М. Чеченова, В.М. Батчаева и др.

При этом следует отметить, что А.А. Иессен не давал подробных описаний по конкретным памятникам, не говоря уже об их типологическом отличии сооружений. В его работе «Археологические памятники Кабардино-Балкарии» [Иессен 1941] был приведен лишь обзор археологических памятников по стадиям исторического развития.

Более подробно о кобанской культуре писал Е.И. Крупнов. В своих работах «Древняя история и культура Кабарды» [Крупнов 1957] и «Древняя история Северного Кавказа» [Крупнов 1960] он уделял большое внимание погребальному обряду и инвентарю кобанской культуры, социальной организации, хозяйственному развитию. Кроме этого, он описывал типичную форму погребального сооружения кобанской культуры: «прямоугольная могила, обложенная каменными плитами или булыжником и накрыта плитой...» [Крупнов 1957: 76]. Так же, Е.И. Крупнов выделял локальные варианты кобанской культуры (западный – Кабардино-Пятигорский; восточный – Грозненский; центральный – Северо-Осетинский) на основе анализа погребального обряда и материальной культуры.

Развивая идею о локальных вариантах, В.Б. Виноградов предложил иное деление памятников предскифского и скифского времени, на основе типологических отличий погребальных сооружений [Виноградов 1972: 187]. Автор определил следующие локальные варианты: Пятигорский, Центрально-Кавказский горный с подразделением на внутренние группы (Иронскую, Дигоро-Балкарскую, Юго-Осетинскую и Сунженско-Аргунскую); Предкавказский плоскостной вариант с Западно-Правобережной и Восточно-Правобережной внутренними группами.

Подробный обзор погребальных сооружений археологических памятников на территории КБР, охватывающий периоды существования различных археологических культур, привел И.М. Чеченов в работе «Древности Кабардино-Балкарии» [Чеченов 1969]. На основе научных публикаций, архивных документов, материалов собственных исследований И.М. Чеченов составил археологическую карту Кабардино-Балкарии, которая послужила основой для планирования последующих археологических работ [Чеченов 1969: 2, 4].

Также следует отметить труды В.М. Батчаева, который в 1970-х гг. возглавлял охранные археологические работы погребальных памятников с северо-западной части республики к юго-востоку по бассейнам рек. Полученные данные были опубликованы в работе «Древности предскифского и скифского периодов» [Батчаев 1985], в которой автор подробно описал новые погребальные комплексы предскифского и скифского периодов.

Авторы перечисленных выше работ не ставили перед собой задачу типологизировать погребальные конструкции западного варианта кобанской культуры (в том числе и на материалах КБР).

Классификация погребальных сооружений

Первые попытки классификации погребальных конструкций кобанской культуры были предприняты в 1989 г. В.И. Козенковой [Козенкова 1989]. Она дифференцировала погребальные сооружения по степени постройки – простые и сложные. Такое разделение основано на выявленных ею различиях в технике сооружения и деталей оформления погребальных конструкций.

Как дополнение ранних отечественных работ за рубежом была опубликована монография С. Рейнхольд «Поздний бронзовый и ранний железный век на Кавказе» (ориг. «Die Spätbronze- und frühe Eisenzeit im Kaukasus») [S. Reinhold 2007]. В работе проанализированы материалы кобанской культуры, представленные по географическим зонам – Центральный Кавказ (высокогорная зона обеих сторон Главного Кавказского хребта); Северо-Восточное Предкавказье (современные территории Чечни и Ингушетии); предгорная зона центрального Предкавказья (современная территория Кабардино-Балкарии и район Кавказских Минеральных Вод, Кубанская область и западная Грузия) [S. Reinhold 2007: 334]. Автор уделяет внимание всем аспектам материальной культуры кобанской культуры, погребальному ритуалу, социальной организации кобанского общества. Он использовал различные методы археологических исследований, в том числе и метод сериации для установления относительной хронологии, на основе конкретных предметов [S. Reinhold 2007: 334].

С тех пор археологические данные были дополнены новыми материалами, которые, возможно, помогут уточнить некоторые детали в сооружении и оформлении погребальных конструкций.

Точно также, как отмечала В.И. Козенкова, следует разделить погребальные сооружения на простые и сложные [Козенкова 1989: 74]. Но в отличие от В.И. Козенковой, которая относит погребения в каменных ящиках, разделенные одной общей стенкой, к сложным конструкциям, можно рассмотреть данный вопрос с опорой на принцип трудозатратности в зависимости от объемов выполняемых работ на сооружение погребальных памятников. К примеру, как известно, с уровня дневной поверхности выкапывалась яма и в нее клали усопшего. В ранний период это были грунтовые захоронения, в более поздний – каменные ящики. Однако такая конструкция проста в сооружении и не требует большого физического труда. Куда более сложнее выкопать погребения в более большую глубину и ширину, а сверху еще соорудить насыпь с булыжной обкладкой. Следует отметить, что такие курганные сооружения хоть и существовали синхронно с грунтовыми конструкциями, но по количеству уступали последним. Возможно, здесь имеют место предпочтения местного населения или же наличие в конкретном племени статусного человека, хотя, в этом случае, такие погребения характерны и для захоронений в каменных ящиках.

Кроме этого, многие указанные типы погребальных конструкций в работе В.И. Козенковой [Козенкова 1989: 74-76] на данный момент не обнаружены на

территории Кабардино-Балкарии. К примеру, из шести подгрупп второго типа простых сооружений в регионе обнаружены лишь три. Это еще в большей мере актуализирует необходимость конкретизации типов сооружений и, возможно, выявление локальных особенностей существования кобанской археологической культуры для этого региона. Для этого были рассмотрены материалы раскопок советского периода и опубликованные работы по экспедициям прошлых лет в Кабардино-Балкарской Республике.

Простые погребальные сооружения

К простым сооружениям можно отнести погребения в грунтовых ямах и каменных ящиках.

Для грунтовых захоронений характерны ямы: овальной, прямоугольной или имеющий вид неправильного прямоугольника форм разных размеров, обложенные каменной кладкой в один или несколько рядов, и в некоторых случаях с каменным перекрытием.

Для погребений в каменных ящиках, как правило, различных размеров характерны: квадратные, прямоугольные или подпрямоугольные формы, сложенные из целых или нескольких плит из песчаника или известняка, обложенные различной каменной кладкой, отличающиеся как по виду, так и по цвету (мелкие и крупные камни; куски плит из известняка или песчаника и др.), а также комбинированные конструкции из каменных плит и с одной или более грунтовых стенок.

Рассмотрим более подробно простые погребальные сооружения.

I тип. Погребения в грунтовых ямах овальной, прямоугольной или подпрямоугольной форм. Параметры конструкций зачастую зависят от роста погребенного и обряда захоронения (в скорченном или вытянутом положениях) и варьируются от 0,45 до 0,9 м. Данный тип можно разделить на подтипы:

1 подтип (20 погребений). Простые грунтовые ямы овальных форм или имеющие вид неправильного прямоугольника (рис 1,1). Они были обнаружены в могильниках в с. Герпегеж [Батчаев 1985: 16], Ново-Ивановское [Батчаев 1985: 15], Лечинкай [Батчаев 1985: 16], Заюково III [Кадиева 2017: 165], Каменномостское [Зуев 2012: 189] и Верхний Акбаш [Атабиев 2008: 406]. Герпегежские погребения датируются VIII–V вв. до н.э., Ново-Ивановское захоронение – VI–V вв. до н.э., погребение из Лечинкай – V в. до н.э., погребения Заюковского могильника – VIII–VI вв. до н.э., Каменномостского могильника – VIII в. до н.э., захоронения из Верхнего Акбаша – IX–VIII вв. до н.э.

2 подтип (21 погребение). Грунтовые захоронения овальной или неправильной прямоугольной формы с округленными углами, обложенные камнем на 1–3 ряда кладки (рис. 1, 2). Были найдены на территории могильников Заюково I [Гриневиц 1951: 135], Каменномостский [Зуев 2012: 189], Баксан [Батчаев 1985: 14], Кашхатауский (Советский 1-й) [Чеченов 1969: 41], Хабазский [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 29. Л. 5–6]. Погребения этого подтипа Заюковского могильника датируются VIII–VII вв. до н.э., Каменномостского – VII–VI вв. до н.э., Баксанского – VIII–VII вв. до н.э., Кашхатауского – VII–V вв. до н.э., Хабазского – VIII–VII вв. до н.э.

3 подтип (6 погребений). Грунтовые ямы с каменным перекрытием из небольшого булыжного наброска или 1–2 кусков плит из песчаника или известняка (рис. 1, 3). Ямы имеют овальные очертания или вид неправильного квадрата. Известны по могильникам: Каменноостский [Батчаев 1985: 7] и Верхний Куркужин [Марченко, Котин 2018: 228]. Погребение из Каменноостского могильника датируется VI–V вв. до н.э., а захоронения из могильника Верхний Куркужин – VIII–VI вв. до н.э.

II тип. Погребения в каменных ящиках, являющиеся наиболее типичной формой погребальной конструкции в памятниках кобанской культуры. Размеры погребального сооружения зависят от роста захороненного человека и, вполне вероятно, от его имущественного (или социального) статуса. Также каменные ящики имеют квадратный, прямоугольный или неправильного прямоугольника формы из вертикально или горизонтально поставленных плит. В целом, параметры конструкций варьируются от 0,8 м. до 1,75 м.

1 подтип (81 погребение). Каменные ящики квадратной и трапециевидной формы из целых или нескольких кусков плит песчаника, имеющие перекрытие из одной или нескольких плит (рис. 2, 1–2). Были обнаружены на территории Каменноостского могильника (раскопки 1949 г. [Гриневич 1951: 129], 1971 г. [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 69. Л. 21], 1978 г. [Батчаев 1985: 7] и 1987 г. [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 77. Л. 3, 5, 7], 2008 г. [Зуев 2012: 189] гг.), Кичмалка II [Васильева 2009: 43], Заюково III [Кадиева 2017: 165], Верхний Куркужин [Марченко, Котин 2018: 228]). Погребения из раскопок 1949 г. датируются IX–VIII вв. до н.э., из раскопок 1971 г. – VIII–VII вв. до н.э., захоронение из раскопок 1978 г. – VII–VI вв. до н.э., из раскопок 1987 г. – VIII–VII вв. до н.э., а из раскопок 2008 г. – VIII–VI вв. до н.э., Заюково III – VIII–V вв. до н.э., а захоронения могильника Верхний Куркужин – VIII–VI вв. до н.э.

2 подтип (10 погребений). Каменные ящики квадратной или прямоугольной форм из целых или нескольких мелких плит песчаника или известняка, поставленных вертикально или горизонтально, имеющих перекрытие из одной плиты. Данный подтип характерен наличием каменной обкладки из различных кусков песчаника, известняка или булыжника. Известен по Каменноостскому могильнику (раскопки 1949 г. [Гриневич 1951: 129], 1971 г. [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 69. Л. 8, 15, 17, 19] и 1987 г. [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 77. Л. 9]), Кичмалка II [Васильева 2009: 43]. Погребения из раскопок 1971 и 1987 гг. – VIII–VII вв. до н.э., а захоронения из Кичмалки II – VI–V вв. до н.э.

3 подтип (12 погребений). Каменные ящики прямоугольной формы из целых и нескольких мелких плит с комбинированными одной или более грунтовыми стенками (рис. 2, 3). Характеризуется наличием каменной обкладкой вокруг ящиков из кусков булыжника. Перекрытие ящика из 1–2 плит. Известны по памятникам: могильники Каменноостский [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 69. Л. 5], Верхний Куркужин [Марченко, Котин 2018: 228]. Погребения Каменноостского могильника датируются VIII–VII вв. до н.э., а захоронения могильника Верхний Куркужин – VIII–VI вв. до н.э.

4 подтип (1 погребение). Каменный ящик прямоугольной формы из нескольких кусков плит, с 1–2 плитой перекрытием и дном с выложенной плитой. Известен на данный момент по могильнику Кичмалка [Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 21. Оп. 1 Д. 29. Л. 3]. Погребение датируется VIII–VII вв. до н.э.

Сложные погребальные сооружения

К сложным сооружениям следует относить курганные насыпи различных размеров с каменным покровом или без него, с захоронениями в грунтовых ямах или каменных ящиков, обложенных также каменной кладкой в 1–4 слоев, с деревянными или каменными перекрытиями погребений. А также подкурганые каменные гробницы с характерными коллективными захоронениями, заметно отличающиеся по размерам погребальных конструкций от типичных каменных ящиков.

Что касается сложных сооружений, то следует отметить, что некоторые изученные курганы относятся к скифскому комплексу (Нартанские курганы). Однако обнаруженный инвентарь не имеет исключительно кочевнический характер и содержит элементы кобанской культуры. Особенно это заметно по некоторым категориям украшений (браслеты, булавки, фибулы, бляхи, подвески) и керамических сосудов. В связи с этим было принято решение включить захоронения в Нартанских курганов в исследование.

I тип. Курганы с каменным покровом с грунтовыми погребениями. Размеры конструкций варьируются от 2,4 м. до 6 м.

1 подтип. Грунтовые ямы, имеющие форму правильного квадрата или прямоугольника (рис. 4, 1). Известны по Нартанским [Батчаев 1985: 19–22, 24, 38, 42, 44] курганам 1, 2, 3, 6, 18, 21, 24 и Заюковскому кургану [Гриневиц 1951: 138]. Нартанские погребения датируются VI–V вв. до н.э., а Заюковские – VIII–VII вв. до н.э.

2 подтип. Грунтовые ямы, имеющие форму правильного квадрата или прямоугольника с надмогильной выкладкой из булыжников в 3–4 слоя (рис. 4, 8). Были обнаружены в Нартанских [Батчаев 1985: 22–24, 25–27, 29, 34] курганах 4, 5, 7, 8, 10, 15. Погребения датируются VI–V вв. до н.э.

3 подтип. Грунтовая яма квадратной формы, перекрытая тонким слоем черного древесного перегноя (рис. 4, 7). Обнаружена в Нартанском 16 кургане [Батчаев 1985: 36]. Погребение датируется VI в. до н.э.

4 подтип. Грунтовая яма, имеющая вид квадрата или приближающийся к квадрату с надмогильной выкладкой из булыжников в 3–4 слоя, перекрытая слоем хвороста и укрепленная деревянными подпорками (столбы) (рис. 4, 3). Была найдена в Нартанском 13 кургане [Батчаев 1985: 33]. Погребение датируется VI в. до н.э.

5 подтип. Грунтовые ямы, имеющие формы правильного квадрата, с надмогильной каменной выкладкой в 3–4 слоя и с узкими канавками вдоль стен погребальной конструкции (рис. 4, 2). Известны по Нартанским [Батчаев 1985: 31, 34, 42–44] курганам 9, 12, 14, 22, 23. Погребения датируются VI в. до н.э.

6 подтип. Грунтовая яма, имеющая форму квадрата с надмогильной выкладкой из булыжников в 3–4 слоя. В центре каменной выкладки лежал валун

продолговато вытянутых пропорций, а на дне погребальной ямы имеется широкий уступ (24–26 см.) (рис. 4, 5). Найден в Нартанском [Батчаев 1985: 30–31] 11 кургане. Погребение датируется VI в. до н.э.

7 подтип. Грунтовая яма по форме приближающийся к квадрату с широкими выступами по углам. На дне ямы черная сажистая прослойка от подстилки (рис. 4, 4). Курган 19 [Батчаев 1985: 39–40]. Погребение датируется VI в. до н.э.

8 подтип. Грунтовые ямы, имеющие форму квадрата или приближающейся к квадрату с надгробным камнем (рис. 4, 6). Курганы 17 и 20 [Батчаев 1985: 37–38, 40–42]. Погребения датируются VI в. до н.э.

II тип. Курганы с каменными ящиками и каменным покровом из булыжников.

1 подтип. Каменные ящики из цельных, довольно массивных плит прямоугольной формы, поставленные горизонтально (рис. 3, 3). Известны по памятникам: Нижне-Чегемский курган [Чеченов 1969: 39], Зольский [Чеченов 1969: 32], Нижне-Куркужинские курганы [Чеченов 1969: 34], Вольный Аул [Чеченов 1969: 41]. Погребения Нижне-Чегемского кургана датируются VII–IV вв. до н.э., Зольского – VII–V вв. до н.э., Нижне-Куркужинского – VII–IV вв. до н.э., Вольного аула – VII–V вв. до н.э.

2 подтип. Каменные ящики из 1–3 целых и несколько более мелких плит (одной или более стенок) прямоугольной формы, поставленные вертикально или горизонтально. Известны по подкурганым ящикам могильниках Каменномостский [Чеченов 1969: 33–34]. Погребения датируются IX–VII вв. до н.э.

III тип. Каменные гробницы. В плане сооружения практически идентичны каменным ящикам, но отличаются заметно по размерам конструкций (рис. 5). В виду этого, и количество погребенных варьировалось от 1 до 5 и более человек. Об этом свидетельствуют памятники Аман-Кол [Козенкова 1989: 78], Гижгид [Козенкова 1989: 78], Хабазская каменная гробница [Чеченов 1969: 33].

Конкретных подробностей в конструкции этих каменных гробниц почти не имеются, кроме описания Хабазской гробницы, стены которой были сложены из известняковых массивных плит в 2 ряда и сверху были перекрыты аналогичными 2 плитами.

Хабазская каменная гробница датируется VIII–VII вв. до н.э. Датировку склепа Аман-Кол В.И. Козенкова определяет XII–XI вв. до н.э. Точной датировки Гижгидской гробницы нет. Единственное, В.И.Козенкова отмечает как поздний памятник – не ранее VIII в до н.э. [Козенкова 1989: 78].

Выводы и обобщения

Всего же в исследовании были приведены более 24 памятников кобанской культуры – 13 грунтовых могильников (Каменномостский, Заюковский 1, Кичмалка, Хабаз, Герпегеж, Ново-Ивановский, Кашхатауский (Советский 1-й), Лечинкай, Баксан, КичмалкаII, Верхний Акбаш, Заюково 3, Верхний Куркужин), 6 одиночных курганов (Заюковский, Нижне-Чегемский, Зольский, Нижне-куркужинский, Вольный аул, Каменномостский) и 3 каменные гробницы (Аман-Кол, Хабазская гробница, Гижгидская гробница).

Кроме этого, были учтены 24 кургана (Нартанского могильника) скифского времени, которые в инвентаре кроме скифских элементов содержали также большое количество находок, характерных для кобанской археологической культуры, а именно бронзовые украшения (браслеты, булавки, фибулы, бляхи, подвески) и керамические сосуды.

Общее количество рассмотренных погребений в грунтовых могильниках – 151. Из них около 47 погребений было совершено в грунтовых ямах, и более 104 захоронений в каменных ящиках.

Также были проанализированы материалы более 37 подкурганых захоронений и 3 каменных гробниц. Из них 30 погребений были совершены в грунтовых ямах, 7 в каменных ящиках и 11 в каменных гробницах. По поводу последнего – точное количество захоронений не было установлено в виду того, что в научный оборот введено недостаточное количество данных гробниц Гижгид и Аман-Кол.

В итоге на территории Кабардино-Балкарии находятся как простые, так и сложные погребальные сооружения могильников. Из всего приведенных 46 памятников к простым сооружениям относятся 13 грунтовых могильников, а к сложным 30 курганов (с учетом 24 курганов Нартанского могильника) и 3 каменные гробницы.

Следует отметить, что в работе не были рассмотрены все известные памятники кобанской археологической культуры на территории Кабардино-Балкарии по той причине, что многие памятники либо не были подробно описаны в плане погребальных конструкций, либо вовсе отсутствовало какое-либо описание погребального сооружения в виду технического воздействия во время различных земляных работах, особенно в советское время, и наконец, и вовсе не были введены в достаточной мере в научный оборот. Поэтому за основу был взят в основном опубликованный материал и архивные данные, содержащие описания погребальных конструкций по раскопкам прошлых лет.

Таким образом, особенностью погребальных памятников выступает то, что практически ни в одном могильнике нет строгого соблюдения единого типа погребального сооружения. Больше всего это заметно в грунтовых могильниках, где присутствуют погребения как из каменных ящиков, так и грунтовые (Каменноостский, Заюковский, Верхне-Куркужинский и др.).

Кроме этого, по типам сооружений для грунтовых могильников с грунтовыми погребениями в основном характерны предгорные (Верхний Куркужин, Герпегеж, Лечинкай, Баксан) и переходные от предгорного к горным (Каменноостский, Заюково 1 и 3, Кашхатауский) зонам. В единичных случаях находятся в равнинной (Ново-Ивановский могильник) и горной (Хабазский и Верхний Акбаш могильники) зонах. А для могильников с каменными ящиками переходная от предгорной к горной (Каменноостский, Кичмалка I и II, Заюково 3) зонам, за исключением могильника Верхний Куркужин, располагающийся в предгорной зоне.

Подкурганые захоронения первого типа характерны для предгорной (Нартан) и переходной от предгорной к горной (Заюковский) зон. Большая часть сооружений второго типа характерна для предгорной зоны (Заюковский,

Нижне-Чегемский, Зольский, Нижне-Куркужинский, Вольный Аул, Каменно-мостский). Каменные гробницы третьего типа встречались в горной зоне (Аман-Кол, Хабазские гробницы, Гижгидская гробница).

Проанализированные грунтовые могильники кобанской культуры можно разделить на ранние (IX–VIII вв. до н.э.) и более поздние (VII–V вв. до н.э.) (таблица 1). К ранним комплексам относятся погребальные памятники: Каменно-мостский, Верхний Акбаш, Герпегежский, Заюково 1, Баксанский, Хабазский, Кичмалка, Заюково 3, Верхне-Куркужинский. К более поздним: Ново-Ивановский, Кашхатауский (Советский 1-й), Лечинкаевский, Кичмалка II.

Однако, следует отметить, что некоторые могильники содержали, как и ранние, так и более поздние комплексы. Это такие памятники, как: Каменно-мостский, Герпегежский, Заюково 3 и Верхний Куркужин.

Аналогично грунтовым могильникам, можно разделить и подкурганые захоронения. К ранним (IX–VIII вв. до н.э.) (таблица 1) можно отнести курганы из Каменно-мостского и Заюковского могильников. К поздним (VII–V вв. до н.э.) (таблица 1) курганы из могильников: Нартан, Нижний Чегем, Зольский, Нижний Куркужин и Вольный Аул. И точно также в Каменно-мостском и Заюковском курганах имелись кроме ранних и несколько более поздних комплексов.

Что касается третьего типа сложных сооружений – каменных гробниц, то Аман Кол – наиболее ранний памятник – XII–XI вв. до н.э., а в Хабазской гробнице имеются ранние и поздние комплексы – VIII–VII вв. до н.э. (таблица 1).

Таким образом, некоторыми грунтовыми и курганными могильниками западного варианта кобанской культуры местное население пользовалось несколько столетий: Каменно-мостский – с IX по V вв. до н.э.; Заюковский – с VIII по V вв. до н.э.; Верхний Куркужин – с VIII–VI вв. до н.э.

Также, отличительной чертой погребальных конструкций в грунтовых могильниках служит использование различных пород камня при сооружении погребальной камеры. Так, например, в могильнике Верхний Куркужин [Марченко 2019: 79] при раскопках 2016 г. было обнаружено детское погребение, в конструкции которой, кроме небольших каменных плит, были использованы камни меловой породы. В могильнике Кич-Малка II [Васильева 2009: 43] также прослеживается подобное явление. Некоторые погребения были обложены камнями, различными как по цвету, так и по составу (ракушечник или песчаник). Хотя в настоящее время это не подтверждено данными, полученными на основе анализа большого количества погребальных памятников, но можно предположить, что они являются особенностью некоторых могильников кобанской культуры Кабардино-Балкарии. Возможно, дальнейшие полевые исследования помогут в скором времени подтвердить это предположение.

Таким образом, изучение погребальных сооружений кобанской культуры в достаточной мере может передать различные детали, особенности погребального обряда местного населения, позволяя выделять отличительные черты похоронного ритуала на различных этапах ее существования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Архив ИГИ КБНЦ РАН – Архив Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук». Ф. 21. Оп. 1. Д. 29, 69, 77.

Батчаев 1985 – *Батчаев В.М.* Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Т. II. – Нальчик: Эльбрус, 1985. – С. 7-115.

Васильева 2009 – *Васильева Е.Е.* Могильник Кичмалка II – новый памятник кобанской культуры на Северном Кавказе / Е.Е. Васильева // Лавровский сборник. – СПб.: МАЭ РАН, 2009. – С. 42-44.

Виноградов 1972 – *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII-IV века до н.э.) // Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза). – Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1972. – 389 с.

Гриневич 1951 – *Гриневич К.Э.* Новые данные по Археологии Кабарды // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.-Л.: АН РАН, 1951. Вып. 23. – С. 125-139.

Зуев 2012 – *Зуев В.Ю.* Каменноостский могильник в Кабардино-Балкарии: история изучения и новые материалы // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. XXVII Крупновские чтения: Материалы Международной научной конференции. – Махачкала, 2012. – С. 188-190.

Иессен 1941 – *Иессен А.А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии (Значение древних памятников Республики) // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – № 3. – С. 7-36.

Кадиева, Демиденко 2016 – *Кадиева А.А., Демиденко С.В.* Произведения пластики малых форм эпохи раннего железного века из могильника Заюково-3 (Гунделен) в Кабардино-Балкарии // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: материалы международной научной конференции посвященной памяти М.Н. Погребевой (Москва, 25-27 апреля 2016 г.) / отв. ред. А.С. Балахванцев, С.В. Кулланда. – М., 2016. – С. 85-88.

Кадиева, Демиденко 2017 – *Кадиева А.А., Демиденко С.В.* Раскопки комплекса археологических памятников близ селения Заюково (Кабардино-Балкарская республика) // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. – № 2. – М., 2017. – С. 165.

Кадиева, Демиденко 2018 – *Кадиева А.А., Демиденко С.В.* Раскопки могильника Заюково 3 в Баксанском районе // Археологические открытия. 2016 год. / Отв. ред. Н.В. Лопатин. – М.: Институт археологии РАН, 2018. – С. 260-263.

Козенкова 1989 – *Козенкова В. И.* Кобанская культура: Западный вариант. – М.: Наука, 1989. – 196 с.

Крупнов 1957 – *Крупнов Е.И.* Древняя история и культура Кабарды. – М.: Наука, 1957. – 177 с.

Крупнов 1960 – *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 520 с.

Марченко, Котин 2018 – *Марченко Ю.В., Котин М.А.* Новый памятник кобанской культуры у села Верхний Куркужин Кабардино-Балкарской республики // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Материалы Международной научной конференции, 22-29 апреля 2018 г. / Отв. ред У.Ю. Кочкаров. – Карачаевск: КЧГУ, 2018. – С. 227-229.

Марченко 2019 – *Марченко Ю.В.* Работа Северо-кавказской археологической экспедиции на могильнике Верхний Куркужин в 2016 году // Археологический сборник. 42 выпуск: материалы и исследования по археологии Евразии / Государственный Эрмитаж. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2019. – С. 73-85.

Чеченов 1969 – *Чеченов И.М.* Древности Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1969. – 152 с.

Reinhold 2007 – *Reinhold S.* Die Spatbroze und fruthe Eisenzeit im Kaukasus. Materielle Kultur, Chronologie und uberregionale Beziehungen. Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, Bonn. 2007. – 880 p.

REFERENCES

Архив IGI KBNC RAN – *Архив Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»*. F. 21. Op. 1. D. 29, 69, 77. (In Russ.).

BATCHAEV V.M. *Drevnosti predskifskogo i skifskogo periodov* [Antiquities of the pre-Scythian and Scythian periods]. IN: *Arkheologicheskie issledovaniya na novostroikakh Kabardino-Balkarii v 1972-1979 gg.* T. II. – Nal'chik: El'brus, 1985. – S. 7-115. (In Russ.).

VASILYEVA E.E. *Mogil'nik Kichmalka II – novyj pamjatnik kobanskoj kul'tury na Severnom Kavkaze* [The burial ground of Kichmalka II is a new monument of Koban culture in the North Caucasus]. IN: *Lavrovsky collection.* - St. Petersburg: MAE RAN, 2009. – P. 42-44. (In Russ.).

VINOGRADOV V.B. *Central'nyji Severo-Vostochnyj Kavkaz v skifskoe vremja (VII-IV veka do n.je.). (Voprosy politicheskoj istorii, jevoljucii kul'turi j etnogeneza)* [Central and North-Eastern Caucasus in the Scythian time (VII-IV centuries BC). (Questions of political history, evolution of cultures and ethnogenesis)]. – Grozny: Chechen-Ingush book. publishing house, 1972. – 389 p. (In Russ.).

GRINEVICH K.E. *Novyedannye po Arheologii Kabardy* [New data on the Archeology of Kabarda]. IN: *Materials and research on archeology of the USSR.* – M. - L.: AN RAN, 1951. Issue. 23. – P. 125-139. (In Russ.).

ZUEV V.YU. *Kamennomostskij mogil'nik v Kabardino-Balkarii: istorija izuchenija i novye materialy* [Kamennomostsky burial ground in Kabardino-Balkaria: history of study and new materials]. IN: *The latest discoveries in the archeology of the North Caucasus. XXVII Krupnov Readings: Proceedings of the International Scientific Conference.* – Makhachkala, 2012. – P. 188-190. (In Russ.).

JESSEN A.A. *Arheologicheskie pamjatniki Kabardino-Balkarii (Znachenie drevnih pamjatnikov Respubliki)* [Archaeological monuments of Kabardino-Balkaria (The significance of the ancient monuments of the Republic)]. IN: *Materials and re-*

search on archeology of the USSR. – M. - L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1941. No. 3. – P. 7-36. (In Russ.).

KADIEVA A.A., DEMIDENKO S.V. *Proizvedenija plastiki malyh form j epohi rannego zheleznogo veka iz mogil'nika Zajukovo-3 (Gundelen) v Kabardino-Balkarii* [Plastics of small forms of the Early Iron Age from the burial ground Zayukovo-3 (Gundelen) in Kabardino-Balkaria]. IN: The Caucasus and the steppe at the turn of the Late Bronze Age and Early Iron Age: materials of the international scientific conference dedicated to the memory of M.N. Pogrebeva (Moscow, April 25-27, 2016) / ed. ed. A.S. Balakhvantsev, S.V. Culland. – M., 2016. – P. 85-88. (In Russ.).

KADIEVA A.A., DEMIDENKO S.V. *Raskopki kompleksa arheologicheskikh pamjatnikov bliz selenija Zajukovo* (Kabardino-Balkarskajarespublika) [Excavations of a complex of archaeological sites near the village of Zayukovo (Kabardino-Balkarian Republic)]. IN: Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research Humanitarian and social sciences No. 2. M., 2017. P. 165. (In Russ.).

KADIEVA A.A., DEMIDENKO S.V. *Raskopki mogil'nika Zajukovo 3 v Baksanskom rajone* [Excavations of the Zayukovo 3 burial ground in the Baksan region]. IN: Archaeological Discoveries. 2016 / Rev. ed. N.V. Lopatin. - M.: Institute of Archeology RAS, 2018. – P. 260-263. (In Russ.).

KOZENKOVA V.I. *Kobanskaja kul'tura: Zapadnyj variant* [Koban culture: Western version]. – M.: Nauka, 1989. – 196 p. (In Russ.).

KRUPNOV E.I. *Drevnjaja istorija i kul'tura Kabardy* [Ancient history and culture of Kabarda]. – M., 1957. – 177 p. (In Russ.).

KRUPNOV E.I. *Drevnjaja istorija Severnogo Kavkaza* [Ancient history of the North Caucasus]. – M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1960. – 520 p. (In Russ.).

MARCHENKO YU.V., KOTIN M.A. *Novyj pamjatnik kobanskoj kul'tury u sela Verhnij Kurkuzhin Kabardino-Balkarskoj respubliki* [A new monument of Koban culture near the village of Upper Kurkuzhin of the Kabardino-Balkarian Republic]. IN: The Caucasus in the system of cultural relations of Eurasia in antiquity and the Middle Ages. XXX "Krupnov Readings" on the archeology of the North Caucasus. Proceedings of the International Scientific Conference / Ed. ed U.Yu. Kochkarov. - Karachaevsk, April 22-29, 2018 2018. – P. 227-229. (In Russ.).

MARCHENKO YU.V. *Rabota Severo-kavkazskoj arheologicheskoyj ekspedicii na mogil'nike Verhnij Kurkuzhin v 2016 godu* [The work of the North Caucasian archaeological expedition at the Upper Kurkuzhin burial ground in 2016]. IN: Archaeological collection. Issue 42: Materials and research on the archeology of Eurasia / The State Hermitage Museum. – St. Petersburg: Publishing House of the State. Hermitage, 2019. – P. 73-85. (In Russ.).

CHECHENOV I.M. *Drevnosti Kabardino-Balkarii* [Antiquities of Kabardino-Balkaria]. – Nalchik: Elbrus, 1969. – 152 p. (In Russ.).

REINHOLD S. *Die Spatbroze und fruthe Eisenzeit im Kaukasus. Materielle Kultur, Chronologie und uberregionale Beziehung.* Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, Bonn. 2007. – 880 p. (In German).

Приложение

Административный район	Наименование могильника	Годы раскопок, количество исследованных погребений	Погребальные сооружения					Дата памятника
			простые		сложные			
			грунтовые ямы	каменные ящики	подкурганные грунтовые ямы	подкурганные каменные ящики	каменные гробницы	
Зольский район	Гробница Аман-кол	1966 г., 1					1	XII-XI вв. до н.э.
Зольский район	могильник Верхний Акбаш	1987 г., 5	5					IX-VIII вв. до н.э.
Зольский район	Каменномостский могильник	1949-2008 гг., 71	16	52		3		IX-VI вв. до н.э.
Зольский район	Хабазский могильник	1960 г., 6	1				5	VIII-VII вв. до н.э.
Баксанский район	Баксанский могильник	1968 г., 3	3					VIII-VII вв. до н.э.
Баксанский район	могильник Верхний Куркужин	2016-2017 гг., 30	5	25				VIII-VII вв. до н.э.
Баксанский район	Заюковский могильник	1949-2016 гг., 19	6	10	3			VIII-V до н.э.
Зольский район	могильник Кичмалка	1960 г., 2006 г., 17		17				VIII-V до н.э.
Черекский район	Герпегежский могильник	1972 г., не менее 2	Не менее 2					VIII-IV до н.э.
Эльбрусский район	Гижгидская гробница	Не менее 5					Не менее 5	Не ранее VIII в. до н.э.
Урванский район	Кашхатауский (Советский 1-й) могильник	1948 г., 5	5					VII-V вв. до н.э.
г.о. Нальчик	Вольный Аул	1930-е годы, 1				1		VII-V до н.э.
Зольский район	Зольский курган	1960 г., 1				1		VII-V до н.э.
Чегемский район	Нижне-Чегемский курган	1960 г., 1				1		VII-V до н.э.
Баксанский район	Нижне-Куркужинский курган	1949 г., 1				1		VII-IV до н.э.
Чегемский район	Нартанский могильник	1978-1979 гг., 27			27			VI-V вв. до н.э.
Майский район	Ново-Ивановский могильник	1980 г., Не менее 2	Не менее 2					VI-V вв. до н.э.

Чегемский район	Лечинкаевский могильник	1980 г., 2	2					V в. до н.э.
Итого			47	104	30	7	11	XII-IV вв. до н.э.
		199						

Таблица 1. Классификация погребальных сооружений могильников кобанской культуры времени на территории Кабардино-Балкарии.

Рис. 1. Грунтовые ямы [Гриневич 1949: 134].

Рис. 2. Каменные ящики [Гриневич 1949: 129].

Рис. 3. Подкурганые погребения: 1 и 2 – грунтовые; 3 – каменный ящик [Чеченов 1969: 38].

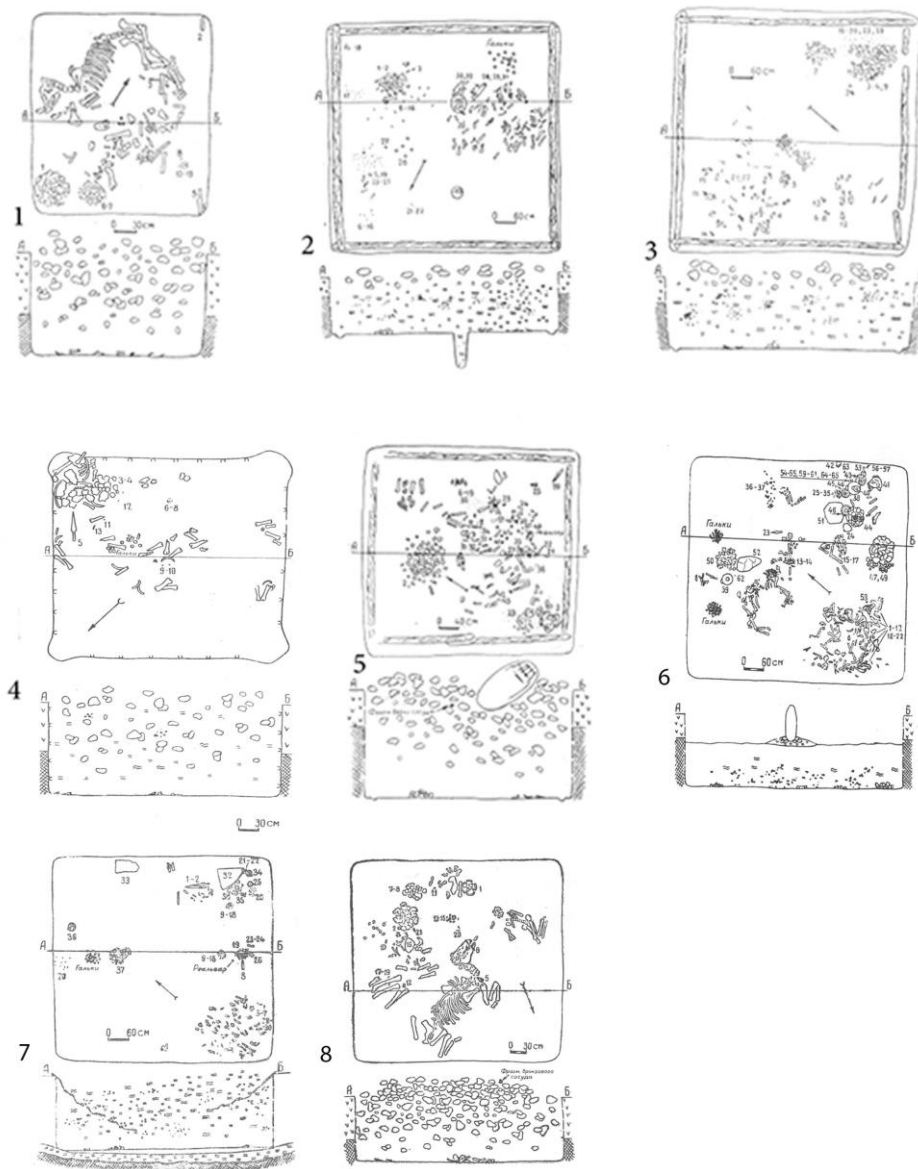

Рис. 4. Нартанские подкурганные грунтовые захоронения [Батчаев 1985: 1-63, 2-86, 3-88, 4-104, 5-98, 6-105, 7-95, 8-68].

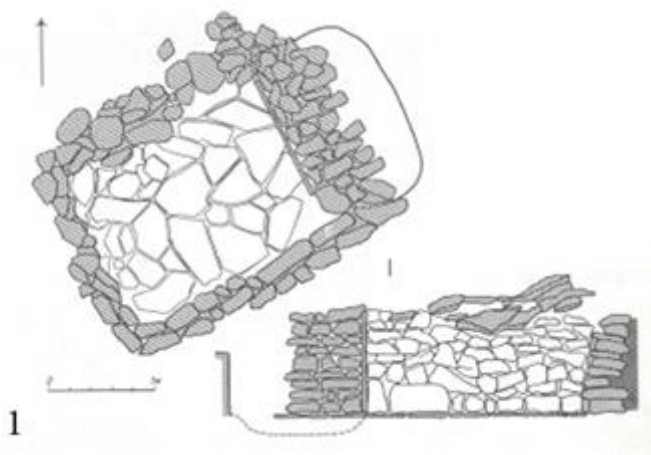

Рис. 5. Каменная гробница [Козенкова 1989: 177].

Информация об авторе

А.В. Гучаев – аспирант, научный сотрудник.

Information about the author

A.V. Guchaev – Graduate Student (History), research associate.

Статья поступила в редакцию 26.02.2022 г.; одобрена после рецензирования 14.03.2022 г.; принята к публикации 22.03.2022 г.

The article was submitted 26.02.2022; approved after reviewing 14.03.2022; accepted for publication 22.03.2022.

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Средневековая и новая история

Научная статья

УДК 349.417

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-30-47

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЦЕНТРА КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ В 30-50-Х ГГ. XIX В.

Динара Муратовна Алхасова

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, alkhasova.dinara@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4893-2301>

Аннотация. В статье анализируется делопроизводственная документация управления Центра Кавказской линии в 30–50-х гг. XIX в. Исследование основано на анализе документов как самого управления Центра Кавказской линии, так и организаций, состоявших с ним в деловых отношениях. Проводится содержательный и структурный анализ различных по видовой принадлежности документов: циркуляров, предписаний, рапортов, прошений, именных, кондуитных и формулярных списков, отчетов начальника Центра Кавказской линии, адресованных Штабу войск на Кавказской линии и Черномории. Обращается внимание на порядок взаимодействия начальника Центра с подведомственными (Временный Кабардинский суд, приставы, начальники крепостей и укреплений) и вышестоящими (Штаб войск на Кавказской линии и Черномории) учреждениями. Затрагиваются особенности формального взаимодействия начальника Центра Кавказской линии и органов локального судебно-административного контроля с представителями привилегированных и зависимых социальных групп населения. Анализируются механизмы делопроизводства в процессе развития судебно-административного аппарата на Центральном Кавказе и предпринимается попытка определить место начальника Центра Кавказской линии в вертикали военно-административного контроля на Центральном Кавказе в 30–50-е гг. XIX в. Исследуется информативная отдача отдельных групп документов при изучении разных направлений деятельности управления Центра Кавказской линии. Делается вывод о практической значимости исследованных материалов и перспективах их дальнейшего изучения. Очерчивается круг направлений, для исследования которых могут быть полезны выявленные группы документов: реконструкция крепостей и укреплений, входивших в состав Центра, выявление кадрового состава управления Центра Кавказской линии и т.п.

Ключевые слова: Центральный Кавказ, Центр Кавказской линии, начальник Центра Кавказской линии, Штаб войск на Кавказской линии и Черномории, рапорты, предписания, формулярные списки, кондуитные списки, циркуляры, описи.

Для цитирования: Алхасова Д.М. Делопроизводственная документация управления Центра Кавказской линии в 30-50-х гг. XIX в. // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 1. – С. 30-47. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-30-47

© Алхасова Д.М., 2022

Original article

BUSINESS PRODUCTION OF THE HEAD OF THE CENTER OF THE CAUCASIAN LINE IN THE 30-50s. XIX CENTURY

Dinara M. Alkhasova

Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, alkhasova.dinara@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4893-2301>

Abstract. This article is about the office documentation management of the Center of the Caucasian Line in the 30-50s. XIX century. The study is based on an analysis of materials from the administration of the Center for the Caucasian Line, higher and subordinate organizations. A meaningful and structural analysis of various groups of documents is carried out: circulars, instructions, reports, petitions, nominal, conduit and form lists, reports of the head of the Center for the Caucasian Line, addressed to the Headquarters of Troops on the Caucasian Line and the Black Sea Coast. Attention is drawn to the order of interaction between the head of the Center with the subordinate ones (the Provisional Kabardian court, bailiffs, heads of fortresses and fortifications) and higher institutions (the Headquarters of the troops on the Caucasian line and the Black Sea coast). The article touched upon the features of the formal interaction of the head of the Center for the Caucasian Line and local judicial and administrative control bodies with representatives of indigenous ethnic elites and dependent strata of the population. The article analyzes the features of implementing office work in the development of the judicial and administrative apparatus in the Central Caucasus, and an attempt is made to determine the place of the head of the Center of the Caucasian Line in the vertical of military-administrative control, which continued to build up in the Central Caucasus in the 30-50s. XIX century. The article analyzes the informative value of individual groups of documents in the study of different directions of the activities of the administration of the Center of the Caucasian Line. A conclusion is made about the practical significance of the materials studied and the prospects for their further study. A range of areas is outlined, for the study of which the identified groups of documents can be useful: the reconstruction of fortresses and fortifications that were part of the Center, the identification of the personnel of the management of the Center of the Caucasian Line, etc.

Keywords: Central Caucasus, Center of the Caucasian line, head of the Center of the Caucasian line, Headquarters of troops on the Caucasian line and the Black Sea coast, reports, prescriptions, form lists, conduit lists, circulars, inventories.

For citation: Alkhasova D.M. Business production of the head of the Center of the Caucasian line in the 30-50s. XIX century.. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 1. – P. 30-47. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-30-47

© Alkhasova D.M., 2022

Введение

30–50-е гг. XIX в. стали периодом развития на Кавказе многоступенчатого, разветвленного аппарата управления, частью которого был Центр Кавказской линии, образованный в 1830 г.

По мере совершенствования деятельности существовавших органов судебно-административного контроля и возникновения новых учреждений расширялся объем документации, проходившей через управление Центра Кавказской

линии. Являясь руководителем одного из участков Линии, начальник Центра обладал широким кругом полномочий и был правомочен делегировать Временному Кабардинскому суду, приставам и др. подведомственным учреждениям исполнение поручений, полученных им от вышестоящих органов и должностных лиц. Вместе с тем начальник Центра Кавказской линии являлся руководителем одного из структурных компонентов, встроенных в вертикаль продолжавшего развиваться на Кавказе военно-административного аппарата. Эти обстоятельства определяли для начальника Центра необходимость поддерживать регулярное сообщение с разными учреждениями с помощью многообразной документации.

Изучение делопроизводственной документации управления Центра Кавказской линии открывает широкие возможности для исследования социально-политической истории народов Кавказа как в научно-теоретическом, так и в практическом плане. В научно-теоретическом плане разработка этой темы позволяет глубже изучить процесс взаимодействия административных учреждений на территории Центрального Кавказа в переходный период, вникнуть в особенности их устройства. В практическом плане выявление и анализ документов, проходивших через управление Центра, открывает возможности для изучения его структуры и кадрового состава, порядка взаимодействия начальника Центра с вышестоящими и нижестоящими учреждениями, а также позволяет наметить перспективы дальнейшего изучения особенностей взаимодействия органов власти с населением, проживавшим на подведомственной им территории.

Объектом статьи являются делопроизводственные документы управления Центра Кавказской линии.

Цель исследования заключается в том, чтобы изучить информативные возможности делопроизводственных документов управления Центра Кавказской линии и наметить перспективы дальнейшего применения полученных данных для исследования социально-политических процессов в рассматриваемый период.

Изучение делопроизводственной документации управления Центра Кавказской линии до сих пор не являлось предметом специального исследования. Однако некоторые элементы характеристики делопроизводственных документов, прямо или косвенно затрагивавших Центр Кавказской линии, приводятся в диссертациях ряда исследователей, специализирующихся на изучении судебных и административных преобразований на Центральном Кавказе в 30–50-е гг. XIX в. К их числу относятся работы А.Х. Карова [Каров 2000], Г.Н. Малаховой [Малахова 2001], З.М. Блиевой [Блиева 2004], Ю.Ю. Клычникова [Клычников 2004], Е.Г. Муратовой (Битовой) [Источниковедение... 2005], Р.Р. Нагоевой [Нагоева 2009], Е.И. Кобахидзе [Кобахидзе 2010], А.Х. Абазова [Абазов 2007; Абазов 2013; Абазов 2015; Абазов 2017].

Делопроизводство управления Центра Кавказской линии исследуется на основе анализа широкой базы источников. Большой объем материалов, относящихся к Центру Кавказской линии, введен в научный оборот в опубликованных сборниках документов под редакцией В.К. Гарданова [Гарданов 1956], Е.И. Кобахидзе [Административная... 2012], З.М. Кешековой [Документы 2011].

Значительное количество материалов было извлечено нами из фондов Управления Центрального Государственного архива Архивной службы КБР (далее. – УЦГА АС КБР). Делопроизводство управления Центра Кавказской линии представляло собой обширный перечень межведомственных документов, как поступавших в управление Центра, так и исходивших из него. В процессе изучения материалов, извлеченных из фондов УЦГА АС КБР, нам удалось выявить следующие группы документов: рапорты, предписания, циркуляры, именные, кондуитные и формулярные списки, прошения, документы, содержащие элементы статистики.

Проанализированные в ходе исследования документы дифференцированы по видовой принадлежности на следующие группы: 1) Делопроизводственные документы, адресованные начальнику Центра Кавказской линии высшестоящими учреждениями; 2) Отчеты начальника Центра Кавказской линии перед высшестоящими учреждениями; 3) Делопроизводственная документация начальника Центра Кавказской линии, адресованная ему подведомственными учреждениями.

В числе делопроизводственных документов, адресованных начальнику Центра Кавказской линии, проанализированы циркуляры и предписания Штаба войск на Кавказской линии и Черномории. К отчетам начальника Центра Кавказской линии высшестоящим учреждениям нами были отнесены рапорты, именные, кондуитные и формулярные списки, а также документы, содержавшие элементы статистического обобщения. В третью группу были включены прошения (как от представителей локальных этнических элит, так и от зависимых слоев населения) и рапорта, адресованные начальнику Центра Кавказской линии подведомственными учреждениями.

Делопроизводственная документация, адресованная начальнику Цentra Кавказской линии высшестоящими учреждениями

Циркуляры. Циркуляры представляли собой распоряжения Штаба войск на Кавказской линии и Черномории, обязательные для исполнения всеми линейными начальниками и подведомственными учреждениями. В ряде случаев циркуляры сопровождалась резолюцией командующего войсками на Линии [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 39. Л. 5]. В ходе исследования было установлено, что циркуляры носили форму как предписания, так и рапорта. Примером может послужить циркулярный рапорт дежурного штаб-офицера майора Мошинского от 7 февраля 1847 г., отправленный начальнику Центра Кавказской линии по поручению временно командующего войсками за отсутствием начальника Штаба [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 39. Л. 5 об]. Циркуляр касался изменений порядка предоставления отставки оштрафованным представителям нижних воинских чинов [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 39. Л. 5]. Следует отметить, что эта информация была предназначена для военнослужащих не только Центра, но и других участков Кавказской линии.

Некоторые циркуляры содержали элементы нормативного регулирования деятельности кавказских линейных начальников. Так, циркулярное распоряже-

ние Штаба от 29 июня 1842 г. доносило до сведения начальника Центра необходимость своевременного предоставления формулярных списков в аудиторский и медицинский департаменты Военного министерства, ссылаясь на примечания к статьям 1517 и 1518 Свода Военных постановлений [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 39. Л. 45].

Содержательный анализ этой группы документов за 1842–1847 гг. позволил заключить, что предметом межведомственной коммуникации служили вопросы, связанные с определением размера жалования военнослужащих на Кавказской линии [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 39. Л. 7], расходов на их обмундирование [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 39. Л. 4], порядка получения жалования [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 39. Л. 46], представлений к наградам [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 48], предписаний о предоставлении сведений о расположении военных постов, перемещении войск [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 61] и т.п. В сложившейся иерархии учреждений начальник Штаба и командующий войсками на Линии, в свою очередь, выступали в качестве промежуточной инстанции. На основе анализа просмотренных материалов удалось определить, что вертикаль военно-бюрократического контроля, в которую было интегрировано управление Центра Кавказской линии, выглядело следующим образом: 1) Военное министерство; 2) департаменты Военного министерства (департамент Генерального штаба); 3) Штаб войск на Кавказской линии и Черномории; 4) начальники участков на Кавказской линии; 5) подведомственные линейным начальникам учреждения административного и судебного контроля (приставы, начальники крепостей кордонных линий, суды).

Предписания. Особую группу документов, позволяющую установить порядок взаимодействия управления Центра Кавказской линии с вышестоящими и подведомственными учреждениями, составляют предписания штаба войск Кавказской линии и Черномории (*далее – Штаб*).

Должностными лицами, уполномоченными направлять предписания начальнику Центра, были командующий войсками на Кавказской линии и Черномории и начальник Штаба, который замещал командующего в случае его отсутствия, командующий Отдельным Кавказским корпусом и начальник его Штаба [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 30. Л. 4].

Предписания штаба войск Кавказской линии охватывали широкий круг задач, необходимых для исполнения начальником Центра: награждение медалями отличившихся в сражениях военнослужащих [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 38]; исполнение распоряжений о запрете или предоставлении права вывоза подвластных крестьян представителями горской аристократии [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 702. Л. 9-9 об]; организация сбора сведений по вопросам, подлежащим рассмотрению командующим войсками на Кавказской линии и Черномории [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 30]. По характеру адресации, предписания можно условно разделить на две категории: направленные непосредственно начальнику Центра и носящие циркулярный характер.

Получив предписание, начальник Центра, как правило, делегировал его исполнение подведомственным учреждениям, выступая в качестве куратора и

промежуточной инстанции. Это явление можно проследить на основе анализа содержания дела о разделе наследственного имущества князя Касаева. Проживавшим за Кубанью князем Касаевым была подана докладная записка «о допущении его к шариатскому разбирательству с кабардинцами о наследстве», доставшемся ему от умерших родственников [УЦГА АС КБР. И-16. Оп. 2. Д. 30. Л. 2]. Так как князь проживал за Кубанью, его докладная записка была адресована напрямую командующему войсками на Кавказской линии и Черномории, а не начальнику Центра и не во Временный Кабардинский суд. Получив докладную записку, командующий войсками на Кавказской линии и Черномории генерал А.А. Вельяминов направил командующему Кабардинской линией Д.Н. Короткову предписание собрать подробные сведения об этом деле. Предписание было сопровождено резолюцией командующего войсками на Линии, на которую в ходе дальнейшей переписки ссылались как представители Штаба, так и начальник Центра и члены Временного Кабардинского суда [УЦГА АС КБР. И-16. Оп. 2. Д. 30. Л. 4] даже после смерти генерала А.А. Вельяминова. Получив распоряжение, начальник Центра поручил Временному Кабардинскому суду собрать необходимые сведения.

Таким образом, выстраивалась следующая вертикаль исполнения предписаний: 1) Штаб или командующий войсками на Линии; 2) начальник Центра; 3) Временный Кабардинский суд.

Анализ переписки Штаба войск на Линии с начальником Центра позволяет сделать вывод о том, что темпы исполнения нижестоящими инстанциями распоряжений Штаба в конце 30-х гг. XIX в. были достаточно медленными [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 39. Л. 45]. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что первое предписание Штаба о наведении справок по делу князя К-ва, датированное 1837 г., не было исполнено. Кабардинский Временный суд приступил к сбору требуемых сведений только в 1840 г., после того как начальнику Центра А.Г. Пирятинскому было направлено второе предписание за подписью уже генерала П.Х. Граббе, назначенного в 1838 г. командующим войсками на Кавказской линии и Черномории [УЦГА АС КБР. И-16. Оп. 2. Д. 30. Л. 3].

Распоряжения и предписания Штаба войск Кавказской линии и Черномории писались на специальной бумаге (форме) с отпечатанным в верхнем левом углу названием учреждения-адресанта; указанием названия дежурного отделения; города, в котором был расположен Штаб (Ставрополь); номера документа и его даты [УЦГА АС КБР. И-16. Оп. 2. Д. 23. Л. 5]. Во избежание путаницы, возможной в условиях наличия большого объема документации, в каждом предписании подробно описывалась суть дела, ставшего предметом разбирательства. В случае, если документ носил характер предписания, контроль за исполнением которого командующий войсками на Линии оставлял за собой, документ сопровождался его резолюцией [УЦГА АС КБР. И-16. Оп. 2. Д. 30. Л. 5]. Резолюция обычно располагалась в левом нижнем углу первой страницы документа и представляла собой распоряжение или решение командующего войсками на Линии, обязательное для исполнения всеми нижестоящими инстанциями.

Отчетность начальника Центра Кавказской линии перед вышестоящими учреждениями

Рапорт. Непрерывное сообщение между различными учреждениями разветвленного судебно-административного аппарата, который продолжал развиваться на Кавказе в 30-50-е гг. XIX в., требовало постоянного обмена сведениями на всех его уровнях. Следовательно, рапорты являлись одной из наиболее распространенных форм межведомственной коммуникации в указанный период.

Рапорт представлял собой форму отчетности как учреждений, находившихся в подведомственности начальника Центра Кавказской, так и самого начальника Центра по отношению к вышестоящим органам.

Рапорты начальника Центра Кавказской линии вышестоящим учреждениям. В 30–50-е гг. XIX в. в вертикали судебно-административного контроля начальник Центра Кавказской линии исполнял роль связующего звена: обладая широким кругом административных полномочий и имея в своей подведомственности большое число учреждений, он курировал их деятельность и поддерживал регулярное сообщение с вышестоящими учреждениями, которое носило, преимущественно, форму рапорта.

Анализ списка адресатов рапортов начальника Центра Кавказской линии позволил прийти к выводу, что они направлялись командующему войсками на Кавказской линии и Черномории [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 5. Л. 5], начальнику Штаба войск на Кавказской линии и Черномории (*далее – Штаб войск*) [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 20] и командиру Отдельного Кавказского корпуса.

Структура рапортов была единообразной, однако, в зависимости от характера информации, интересовавшей вышестоящие учреждения, могла включать в себя различные дополнительные документы. К их числу относятся именные, формулярные и кондуитные списки.

Именные списки. Именные и кондуитные списки составляли особую категорию отчетности начальника Центра Кавказской линии. На основе анализа содержания и структуры именных списков, нами были выявлены общие подходы к их оформлению. Так, списки направлялись непосредственно начальником Центра в Штаб войск и сопровождалась рапортом, выполнявшим роль своего рода пояснительного (сопроводительного) письма.

Образцом такого именного списка может послужить документ с приложенным рапортом, направленный в 1841 г. начальником Центра Кавказской линии исполнявшему обязанности начальника Штаба войск на Кавказской линии и Черномории. Именной список представлял собой перечень приставов, кадиев и членов Временного Кабардинского суда, находившихся в подведомственности начальника Центра [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 20. Л. 9-9 об]. Список был составлен на основании рапорта дежурного штаб-офицера (подполковника Кусакова) от 1840 г. и включал подробные сведения о лицах, исполнявших судебные и административные функции с указанием фамилий, имен

и отчеств должностных лиц; причин, послуживших их назначению на занимаемую должность; источника, из которого поступали средства на их содержание. Это говорит о том, что сведения, требовавшиеся для составления именного списка, находились в управлении Центра Кавказской линии.

Границы территории, подведомственной Центру, неоднократно менялись на протяжении всего периода существования этого участка Кавказской линии. Так, с декабря 1840 г. Карачаевское приставство перешло под управление начальника Правого фланга генерала Г.Х. Засса [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 5. Л. 17]. Это накладывало определенные сложности и на взаимодействие управления Центра с подведомственными и надведомственными учреждениями. Так, в начале 40-х гг. XIX в., обращаясь к исполняющему обязанности начальника Штаба полковнику А.С. Траскину, начальник Центра обращал внимание на то, что предоставленная им информация была неполной по причине завершения процесса перехода карачаевцев в подведомственность начальника Правого фланга, и в виду отсутствия пристава Карачаевского народа.

Конduitные списки. Анализ делопроизводственной документации начальника Центра показывает, что практика учета кадрового состава воинских чинов была не новой: первые ведомости учета военнослужащих Центра Кавказской линии датируются 1830 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 13]. В 40–50-е гг. XIX в. большое значение придавалось так называемым конduitным спискам [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 662. Л. 6]. Они представляли собой один из разделов отчета о состоянии управления того или иного участка Кавказской линии, который с 1847 г. следовало ежемесячно предоставлять в Корпусный Штаб войск на Кавказской линии и Черномории. Структура отчетов о состоянии укреплений на Кавказской линии была утверждена Штабом войск [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 662. Л. 3]. Конduitный список о службе начальника Центра составлялся отдельно [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 662. Л. 8].

Список содержал информацию о звании военного, дате его поступления на службу, о чинах, которые успел сменить, и том, в каком чине служил на момент составления списка; а также сведения о том, был ли в отставке и сколько времени в ней провел; о степени его благонадежности и нравственности [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 662. Л. 6 об].

Конduitные списки, как правило, были расчерчены от руки в виде таблиц со следующими графами: «звание чинов», «с которого времени» (с уточнением, сколько времени человек провел «в службе», «в офицерских чинах», «в настоящем чине»).

В соответствии с циркулярным приказом главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом от 15 января 1847 г., начальнику Центра Кавказской линии предписывалось ежемесячно отправлять требуемую информацию в Корпусный Штаб [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 662. Л. 3]. Систематический, регулярный характер составления конduitных списков дает основания относить их также и к группе документов, содержавших элементы статистического обобщения.

Формулярные списки. Формой внутреннего учета кадрового офицерского состава Центра Кавказской линии были *формулярные списки* [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 665]. Они содержали подробнейшие сведения об образовании и военной карьере офицеров Центра: где тот или иной офицер получил воспитание и окончил ли полный курс наук; когда поступил на военную службу (с указанием чинов и должностей, в которых доводилось служить); принимал ли участие в военных походах и сражениях; был ли отмечен наградой.

Кроме того, формулярные списки содержали подробные сведения о происхождении, семейном положении и доходах офицеров Центра: к какому сословию они принадлежат; какого вероисповедания [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 665. Л. 7]; есть ли у них имения (с указанием, является ли имение «родовым или благоприобретенным» [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 665. Л. 1 об.], принадлежит самому офицеру и его семье или же его супруге) [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 665. Л. 1 об. – 2].

Сведения, касавшиеся поведения офицеров, также нашли отражение в формулярах: информация о том, находился ли офицер когда-либо под судом (с уточнением причины его нахождения под судом или следствием и указанием вынесенного приговора или решения).

В ходе сравнительного анализа кондуитного списка адъютанта М.И. Данилова за январь 1847 г. и его формулярного списка было установлено, что формуляры содержали более подробную информацию о военнослужащих и, как мы полагаем, хранились в управлении Центра и служили основой для формирования ежемесячных отчетов, которые начальник Центра отсылал в Корпусный Штаб. Основанием для подобного заключения является отсутствие сопроводительных писем, рапортов и отметок канцелярии сторонних учреждений на формулярных списках [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 665].

Вместе с тем, в соответствии с циркуляром Штаба войск от 29 июня 1842 г. формулярные списки обер-аудиторов и аудиторов Кавказского корпуса, как правило, направлялись в аудиторiatский и медицинский департаменты Военного министерства дважды в год: к 1 января и 1 июля [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 39. Л. 45].

Таким образом, объем сведений, содержащихся в формулярных списках, дает основания провести аналогию с такими современными документами, как паспорт, трудовая книжка или личное дело.

Отчетные делопроизводственные документы с элементами статистического обобщения. Отдельную группу материалов составляют делопроизводственные документы с элементами статистики. Анализ содержания ряда документов позволяет заключить, что элементы статистического учета прослеживаются в делопроизводстве начальника Центра Кавказской линии с начала 1840 г. К этой группе документов могут быть отнесены отчеты начальника Центра Кавказской линии начальнику Штаба войск и командующему войсками на Линии; описи укреплений на Кавказской линии и т.п.

Отличительным признаком этих документов является наличие четкой структуры и системность, ставшая следствием динамичности разветвленного

административного аппарата на Кавказе. Часто обновлявшиеся сведения определяли необходимость систематической отчетности Штабу.

Примером документов, обновлявших сведения достаточно часто, могут послужить отчеты начальников на Линии о составе воинских чинов, состоявших при вверенных им укреплениях [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 662]. Центральными документами в составе этих отчетов были кондуктные списки, которые составлялись отдельно для начальника на Линии, и отдельно – для прочих офицеров [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 662. Л. 6–6 об].

В соответствии с циркулярным предписанием главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом от 15 января 1847 г., начальникам на Линии предписывалось отправлять подробные сведения в Корпусный Штаб ежемесячно [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 662. Л. 3]. Практика столь частого учета офицерского состава позволяет сделать вывод о высоком уровне кадровой мобильности в управлениях на Линии в 40-е гг. XIX в.

Формой отчетности, содержащей элементы статистического обобщения, являлись многочисленные ведомости о состоянии войск и инвалидов команд, а также строевые рапорты о числе войск, расположенных в укреплениях Центра. Как правило, эти сведения направляли начальнику Центра Кавказской линии коменданты крепостей и укреплений. Анализ этой группы документов позволил прийти к выводу, что информация относительно численного состава и состояния войск и инвалидов команд обновлялась ежемесячно [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 92], [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 93], а в конце каждого года составлялся годовой отчет [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 91].

Гораздо большего времени требовал учет состояния укреплений на Кавказской линии. Нам не удалось найти документальных свидетельств того, что отчеты о состоянии укреплений на Кавказской линии составлялись систематически, следовательно, мы не можем утверждать, что эта группа отчетов может быть отнесена к документам, содержащим элементы статистики. Содержание и структуру отчетности о состоянии крепостей можно изучить на примере группы документов, датированных 1840–1841 гг. Сбор сведений за 1840–1841 гг. осуществлялся на основании отношения к начальнику Центра оберквартирмейстера Отдельного Кавказского корпуса генерал-майора Менда [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 19. Л. 30], получившего запрос от департамента Генерального штаба [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 19. Л. 3]. Командиры подразделений, составлявших Центр Кавказской линии, отправляли начальнику Центра рапорта с приложенными таблицами.

Рассмотрев критерии отчетности начальников укреплений Центра Кавказской линии, можно сделать вывод, что все описи составлены единообразно. Они представляли собой расчерченные от руки таблицы, с указанием названия конкретного укрепления (например, «Опись крепости Нальчикской» [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 19. Л. 18], «Опись Баксанскому укреплению» [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 19. Л. 20] и т.п.), сведения в которых указывались по анкетному принципу (вопрос-ответ). Опись состояла из ответов на многочисленные вопросы, разбитые на 7 групп.

Первая группа вопросов касалась внешних параметров укрепления. Требовалось указать, «по какой системе построена крепость; главная фигура укрепления; в чем состоят наружные постройки; слабая или сильная [крепость] по качеству местности или по свойству возведенных укреплений относительно положения окрестности; сколь велики предместья в главнейших укреплениях; в каком состоянии находятся стены или земляные насыпи; не повреждены ли они и в сколько времени могут быть исправлены; количество окопов и блокгаузов» [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 19. Л. 18-19] и т.п.

Второй пункт требовал ответа на вопрос о качестве воздуха и его влиянии на гарнизон. Наличие этого пункта и подавляющее большинство ответов на него о «посредственном влиянии» воздуха на гарнизон свидетельствует об озабоченности Кавказского линейного командования состоянием здоровья военнослужащих. Этот вопрос был связан с распространением в крае малярии, от которой умирали тысячи солдат [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 19. Л. 20 об.].

Третий требовал указать приблизительный численный состав гарнизона для обороны крепости, «число постов, часовых и проч., дабы соразмерно с числом оных можно было определить сколько будет выходить ежедневно войск в караул» [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 19. Л. 20 об.].

Четвертый касался обороноспособности крепости: «Какое число орудий потребуется для обороны каждого из этих укреплений; сколько имеется оных на лицо, какого рода и калибра; какое число при сих и других артиллерийских чинов следует иметь в сих укреплениях; в случае осады сколько потребного разного рода орудий, рабочего инструмента, артиллерийских снарядов и разных материалов» [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 19. Л. 18 об.].

Пятый требовал уточнения качества сообщения крепости с ближайшими укреплениями. «Представляется ли возможным снабдить крепость в достаточном количестве с ее припасами окрестностей и сколько на то нужно времени, которые из укреплений могут содержать постоянное сообщение с близлежащими крепостями» [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 19. Л. 19] и т.п.

Шестой пункт: «Имеется ли достаточно помещений для гарнизона и больных, казарм и госпиталей, пороховых погребов, магазинов, подвалов и проч.; не требуют ли исправления дома обывателей» [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 19. Л. 19].

Седьмой пункт: «В каких классах и разрядах считаются крепости и укрепления по инженерному и артиллерийскому ведомствам» [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 19. Л. 19].

Таким образом, объектом основного внимания Корпусного Штаба была обороноспособность крепостей.

Подобная форма предоставления отчета, на первый взгляд, весьма громоздкая, позволяла сосредоточить и упорядочить все сведения, интересующие командование, на 3–4 листах, а анкетный способ составления формы позволял получить информацию по конкретным интересующим вопросам.

Делопроизводственная документация начальника Центра Кавказской линии, адресованная ему подведомственными учреждениями

Прошения. Развитие административного аппарата на Центральном Кавказе подразумевало включение коренных народов в систему российского военно-административного контроля. Кавказским линейным командованием был принят ряд мер, направленных на адаптацию деятельности традиционных органов правосудия к российской модели судопроизводства. Это означало неизбежное вмешательство представителей кавказской военной администрации в многочисленные тяжбы, возникавшие между представителями коренного населения региона.

Прошения представляли собой обращения представителей населения Центрального Кавказа, адресованные Кавказскому линейному командованию или учреждениям локального судебно-административного контроля.

Группа прошений, проанализированная нами, может быть разделена на 2 категории, по принципу сословной принадлежности адресантов: 1) прошения, исходившие от представителей региональных элит; 2) прошения, исходившие от представителей зависимых слоев населения.

Содержательный анализ группы прошений позволил прийти к выводу, что причинами обращения представителей региональных этнических элит в органы правосудия были тяжбы, возникавшие по поводу имущества и прав на подвластных крестьян. Обращения крестьян возникали по поводу их закрепощения представителями аристократии. Начальник Центра и Временный Кабардинский суд выступали в таких случаях в качестве высших инстанций, которые определяли законность этих процессов [Гарданов 1956: 28, 30, 33].

Рапорта от подведомственных начальнику Центра учреждений. Основанием для подачи рапорта начальнику Центра мог служить как предшествовавший ему запрос на предоставление каких-либо сведений, так и необходимость планового отчета руководителей подведомственных учреждений о состоянии вверенных им участков и населения.

Проанализированный нами объем рапортов, представлявшихся начальнику Центра Кавказской линии, может быть условно разделен на две группы: 1) рапорта, исходившие от административных учреждений; 2) рапорта, исходившие от органов судебного контроля.

К первым отнесены рапорта дистанционных и кордонных начальников и командиров полков [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 6. Т. 2], комендантов крепостей [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 35] и приставов народов, населявших Центральный Кавказ [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 5].

Содержательный анализ этой группы рапортов позволил установить, что предметом их отчетности служили, преимущественно, сведения о случаях нападения на Линию [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 6. Т. 2. Л. 11], сведения о состоянии пахотных и сенокосных угодий, о тяжбах или волнениях среди представителей коренного населения.

Вторую группу составляют рапорта, которые представляли начальнику Центра, в основном, Временный Кабардинский суд и военные суды.

Начало практике учета следственных дел в специальных журналах было положено предписанием начальника Центра Кавказской линии от 22 февраля 1844 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Д. 48. Т. 1. Л. 28-29 об.]. В рапорте, как правило, подробно указывалось название дела, ставшего предметом разбирательства и, в случае наличия каких-либо документов, ставших основанием для составления рапорта Временным Кабардинским судом (предписаний начальника Центра или докладных записок просителей [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 30. Л. 7]), эти документы прилагались к рапорту. Форма визирования рапортов Временного Кабардинского суда не была единообразной. Те представители суда, которые владели грамотой, или являлись представителями управления Центра, оставляли подписи (председатель суда, секретарь). Неграмотные представители суда оставляли чернильные оттиски от личных печатей, на которые были нанесены надписи на арабской графической основе. При изучении группы рапортов Временного Кабардинского суда нам не удалось обнаружить рапорт, заверенный менее чем двумя печатными оттисками [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 30. Л. 15 об.].

Заключение

Таким образом, деятельность начальника Центра, как руководителя одного из участков Кавказской линии, обеспечивалась большим разнообразием делопроизводственных документов (рапорта, предписания, циркуляры, именные, кондуитные и формулярные списки, отчеты начальника Центра Кавказской линии Штабу войск, прошения, свидетельства, ведомости о состоянии войск и инвалидов команд, а также строевые рапорты о числе войск, расположенных в укреплениях Центра).

Одним из результатов проведенного исследования стала дифференциация делопроизводственных источников по видовой принадлежности.

К делопроизводственным документам, поступавшим в управление Центра Кавказской линии от вышестоящих учреждений, были отнесены циркуляры и предписания.

В ходе исследования удалось выявить, что основной формой межведомственной коммуникации между структурными элементами управления Кавказской линии был рапорт. К числу отчетов (рапортов) начальника Центра вышестоящим учреждениям были отнесены именные, кондуитные и формулярные списки, а также отчетные документы, содержащие элементы статистического обобщения.

Также установлено, что к числу делопроизводственной документации, адресованной начальнику Центра Кавказской линии от подведомственных учреждений, могут быть отнесены прошения и рапорта. Содержательный анализ прошений позволил дифференцировать их на 2 категории, по принципу сословной принадлежности адресантов: 1) прошения, исходившие от представителей локальных элит; 2) прошения, исходившие от представителей зависимых слоев населения.

Группа рапортов от подведомственных начальнику Центра учреждений включила в себя материалы, разделенные нами на 2 вида: 1) рапорта, исходившие от административных учреждений; 2) рапорта, исходившие от органов судебного контроля.

Анализ и систематизация документов в соответствии с этим способом дифференциации помогли сделать некоторые выводы относительно потенциальной информативной значимости отдельных групп материалов для изучения разных направлений деятельности управления Центра Кавказской линии, и очертить область их практического применения. Так, на примере циркуляров можно проследить порядок взаимодействия начальника Штаба войск не только с линейными начальниками, но и представителями других учреждений, находившихся в одной с ним горизонтали власти (например, с Комиссариатским или Аудиториатским департаментом Военного министерства).

Содержательный анализ предписаний, адресованных начальнику Центра Кавказской линии от вышестоящих учреждений, позволил составить представление о его функциях и характере дел, подлежащих его исполнению.

На основании сведений, извлеченных из именных, формулярных и кондуктных списков, мы получили возможность ознакомиться с составом управления Центра Кавказской линии. В 1846 г. оно включало: состоящего по кавалерии майора (Н.И. Давыдовский), адъютанта (штабс-капитан М.И. Данилов), начальника Нальчикской крепости (Я.К. Шмаков) и аудитора, губернского секретаря (П.И. Быков) [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 662. Л. 6 об.].

Сравнительный анализ рапортов о состоянии укреплений Центра Кавказской линии открывает широкие перспективы для изучения динамики состояния инфраструктур крепостей, качества сообщения между ними и может помочь реконструировать облик укреплений, не сохранившихся до наших дней.

Анализ прошений, адресованных начальнику Центра, может быть чрезвычайно полезным для изучения характера и порядка взаимодействия с управлением Центра Кавказской линии представителей коренных народов Центрального Кавказа, а анализ рапортов нижестоящих учреждений может быть полезен для реконструкции некоторых элементов вертикали военно-бюрократического контроля в регионе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Абазов 2007 – *Абазов А.Х.* К вопросу о деятельности Кабардинского временного суда // *Архивы и общество.* – 2007. – Вып. 3. – 2007. – С. 50-57.

Абазов 2013 – *Абазов А.Х.* Гендерный элемент соционормативной культуры кабардинцев по материалам Кабардинского временного суда (1822–1858) // *Вестник Российского университета дружбы народов.* Серия: История России. – 2013. – № 2. – С. 87-98.

Абазов 2015 – *Абазов А.Х.* Кабардинский временный суд в условиях интеграции Кабарды в состав Российской империи во второй четверти XIX в. // *Кавказский сборник.* – М.: МГИМО, 2015. – Т. 9 (41). – С. 150-170.

Абазов 2017 – *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в политико-правовом пространстве Российской империи: судебные преобразования конца XVIII – начала XX в.: Дисс. ... док. ист. наук. – Нальчик, 2017. – 505 с.

Административная... 2012 – Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): Сборник документов. Сост., вступ. ст., коммент. Е.И. Кобахидзе. – ФГБУН Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. им. В.И. Абаева. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 399 с.

АКАК 1904 – Акты Кавказской Археографической комиссии. Т. XII. – Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1904. – 1558 с.

Блиева 2004 – *Блиева З.М.* Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е гг. XIX века: Дисс. ... док. ист. наук. – Владикавказ, 2004. – 476 с.

Гарданов 1956 – *Гарданов В.К.* Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в. – Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1956. – 427 с.

Документы... 2011 – Документы по истории адыгов 20–50-х гг. XIX в. (по материалам ЦГА КБР) / сост. З.М.Кешева. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2011. – 203 с.

Источниковедение... 2005 – Источниковедение истории Северного Кавказа / сост. Е.Г. Битова. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2005. – 45 с.

Каров 2000 – *Каров А.Х.* Административно-территориальные изменения в Кабарде и Балкарии в конце XVIII – начале XX веков: Дисс. ... канд. ист. наук. – Нальчик, 2000. – 202 с.

Клычников 2004 – *Клычников Ю.Ю.* Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.): Дисс. ... док. ист. наук. – Пятигорск, 2004. – 636 с.

Кобахидзе 2010 – *Кобахидзе Е.И.* Осетия конца XVIII – начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления: Дисс. ... док. ист. наук. – Владикавказ, 2010. – 484 с.

Кузьминов 2004 – *Кузьминов П.А.* Материалы сословно-поземельных комиссий как исторический источник по истории народов Северного Кавказа // *Dedieindiem. Памяти А.П. Пронштейна. 1919–1998.* / Отв. ред.: А.В. Лубский, В.В. Черноус. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. – С. 122–144.

Малахова 2001 – *Малахова Г.Н.* Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – XIX вв.: Дисс. ... док. ист. наук. – М., 2001. – 503 с.

Нагоева 2009 – *Нагоева Р.Р.* Трансформация сословной структуры кабардинцев в 20-60-е годы XIX века: Дисс. ... канд. ист. наук. – Нальчик, 2009. – 180 с.

Народы... 2005 – Народы Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х годов XIX века. Сб. док. мат-ов. В 2-х т. / Сост., пред., комм. П.А. Кузьминов. – М.: Поматур, 2005. Т. 1. – 368 с.

Народы... 2005 – Народы Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х годов XIX века. Сб. док. мат-ов. В 2-х т. / Сост., пред., комм. П.А. Кузьминов. – М.: Поматур, 2005. Т. 2. – 392 с.

УЦГА АС КБР – Управление центрального государственного архива архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

REFERENCES

АБАЗОВ А.Кх. *K voprosu o deyatel'nosti Kabardinskogo vremennogo suda* [On the activities of the Kabardian Provisional Court]. *Arkhivy i obshchestvo*. – Вып. 3. – Nal'chik, 2007. – S. 50-57. (In Russ.).

АБАЗОВ А.Кх. *Gendernyi element sotsionormativnoi kul'tury kabardintsev po materialam Kabardinskogo vremennogo suda (1822–1858)* [The gender element of the socionormative culture of Kabardians based on the materials of the Kabardian Provisional Court (1822-1858)]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. – 2013. – № 2. – S. 87-98. (In Russ.).

АБАЗОВ А.Кх. *Kabardinskii vremennyi sud v usloviyakh integratsii Kabardy v sostav Rossiiskoi imperii vo vtoroi chetverti XIX v.* [Kabardian provisional court in the conditions of the integration of Kabarda into the Russian Empire in the second quarter of the XIX century.]. *Kavkazskii sbornik*. – Т. 9 (41). – Moskva, 2015. – S. 150–170. (In Russ.).

АБАЗОВ А.Кх. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v sudebnoi sisteme Rossiiskoi mperii v kontse XVIII – nachale XX v.* [The peoples of the Central Caucasus in the judicial system of the Russian Empire in the late XVIII – early XX centuries]. – Nalchik: ООО «Pechatnyi dvor», 2016. – 264 p. (In Russ.).

Administrativnaya praktika Rossiiskoi mperii na Tsentral'nom Kavkaze s kontsa XVIII v. do 1870 g. (na materiale Osetii): Sbornik dokumentov. Sost., vstup. st., komment. E.I. Kobakhidze [Administrative practice of the Russian Empire in the Central Caucasus since the end of the 18th century. before 1870 (based on Ossetia): Collection of documents. Comp. by E.I. Kobakhidze]. – Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2012. – 399 p. (In Russ.).

Akty Kavkazskoi Arkheograficheskoi komissii. T. XII [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. 12]. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1904. – 1558 p. (In Russ.).

БЛИЕВА З.М. *Rossiiskii byurokraticheskii apparat i narody Tsentral'nogo Kavkaza v kontse XVIII – 80-e gody XIX veka: diss. ... dok. ist. Nauk* [Russian bureaucratic apparatus and the peoples of the Central Caucasus at the end of the 18th – 80s of the 19th century: Dissertation for the Doctor of Historical Sciences degree]. – Vladikavkaz, 2005. – 476 p. (In Russ.).

ГАРДАНОВ В.К. *Materialy po obychnomu pravu kabardintsev. Pervaya polovina XIX v.* [Materials on the customary law of the Kabardians. First half of the 19th century]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1956. – 426 p. (In Russ.).

Dokumenty po istorii adygov 20–50-kh gg. XIX v. (po materialam TsGA KBR) / sost. Z.M. Kesheva [Documents on the history of the Circassians of the 20s – 50s.

XIX century (based on materials from the Central State Archives of the KBR). Comp. by Z.M. Kesheva]. – Nalchik: Izdatel'skii otel KBIGI, 2011. – 203 p. (In Russ.).

Istochnikovedenie istorii Severnogo Kavkaza / sost. E.G. Bitova [Source study of the history of the North Caucasus. Comp. by E.G. Bitova]. – Nal'chik: Kab.-Balk. un-t, 2005. – 45 p. (In Russ.).

KAROV A.H. *Administrativno-territorial'nye izmeneniya v Kabarde i Balkarii v konce XVIII – nachale XX vekov: diss. ... kand. ist. nauk* [Administrative-territorial changes in Kabarda and Balkaria in the late 18th – early 20th centuries: Dissertation for the Candidate of Historical Sciences degree]. – Nal'chik, 2000. – 202 p. (In Russ.).

KLYCHNIKOV Yu.Yu. *Rossiiskaya politika na Severnom Kavkaze (1827–1840): diss. ... dok. ist. nauk* [Russian policy in the North Caucasus (1827–1840): Dissertation for the Doctor of Historical Sciences degree]. – Pyatigorsk. 2004. – 636 p. (In Russ.).

KOBAKHIDZE E.I. *Osetiya kontsa XVIII – nachala XX v.: opyt istoricheskogo vzaimodeistviya traditsionnogo i gosudarstvenno-administrativnogo upravleniya: diss. ... dok. ist. Nauk* [Ossetia at the end of the 18th - beginning of the 20th century: the experience of the historical interaction of traditional and state-administrative management: Dissertation for the Doctor of Historical Sciences degree]. – Vladikavkaz, 2010. – 484 p. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A. *Materialy soslovno-pozemel'nyh komissij kak istoricheskij istochnik po istorii narodov Severnogo Kavkaza // De die in diem. Pamjati A.P. Pronshtejna. 1919–1998. / Otv. red.: A.V. Lubskij, V.V. Chernous* [Materials of estate and land commissions as a historical source on the history of the peoples of the North Caucasus // De die in diem. In memory of A.P. Prostein. 1919–1998 / Rev. editor: A.V. Lubsky, V.V. Chernous.]. – Rostov-na-Donu, 2004. – P. 122–144. (In Russ.).

MALAKHOVA G.N. *Stanovlenie i razvitie rossiiskogo gosudarstvennogo upravleniya na Severnom Kavkaze v kontse XVIII – XIX vv.: diss. ... dok. ist. nauk* [Formation and development of Russian state administration in the North Caucasus at the end of the 18th – 19th centuries: Dissertation for the Doctor of Historical Sciences degree]. – M., 2001. – 504 p. (In Russ.).

NAGOEVA R.R. *Transformatsiya soslovnoi struktury kabardintsev v 20-60-eg. XIX v.: diss. ... kand. ist. nauk* [Transformation of the estate structure of the Kabardians in the 20-60s of the XIX century: Dissertation for the Candidate of Historical Sciences degree]. – Nalchik, 2009. – 128 p. (In Russ.).

Narody Central'nogo Kavkaza v 40-h – nachale 60-h godov XIX veka. [Peoples of the Central Caucasus in the 40s - early 60s of the XIX century] *Sb. dok. mat-ov. V 2-h t. / Sost., pred., komm. P.A. Kuz'minov.* – M.: Pomatur, 2005. Vol. 1. – 368 p. (In Russ.).

UTsGA AS KBR – *Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Administration of the Central state archive of Archival service of Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ.).

Информация об авторе

Д.М. Алхасова – аспирант.

Information about the author

D.M. Alhasova – Graduate Student (History).

Статья поступила в редакцию 06.02.2022 г.; одобрена после рецензирования 21.02.2022 г.; принята к публикации 28.02.2022 г.

The article was submitted 06.02.2022; approved after reviewing 21.02.2022; accepted for publication 28.02.2022.

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Новейшая история

Научная статья

УДК 94

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-48-60

ОТ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ К ГОРСКОЙ АССР: ТЕРЕК В 1917–1921 ГГ.

Владимир Борисович Лобанов

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Россия, lobanov19772009@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9608-6619>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с административно-территориальным устройством Терской области на протяжении революции и Гражданской войны 1917–1921 гг. Делается вывод о том, что различные региональные режимы пытались претворить в жизнь свои национально-территориальные проекты. Однако, ни горско-казачье Временное Терско-Дагестанское правительство, ни большевистская Терская советская республика, ни либерально-националистическая Горская республика, ни белогвардейский Терско-Дагестанский край не смогли в должной мере овладеть симпатиями основной массы местного населения. Приводится заключение о том, что только советский проект, связанный с созданием Горской АССР, смог привлечь горские народы бывшей Терской области на свою сторону, перехватив политическую повестку у горского либерально-националистического политического направления, и обеспечить минимум лояльности новой власти.

Ключевые слова: Терская область, Временное Терско-Дагестанское правительство, Терская советская республика, Горская республика, Терско-Дагестанский край, Горская АССР.

Для цитирования: Лобанов В.Б. От Терской области к Горской АССР: Терек в 1917-1921 гг. // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 1. – С. 48-60. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-48-60

© Лобанов В.Б., 2022

Original article

FROM THE TEREK REGION TO THE GORSKAYA ASSR: TEREK IN 1917-1921

Vladimir B. Lobanov

Northwest Branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia, lobanov19772009@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9608-6619>

Abstract. The article deals with issues related to the administrative-territorial structure of the Terek region during the revolution and the Civil War of 1917-1921. This article concluded that various regional regimes have tried to implement their national-territorial projects. However, neither the Gorsko-Cossack Provisional Terek-Dagestan Government, nor the Bolshevik Terek Soviet Republic, nor the liberal-nationalist Mountain Republic, nor the White Guard Terek-Dagestan Region could adequately capture the sympathies of the bulk of the local population. The conclusion is given that only the Soviet project related to the creation of the Gorskaya ASSR could attract the mountain peoples of the former Terek region to its side, intercepting the political agenda of the mountain liberal-nationalist political direction, and to ensure a minimum of loyalty to the new government.

Keywords: Terek oblast, Provisional Terek-Dagestan Government, Terek Soviet Republic, Gorskaya ASSR, Terek-Dagestan Krai, Mountain ASSR.

For citation: Lobanov V.B. From the Terek region to the Gorskaya ASSR: Terek in 1917-1921. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 1. – P. 48-60. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-48-60

© Lobanov V.B., 2022

Нужно отметить, что вопросы, связанные с Революцией и Гражданской войной на Северном Кавказе, не остались вне поля внимания отечественных историков. В то же время советский период был отмечен односторонним изучением победившей стороны, вне исследования оставалась различные аспекты, касавшиеся противоборствующей стороны конфликта. Начиная с конца 1980-х гг. пристально изучается антибольшевистский спектр, представленный, в частности применительно к Тереку, терским казачеством, либерально-националистической общественностью, шариятистами (исламистами).

Среди историков, занимающихся широким спектром вопросов, связанных с Гражданской войной на Северном Кавказе, следует выделить петербургского историка А.С. Пученкова. В частности, ему посвящены ряд работ, связанных с национальной политикой генерала А.И. Деникина, в частности на Кавказе [Пученков 2016; Пученков 2020].

Петербургский историк А.Х. Даудов сконцентрировался на изучении изменений административно-территориального деления Северного Кавказа в 1917-1924 гг. [Даудов 2008; Даудов, Месхидзе 2009; Даудов 2011; Даудов 2012].

Московский историк В.Ж. Цветков в ряде своих работ затронул проблематику, связанную с британской интервенцией на Кавказе, ряд аспектов национальной политики Белого движения на юге России [Цветков 1998; Цветков 2003].

Московский историк Р.Г. Гагкуев в ряде своих работ освещает участие народов Северного Кавказа в Гражданской войне на стороне белогвардейцев [Гагкуев 2005; Гагкуев 2019].

Ингушский исследователь Т.Х. Матиев внес большой вклад в изучение горского либерально-националистического движения на Северном Кавказе в революционный период. В частности, его перу принадлежит ряд работ, осве-

щающих борьбу Ингушетии против Добровольческой армии в 1919–1920 гг. [Матиев 2018; Матиев 2019; Матиев 2020; Матиев 2021].

Махачкалинский исследователь Р.Т. Джамбулатов избрал темой своих работ изучение ряда вопросов, связанных с революционными изменениями на территории Терской области (современная территория Дагестана) [Джамбулатов 2007; Джамбулатов 2008; Джамбулатов 2013; Джамбулатов, Чекулаев 2017].

Дагестанский историк И.Х. Сулаев разрабатывает тематику, связанную с религиозной сферой и революционными изменениями, взаимоотношениями Советского государства и мусульманского духовенства [Сулаев 1998; Сулаев 2018; Сулаев 2019; Сулаев 2021].

Кабардинские исследователи А.Г. Кажаров, К.Ф. Дзамихов, А.Х. Боров, О.А. Жанситов затрагивают широкий спектр вопросов, связанных с революционными процессами и национально-государственным строительством на территории Нальчикского округа (современной Кабардино-Балкарии) [Кажаров 2018; Кажаров 2019; Дзамихов, Кажаров 2019; Жанситов 2019; Жанситов 2020; Жанситов 2021; Боров, Кажаров 2021].

Владикавказский историк Ф.С. Киреев исследует участие терских казаков и осетин в событиях Первой мировой и Гражданской войн [Киреев 2017; Киреев 2018; Киреев 2021].

Революционные процессы в России, начавшиеся с падения самодержавия в марте 1917 г., привели к кардинальным изменениям во всех сферах жизни народов и территорий, некогда составлявших бывшую империю. В первую очередь это касалось национальных территорий, и Северный Кавказ в этом смысле не был исключением. Терская область, входившая в состав Кавказского наместничества в 1905–1917 гг., претерпела на протяжении 1917–1921 гг. целый ряд административно-территориальных изменений, которые в итоге привели к ее полной ликвидации.

Первая по хронологии попытка изменения административно-территориального деления на Тереке была предпринята сразу после победы Февральской революции. Горские общественные деятели создали в мае 1917 г. во Владикавказе, терской столице, съезд, на котором, в частности, был поставлен вопрос о вхождении в состав новой, демократической России, в качестве нового горского «штата», который должен был состоять из горских территорий Терека, Дагестана и частично Закавказья [Кажаров 2017: 100]. Организационно заявка на новый регион была оформлена созданием новой общественной организации – Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана [Кажаров 2018: 30], который должен был координировать (пока еще на общественном уровне) деятельность всех горских народов и территорий, которые планировалось объединить в новую административно-территориальную единицу [Жанситов 2020: 50]. Чуть позже горские деятели приняли решение создать отдельное правительство, которое они назвали Горским, для координации деятельности горских территорий Терека и Дагестана [Жанситов 2021: 40]. Параллельно этому терское казачество решило создать свое казачье правительство для координации деятельности 4 казачьих отделов Терека [Киреев 2021: 95].

Накануне захвата власти большевиками в Петрограде рядом казачьих деятелей был поднят вопрос о создании Юго-Восточного союза из ряда регионов юга России, куда должна была войти и Терская область [Джамбулатов, Чекулаев 2017: 100]. Однако этого проект остался на стадии разработки: ему помешало бурное развитие политических событий в стране.

С таким многовластием Терек встретил Октябрьский переворот. Естественно, ни Горское, ни Казачье правительство не признали большевиков, захвативших власть в Петрограде, в качестве законной власти. В обстановке начинавшейся Гражданской войны и фактической децентрализации власти в России в декабре 1917 г. было принято решение создать объединенное Временное (до созыва уже не Всероссийского, а регионального, терско-дагестанского Учредительного собрания) Терско-Дагестанское правительство, во главе которого стал терский атаман М.А. Караулов [Киреев 2017: 40]. Однако терско-дагестанские антибольшевики продержались у власти недолго. В декабре был убит их признанный региональный лидер М.А. Караулов, что привело к крушению последних очагов сопротивления Советской власти.

Большевики на Тереке использовали национальный фактор для прихода к власти [Джамбулатов 2007: 145]. В Моздоке в январе 1918 г. был созван I-ый съезд народов Терека, на котором большевиками во главе с С.М. Кировым был создан Социалистический блок, Терский областной Народный совет и был наложен запрет на начало широкомасштабной войны с чеченцами и ингушами [Матиев 2018: 250]. На II-ом пятигорско-владикавказском съезде народов Терека февраля–марта 1918 г. большевики полностью захватили инициативу в свои руки, провозгласили на Тереке советскую власть и создали Терскую советскую республику [Киреев 2018: 60].

Параллельно советской форме государственности на Тереке, пока еще в виде проекта, была создана Горская республика, провозглашенная в Батуме 11 мая 1918 г. Горские деятели не признавали в свою очередь провозглашенную на Тереке советскую республику [Жанситов 2019: 300]. Был заключен военно-политический договор с турками, по которому последние должны были оказать военную помощь горским деятелям для свержения Советской власти на территории Терека и Дагестана. Турки помогли деятелям Азербайджанской демократической республики разгромить власть Диктатуры Центрокаспия, захватить Баку в сентябре 1918 г. и оттуда двинуться с горскими деятелями в Дагестан. Здесь в октябре–ноябре 1918 г. турецко-горские части разгромили войска под командованием Л.Ф. Бичерахова. В Дагестане обосновались деятели Горской республики во главе с А.-М.А. Чермоевым [Гагкуев 2019: 200].

До разгрома Советской власти они не пытались распространить свою власть на соседний Терек, сознавая неравенство сил. Однако в конце 1918 г., когда большевики терпели поражение и вынуждены были отступать под напором Добровольческой армии под командованием генерала А.И. Деникина, горские деятели стали посылать своих представителей на те территории, которые они считали своими [Джамбулатов 2013: 30; Джамбулатов 2008: 80]. Однако здесь они встретили противодействие со стороны добровольческого командования, которое уже назначило в отбитые у большевиков районы Терека свою

администрацию. Попытки апеллировать к британцам, которые пытались играть роль третейских судей в регионе, ни к чему не привели. Победители в Мировой войне преследовали на Кавказе свои собственные корыстные интересы.

Горская республика – это типичный пример государства, созданного на волне Революции и Гражданской войны, внутренне слабого, без сильной армии и госаппарата, которая исчезла при первом серьезном столкновении с чуть более серьезным противником, каковым являлась Добровольческая армия (позднее – Вооруженные силы Юга России). Только внешняя поддержка могла как-то держать на плаву такого рода государственные образования, но таковой в случае с Горской республикой не оказалось. Конфликт горцев с добровольцами первоначально протекал в виде петиций и переговоров, обе стороны претендовали на легитимность своей власти на Тереке [Пученков 2020: 35]. В начале 1919 г. даже казалось, что британцы пошли на поводу у горских деятелей [Цветков 2003: 100], которые попытались вытеснить белогвардейские части под командованием генерала М.А. Пржевальского из Дагестана. Британцы гарантировали горцам, что добровольцы не пересекут границу с Дагестаном, а в Порт-Петровске белые части находятся только для координации связи и переброски оружие и боеприпасов в Гурьев, т.е. с уральским казачеством, боровшимся с большевиками. В апреле 1919 г. с поста главы Терско-Дагестанского края ВСЮР был снят генерал В.П. Ляхов [Артемьев, Лобанов 2019: 45], что было воспринято как шаг навстречу горцам. Назначение генерала И.Г. Эрдели новым главой края, казалось бы, должно было изменить ситуацию в регионе.

Однако дальнейшие события показали, что все надежды горских деятелей на мирное разрешение ситуации с добровольцами были напрасными. В мае 1919 г. войсками Терско-Дагестанского края были нанесены молниеносные удары по Темир-Хан-Шуре и Порт-Петровску, в результате которых территория Дагестана стала полноценной частью Терско-Дагестанского края ВСЮР [Пученков 2016: 121]. Горские деятели частично покинули территорию своей «республики» и обосновались в столице такого же лимитрофа, но чуть более успешного – Грузинской демократической республики и начали свою деятельность против белогвардейцев, частично встали под знамена тех, кто боролся за единую, неделимую Россию. В частности, генерал М. Халилов, активный деятель почившей Горской республики, стал главой белогвардейского Дагестана [Добрякова, Донин, Лобанов 2019: 60].

Итак, в мае 1919 г. вся территория Терека и Дагестана была объединена в одну административно-территориальную единицу – Терско-Дагестанский край с центром в Пятигорске [Матиев 2020: 175]. Во главе каждого из национальных отделов Терека был поставлен свой глава, при котором существовал совет [Цветков 1998: 90]. В качестве лояльности новой власти каждый из народов Терека должен был выставить в Белую армию по дивизии [Гагкуев 2005: 78], что в конечном итоге вызвало антибелогвардейское восстание, продолжавшееся на протяжении второй половины 1919 и в начале 1920 гг. Первоначально оно было разрозненным, восставшие не имели единого координирующего центра и единой цели.

Осенью 1919 г. происходит формирование двух центров сопротивления белогвардейцам, которые также претендовали на власть в регионе. В сентябре был создан Северо-Кавказский эмират с центром в Ведено во главе с Узун-Хаджи Салтинским [Добрякова, Лобанов 2019: 133; Сулаев 2021: 135]. Это новое государственное образование претендовало на создание северокавказского государства под покровительством Османской империи, к тому моменту уже потерпевшей поражение в Мировой войне. В октябре первоначально дагестанскими исламистами во главе с Али-Хаджи Акушинским был создан Совет обороны Северного Кавказа и Дагестана [Сулаев 1998: 45; Матиев 2021: 310]. Этот совет претендовал также на власть на Тереке и Дагестане и объединял под своим началом такие разнородные силы, как исламисты [Сулаев 2019: 470], большевики и турки, которым оказывали помощь Грузия [Матиев 2019: 86] и Азербайджан.

Не вызывает сомнения то, что восстание против белогвардейцев на Тереке и в Дагестане в конечном счете удалось бы подавить. Однако продолжавшаяся Гражданская война требовала переброски всех лояльных вооруженных сил региона на другие участки фронта, что крайне затрудняло подавление локального восстания, что в свою очередь давало право ряду исследователей указывать на него в качестве одной из причин поражения белогвардейского южнорусского движения в конце 1919 – начале 1920 гг.

Так или иначе, поражение Вооруженных сил Юга России на рубеже 1919–1920 гг. привело к разгрому белогвардейской группировки на Северном Кавказе в феврале–марте 1920 г. и ликвидации Терско-Дагестанского края ВСЮР. Белогвардейцы с территории Терека и Дагестана частично отошли в Грузию и были там интернированы, частично (Каспийская военная флотилия ВСЮР) отошла в Персию и там была также интернирована, но уже британцами.

Советская власть победила на всей территории Северного Кавказа, однако первые мероприятия новой власти были приняты в штыки в Дагестане, что привело к восстанию 1920–21 гг. под руководством Нажмуддина Гоцинского [Сулаев 2018: 25]. Непокойная ситуация складывалась и на Тереке.

В этой ситуации было принято решение о создании на территории двух бывших областей – Терской и Дагестанской – советских автономных республик. Всю вторую половину 1920 г. шла работа по подготовке провозглашения новых форм советской государственности на территории Северного Кавказа [Даудов, Месхидзе 2009: 134]. Непосредственно руководил этим процессом Народный комиссар по делам национальностей И.В. Сталин. Ставилась задача в кратчайшие сроки перехватить региональную политическую повестку, связанную с проблематикой, которую поставила перед народами региона еще либерально-националистическая Горская республика в 1918 г. Необходимо было в кратчайшие сроки овладеть симпатиями горских народов, которые своими действиями или бездействием способствовали победе Советской власти в регионе в начале 1920 г., сбить волну региональных антисоветских восстаний 1920–1921 гг.

В итоге, в январе 1921 г. одновременно было провозглашено создание Горской (на территории горских округов бывшей Терской области) [Даудов 2008: 210; Даудов 2011: 40; Даудов 2012: 70] и Дагестанской (на территории бывшей

Дагестанской и частично Терской областей) автономных советских социалистических республик в составе РСФСР. На территории казачьих отделов бывшей Терской области была создана Терская губерния. Таким образом, в 1921 г. такая административно-территориальная единица Северного Кавказа, как Терская область, навсегда исчезла с карты региона [Дзамихов, Кажаров 2019: 40]. Создав на части упраздненной территории Терской области горскую советскую автономию [Боров, Кажаров 2021: 112], Советская власть заручилась поддержкой горцев Терека, нейтрализовав тем самым часть претензий со стороны горских деятелей в эмиграции и предотвратив возможные будущие волнения, связанные с предоставлением автономии горским народам Терека.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Артемьев, Лобанов 2019 – *Артемьев А.С., Лобанов В.Б.* Добровольческая армия в Терской области: Конец 1918 – первая половина 1919 гг. // Современная научная мысль. – 2019. – № 1. – С. 43-50.

Боров, Кажаров 2021 – *Боров А.Х., Кажаров А.Г.* Становление Кабардино-Балкарской автономной области: механизмы, этапы, значение // Электронный журнал «Кавказология». – 2021. – № 3. – С. 111-161.

Гагкуев 2005 – *Гагкуев Р. Г.* Горские формирования в составе белых армий юга России // Белое дело. 2 съезд представителей печатных и электронных изданий. – М., 2005. – С. 77-91.

Гагкуев 2019 – *Гагкуев Р.Г.* Особенности Великой российской революции и Гражданской войны на Северном Кавказе. 1917–1920 гг. // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. – 2019. – Т. 7. – С. 196-210.

Даудов 2011 – *Даудов А.Х.* Восстановление и развитие нефтяной и металлургической промышленности Горской АССР // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2011. – № 5. – С. 65-73.

Даудов 2012 – *Даудов А.Х.* Государственное устройство Горской АССР // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2012. – № 1. – С. 31-41.

Даудов 2008 – *Даудов А.Х.* Из истории ликвидации неграмотности народов Горской АССР // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди. Сборник научных трудов к 10-летию кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах СПбГУ. – Санкт-Петербург, 2008. – С. 207-214.

Даудов, Месхидзе 2009 – *Даудов А. Х., Месхидзе Д. И.* Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924 гг.). – СПб.: СПбГУ, 2009. – 224 с.

Джамбулатов 2013 – *Джамбулатов Р. Т.* Борьба с армией Деникина на Тереке в феврале 1919 – апреле 1920 г. // Вопросы истории. – 2013. – № 10. – С. 30-40.

Джамбулатов 2008 – *Джамбулатов Р. Т.* Гражданская война в Терской области в 1918 – начале 1919 г. // Вопросы истории. – 2008. – № 12. – С. 78-90.

Джамбулатов 2007 – *Джамбулатов Р. Т.* Погромы 1918 года в Хасав-Юрте // Вопросы истории. – 2007. – № 6. – С. 143-147.

Джамбулатов, Чекулаев 2017 – *Джамбулатов Р.Т., Чекулаев Н.Д.* Революционные будни 1917 года: Кизлярщина от Февраля к Октябрю // Революции в отечественной и мировой истории: к 100-летию российских революций 1917 года. Материалы международной научной конференции. Под редакцией В.М. Доброштан, С.И. Бугашева, А.С. Минина, Т.В. Рабуш. – СПб.: СПбГУ, 2017. – С. 98-101.

Дзамихов, Кажаров 2019 – *Дхамихов К.Ф., Кажаров А.Г.* О национальной государственности народов КБР: История становления и конституирования (начало 1920-х гг.) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2019. – № 3 (42). – С. 39-58.

Добрякова, Донин, Лобанов 2019 – *Добрякова Н.А., Донин А.Я., Лобанов В.Б.* Антибольшевистские силы Терско-Дагестанского региона в период Гражданской войны 1917–1920 гг. // Современная научная мысль. – 2019. – № 2. – С. 58-67.

Добрякова, Лобанов 2021 – *Добрякова Н.А., Лобанов В.Б.* Узун-Хаджи Салтинский – военный и политический деятель периода Революции и Гражданской войны на Северном Кавказе (1917–1920) // Современная научная мысль. – 2021. – № 2. – С. 132-135.

Жанситов 2020 – *Жанситов О.А.* Нальчикский округ в период Февральской и Октябрьской революций: Формирование новой администрации и борьба за власть // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2020. – № 4-2 (47). – С. 47-54.

Жанситов 2019 – *Жанситов О.А.* Проблема поддержания правопорядка в Кабарде в условиях революционной «смуты» (1917–1920 гг.) // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 3. – С. 299-306.

Жанситов 2021 – *Жанситов О.А.* Процесс «автономизации» в Кабарде в период Февральской и Октябрьской революции // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2021. – № 1 (52). – С. 38-43.

Кажаров 2017 – *Кажаров А.Г.* Горская интеллигенция об этнополитических процессах на Северном Кавказе: идеи, проекты и итоги национального самоопределения в 1917–1918 гг. // Вестник АГУ. – 2017. – № 4 (209). – С. 100-110.

Кажаров 2018 – *Кажаров А.Г.* Организация «Союз объединенных горцев» и сепаратизм на Северном Кавказе: предпосылки, движущие силы и итоги (1917–1919 гг.) // Вестник АГУ. – 2018. – № 1 (214). – С. 28-38.

Киреев 2021 – *Киреев Ф.С.* Восстановление войскового самоуправления в Терском казачьем войске весной 1917 г. // Kavkaz-Forum. – 2021. – № 5 (12). – С. 90-100.

Киреев 2018 – *Киреев Ф.С.* Из истории гражданского противостояния на Тереке в 1918 году // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. – 2018. – № 20. – С. 53-67.

Киреев 2017 – *Киреев Ф. С.* Терское казачество в период революционных событий 1917 года // Гражданская война на Северном Кавказе: грани осмысле-

ния. Материалы Международной научной конференции / Под ред. докт. ист. наук З. В. Кануковой. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. – С. 33-47.

Матиев 2020 – *Матиев Т.Х.* Горское национальное движение в революциях и гражданской войне на Северном Кавказе (1917–1921). – Назрань: ООО «Кеп», 2020. – 402 с.

Матиев 2019 – *Матиев Т.Х.* Роль меньшевистской Грузии в поддержке горского антиденикинского движения в период Гражданской войны на Северном Кавказе // Современная научная жизнь. – 2019. – № 6. – С. 86-89.

Матиев 2018 – *Матиев Т.Х.* Роль моздокского съезда народов Терека в налаживании политического союза между Ингушетией и большевиками // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. – 2018. – Т. 18. – Вып. 2. – С. 250-253.

Матиев 2021 – *Матиев Т.Х.* Термин «Горское национальное движение» в современной историографии революции и гражданской войны 1917–1921 гг. // «Культура и история народов Кавказа: вчера, сегодня, завтра». Материалы Международной научной конференции, посвященной 95-летию создания Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э.Ахриева. – Магас: ООО «КЕП», 2021. – С. 309-316.

Пученков 2016 – *Пученков А.С.* Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920). – М.: Научно-популярная книга, 2016. – 399 с.

Пученков 2020 – *Пученков А.С.* Размышляя о Гражданской войне // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2020. – № 4. – С. 33-37.

Сулаев 2021 – *Сулаев И. Х.* Мусульманское духовенство Дагестана и светская власть: борьба и сотрудничество (1917–1921 гг.). – Махачкала: ДГУ, 2021. – 199 с.

Сулаев 2018 – *Сулаев И.Х.* Общественно-политические и социальные взгляды Нажмуддина Гоцинского (1859–1925) // Религиоведение. – 2018. – № 2. – С. 21-28.

Сулаев 2019 – *Сулаев И. Х.* Революция и гражданская война в восприятии и деяниях мусульманского духовенства Дагестана (1917–1921 гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2019. – № 1-2. – С. 463-487.

Сулаев 1998 – *Сулаев И. Х.* Страницы жизни Али Хаджи Акушинского // Возрождение. – Махачкала, 1998. – № 4. – С. 42-49.

Цветков 1998 – *Цветков В.Ж.* Гражданская война на Северном Кавказе (национальная политика белого движения на юге России) // Научные труды Московского Педагогического Государственного университета. Серия: Социально-исторические науки. – 1998. – С. 88-93.

Цветков 2003 – *Цветков В.Ж.* Мундир английский, погон российский. Британия и «русская Смута» // Родина. – 2003. – № 5-6. – С. 99-104.

REFERENCES

ARTEM'EV A.S., LOBANOV V.B. *Dobrovol'cheskaya armiya v Terskoj oblasti: Konec 1918 – pervaya polovina 1919 gg.* [Volunteer army in the Terek region:

Late 1918 – first half of 1919]. IN: *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. – 2019. – № 1. – S. 43-50. (In Russ.).

BOROV A.H., KAZHAROV A.G. *Stanovlenie Kabardino-Balkarskoj avtonomnoj oblasti: mekhanizmy, etapy, znachenie* [Formation of the Kabardino-Balkarian Autonomous Region: mechanisms, stages, significance]. IN: *Kavkazologiya*. – 2021. – № 3. – S. 111-161. (In Russ.).

GAGKUEV R.G. *Gorskie formirovaniya v sostave belyh armij yuga Rossii* [Mountain formations as part of the white armies of southern Russia]. IN: *Beloedelo. 2 s"ezd predstavitelej pechatnyhi elektronnyh izdaniy*. – M., 2005. – S. 77-91. (In Russ.).

GAGKUEV R.G. *Osobennosti Velikojrossijskoj revolyucii i Grazhdanskoj vojny na Severnom Kavkaze. 1917-1920 gg.* [Features of the Great Russian Revolution and the Civil War in the North Caucasus. 1917-1920]. IN: *Rossiya v epohurevolucij i reform. Problemy istorii i istoriografii*. – 2019. – T. 7. – S. 196-210. (In Russ.).

DAUDOV A.H. *Vosstanovlenie i razvitie neftyanoj i metallurgicheskoj promyshlennosti Gorskoj ASSR* [Restoration and development of the oil and metallurgical industry of the Mountain Autonomous Soviet Socialist Republic]. IN: *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. – 2011. – № 5. – S. 65-73. (In Russ.).

DAUDOV A.H. *Gosudarstvennoe ustrojstvo Gorskoj ASSR* [State structure of the Mountain Autonomous Soviet Socialist Republic]. IN: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. – *Istoriya*. 2012. – № 1. – S. 31-41. (In Russ.).

DAUDOV A.H. *Izistorii likvidacii negramotnosti narodov Gorskoj ASSR* [From the history of elimination of illiteracy of the people Mountain the ASSR]. IN: *Stranicy rossijskoj istorii: Problemy, sobytiya, lyudi. Sbornik nauchnyh trudov k 10-letiyu kafedry istorii dlya prepodavaniya na estestvennyh i gumanitarnyh fakul'tetah SPbGU*. – Sankt-Peterburg, 2008. – S. 207-214. (In Russ.).

DAUDOV A.H., MESKHIDZE D.I. *Nacional'naya gosudarstvennost' gorskih narodov Severnogo Kavkaza (1917-1924 gg.)*. [National statehood of the mountain peoples of the North Caucasus (1917-1924)]. – SPb.: SPbGU, 2009. – 224 s. (In Russ.).

DZHAMBULATOV R.T. *Bor'ba s armiej Denikina na Tereke v fevrале 1919 – aprele 1920 g.* [The struggle with the army of Denikin on the Terek in February 1919 - April 1920]. IN: *Voprosy istorii*. – 2013. – № 10. – S. 30-40. (In Russ.).

DZHAMBULATOV R.T. *Grazhdanskaya vojna v Terskoj oblasti v 1918 – nachale 1919 g.* [Civil war in the Terek region in 1918 - early 1919]. IN: *Voprosy istorii*. – 2008. – № 12. – S. 78-90. (In Russ.).

DZHAMBULATOV R.T. *Pogromy 1918 goda v Hasav-YUrte* [Pogroma 1918 in Khasav-Yurt]. IN: *Voprosy istorii*. – 2007. – № 6. – S. 143-147. (In Russ.).

DZHAMBULATOV R.T., CHEKULAEV N.D. *Revolucionnyye budni 1917 goda: Kizlyarshchina ot Fevralya k Oktyabryu* [Revolutionary weekdays of 1917: Kizlyarshchina from February to October]. IN: *Revolycii v otechestvennoj i mirovoj istorii: k 100-letiyu rossijskih revolyucij 1917 goda. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Pod redakciej V.M. Dobroshtana, S.I. Bugasheva, A.S. Minina, T.V. Rabush. – SPb., 2017. – S. 98-101. (In Russ.).

DZAMIHOV K.F., KAZHAROV A.G. *O nacional'noj gosudarstvennosti narodov KBR: Istoriya stanovleniya i konstituirovaniya (nachalo 1920-h gg.)* [On the national statehood of the peoples of the CBD: History of formation and constitution (early 1920s)]. IN: Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnyh issledovanij. – 2019. – № 3 (42). – S. 39-58. (In Russ.).

DOBRYAKOVA N.A., DONIN A.YA., LOBANOV V.B. *Antibol'shevistskie sily Tersko-Dagestanskogo regiona v period Grazhdanskoj vojny 1917-1920 gg.* [Anti-Bolshevik forces of the Terek-Dagestan region during the Civil War of 1917-1920.]. IN: Sovremennaya nauchnaya mysl'. – 2019. – № 2. – S. 58-67. (In Russ.).

DOBRYAKOVA N.A., LOBANOV V.B. *Uzun-Hadzhi Saltinskij – voennyj i politicheskijdeyatel' perioda Revolyucii i Grazhdanskoj vojny na Severnom Kavkaze (1917-1920)* [Uzun-Hadji Saltinsky - military and political figure of the period of the Revolution and the Civil War in the North Caucasus (1917-1920)]. IN: Sovremennaya nauchnaya mysl'. – 2021. – № 2. – S. 132-135. (In Russ.).

ZHANSITOV O.A. *Nal'chikskij okrug v period Fevral'skoj i Oktyabr'skoj revolyucij: Formirovanie novoj administracii i ibor'ba za vlast'* [Nalchik district during the February and October revolutions: Formation of a new administration and struggle for power]. IN: Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnyh issledovanij. – 2020. – № 4-2 (47). – S. 47-54. (In Russ.).

ZHANSITOV O.A. *Problema podderzhaniya pravoporyadka v Kabarde v usloviyah revolyucionnoj «smuty» (1917-1920 gg.)* [The problem of maintaining law and order in Kabard in the conditions of revolutionary "turmoil" (1917-1920)]. IN: Social'no-gumanitarnye znaniya. – 2019. – № 3. – S. 299-306. (In Russ.).

ZHANSITOV O.A. *Process «avtonomizacii» v Kabarde v period Fevral'skoj i Oktyabr'skoj revolyucii* [The process of "autonomy" in Kabarda during the February and October revolutions]. IN: Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki. – 2021. – № 1 (52). – S. 38-43. (In Russ.).

KAZHAROV A.G. *Gorskaya intelligenciya ob etnopoliticheskikh processah na Severnom Kavkaze: idei, proekty i itogi nacional'nogo samoopredeleniya v 1917-1918 gg.* [Gorskaya intelligentsia on ethnopolitical processes in the North Caucasus: ideas, projects and results of national self-determination in 1917-1918.]. IN: Vestnik AGU. – 2017. – № 4(209). – S. 100-110. (In Russ.).

KAZHAROV A.G. *Organizaciya «Soyuz ob"edinennyh gorcev» i separatizm na Severnom Kavkaze: predposylki, dvizhushchiesily i itogi (1917-1919 gg.)* [Organization of the Union of United Highlanders and separatism in the North Caucasus: prerequisites, driving forces and results (1917-1919)]. IN: Vestnik AGU. – 2018. – № 1(214). – S. 28-38. (In Russ.).

KIREEV F.S. *Vosstanovlenie vojskovogo samoupravleniya v Terskom kazach'em vojske vesnoj 1917 g.* [Restoration of military self-government in the Terek Cossack army in the spring of 1917]. IN: Kavkaz-Forum. – 2021. – № 5 (12). – S. 90-100. (In Russ.).

KIREEV F.S. *Iz istorii grazhdanskogo protivostoyaniya na Tereke v 1918 godu* [From the history of the civil confrontation on the Terek in 1918]. IN: Izvestiya SOIGSI. SHkola molodyh uchenyh. – 2018. – № 20. – S. 53-67. (In Russ.).

KIREEV F.S. *Terskoe kazachestvo v period revolyucionnyh sobytij 1917 goda* [Terek Cossacks during the revolutionary events of 1917]. IN: *Grazhdanskaya vojna na Severnom Kavkaze: grani osmysleniya. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii / Pod red. dokt. ist. nauk Z.V. Kanukovoj.* – Vladikavkaz: SOIGSI VNC RAN, 2017. – S. 33-47. (In Russ.).

MATIEV T.H. *Gorskoe nacional'noe dvizhenie v revolyuciyah i grazhdanskoj vojne na Severnom Kavkaze (1917-1921)*. [Mountain national movement in revolutions and civil war in the North Caucasus (1917-1921)]. IN: Nazran': OOO «Кер», 2020. – 402 s. (In Russ.).

MATIEV T.H. *Rol' men'shevistskoj Gruzii v podderzhke gorskogo antidenkinskogo dvizheniya v period Grazhdanskoj vojny na Severnom Kavkaze* [Role of Menshevik Georgia in support of mountain anti-Denikin movement during the Civil War in the North Caucasus]. IN: *Sovremennaya nauchnaya zhizn'*. – 2019. – № 6. – S. 86-89. (In Russ.).

MATIEV T.H. *Rol' mozdokskogo s'ezda narodov Tereka v nalazhivanii politicheskogo soyuza mezhdru Ingushetiej i bol'shevikami* [The role of the Mozdok Congress of the Peoples of the Terek in establishing a political alliance between Ingushetia and the Bolsheviks]. IN: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Nov. ser. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya.* – 2018. – T. 18. – Vyp. 2. – S. 250-253. (In Russ.).

MATIEV T.H. *Termin «Gorskoe nacional'noe dvizhenie» v sovremennoj istoriografii revolyuci i igrzhdanskoj vojny 1917-1921 gg.* [The term "Mountain National Movement" in the modern historiography of the revolution and the civil war of 1917-1921]. IN: «Kul'tura i istoriya narodov Kavkaza: vchera, segodnya, zavtra». *Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 95-letiyu sozdaniya Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnyh nauk im. CH.E. Ahrieva.* – Magas: OOO «КЕР», 2021. – S. 309-316. (In Russ.).

PUCHENKOV A.S. *Nacional'naya politika generala Denikina (vesna 1918 – vesna 1920)*. [National Policy of General Denikin (spring 1918 – spring 1920)]. IN: M.: *Nauchno-populyarnaya kniga*, 2016. – 399 s. (In Russ.).

PUCHENKOV A.S. *Razmyshlyaya o Grazhdanskoj vojne* [Reflecting on the Civil War]. IN: *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki.* – 2020. – № 4. – S. 33-37. (In Russ.).

SULAEV I.H. *Musul'manskoe duhovenstvo Dagestana i svetskaya vlast': bor'ba i sotrudnichestvo (1917-1921 gg.)*. [Muslim clergy of Dagestan and secular power: struggle and cooperation (1917-1921)]. – Mahachkala: DGU, 2021. – 199 s. (In Russ.).

SULAEV I.H. *Obshchestvenno-politicheskie i social'nye vzglyady Nazhmuddina Gocinskogo (1859-1925)* [Socio-political and social views of Nazhmuddin Gotsinsky (1859-1925)]. IN: *Religiovedenie.* – 2018. – № 2. – S. 21-28. (In Russ.).

SULAEV I.H. *Revolyuciya i grazhdanskaya vojna v vospriyati i ideyaniyah musul'manskogo duhovenstva Dagestana (1917-1921 gg.)* [Revolution and civil war in the perception and acts of the Muslim clergy of Dagestan (1917-1921)]. IN: *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossiii za rubezhom.* – 2019. – № 1-2. – S. 463-487. (In Russ.).

SULAEV I.H. *Stranicy zhizni Ali Hadzhi Akushinskogo* [Pages of the life of Ali Hadji Obstinsky]. IN: Vozrozhdenie. – Mahachkala, 1998. – № 4. – S. 42-49. (In Russ.).

CVETKOV V.ZH. *Grazhdanskaya vojna na Severnom Kavkaze (nacional'naya politika belogo dvizheniya na yuge Rossii)* [Civil war in the North Caucasus (national policy of the white movement in southern Russia)]. IN: Nauchnye trudy Moskovskogo Pedagogicheskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-istoricheskie nauki. – 1998. – S. 88–93. (In Russ.).

CVETKOV V.ZH. *Mundiranglijskij, pogonrossijskij. Britaniyai «russkaya Smuta»* [Uniform English, Russian pursuit. Britain and Russian Troubles]. IN: Rodina. – 2003. – № 5-6. – S. 99-104. (In Russ.).

Информация об авторе

В. Б. Лобанов – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

V. B. Lobanov – Candidate of Sciences (History), associate professor.

Статья поступила в редакцию 25.02.2022 г.; одобрена после рецензирования 14.03.2022 г.; принята к публикации 21.03.2022 г.

The article was submitted 25.02.2022; approved after reviewing 14.03.2022; accepted for publication 21.03.2022.

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Новейшая история

Научная статья

УДК 93/94(470.64)

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-61-78

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ФИНАНСОВАЯ ПОМОЩЬ ТЫЛА ФРОНТУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ)

Алим Инзрелович Тетуев

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, alim-tetuev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4387-291X>

Аннотация. В статье на основе анализа историографии по теме исследования выявлены проблемы, требующие изучения; определены цели, задачи, методология исследования. На основе новых архивных документов и других источников проанализированы проблемы организации материальной и финансовой помощи предприятиями, колхозами, совхозами и тружениками тыла Красной Армии. Рассмотрены основные направления, формы и методы деятельности государственных, партийных органов и общественных организаций, направленных на сбор средств в Фонд обороны страны и приобретение боевой техники, подписку на Государственные военные займы, сбор теплой одежды и подарков для бойцов и командиров воинских частей и соединений. Проанализированы мотивы патриотического движения советских граждан, направленного на оказание помощи фронту. Сделан вывод о том, что основными направлениями материальной и финансовой помощи тыла Красной Армии стали, возникшие по инициативе тружеников движения: сбор средств в Фонд обороны страны и приобретение боевой техники, подписка на Государственные военные займы, создание хлебного фонда, сбор теплой одежды, подарков для бойцов и командиров воинских частей и соединений

Ключевые слова: война, государственные органы власти, помощь, труженики тыла Красная Армия, Фонд обороны, военные займы, теплая одежда, подарки.

Для цитирования: Тетуев А.И. Материальная и финансовая помощь тыла фронту в годы Великой Отечественной войны (на материалах Кабардино-Балкарии) // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 1. – С. 61-78. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-61-78

© Тетуев А.И., 2022

Original article

MATERIAL AND FINANCIAL ASSISTANCE TO THE REAR FRONT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON THE MATERIALS OF KABARDINO-BALKARIA)

Alim I. Tetuev

The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, alim-tetuev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4387-291X>

Abstract. In the article, based on the analysis of historiography on the study, the problems requiring study are identified, the goals, objectives, and methodology of the study are defined. Based on new archival documents and other sources, the problems of organizing material and financial assistance by enterprises, collective farms, state farms and workers of the rear of the Red Army are analyzed. The main directions, forms and methods of activity of state, party bodies and public organizations in raising funds for the National Defense Fund and purchasing military equipment, subscribing to State military loans, collecting warm clothes and gifts for soldiers and commanders of military units and formations are considered. This article analyzes the motives of the patriotic movement of Soviet citizens aimed at helping the front. It was concluded that the main areas of material and financial assistance to the rear of the Red Army were those that arose at the initiative of the workers of the movement: raising funds for the country's Defense Fund and the purchase of military equipment, subscribing to State military loans, creating a bread fund, collecting warm clothes, gifts for fighters and commanders of military units and formations.

Keywords: war, state authorities, assistance, home front workers Red Army, Defense Fund, military loans, warm clothes, gifts.

For citation: Tetuev A.I. Material and financial assistance to the rear front during the Great Patriotic war (on the materials of Kabardino-Balkaria). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 1. – P. 61-78. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-61-78

© Tetuev A.I., 2022

Введение

Одним из главных источников победы Советского Союза в Великой Отечественной войне явилось единство фронта и тыла. Красная армия опиралась на материальную и моральную поддержку коллективов предприятий, колхозов, совхозов, всего гражданского населения страны. Изучение, обобщение и осмысление этого уникального опыта взаимодействия и единения государственных и партийных органов власти страны, общественности по организации работы тыла, в том числе и гражданского населения, в экстремальных условиях войны имеют большое научное и практическое значение.

Проблемы повседневной жизни гражданского населения, в том числе помощь фронту, в годы войны в последние годы все больше привлекает внимание историков. Обстоятельно рассматриваются они в 10 томе фундаментального труда «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в 12 томах» [ВОВ 2014].

Отдельные аспекты оказания помощи фронту в различных регионах изучены в работах А. В. Волобуева, М.С. Зинич, А.Ш. Кабировой, В.В. Черепанова [Волобуев 2019; Зинич 2019; Кабирова 2015; Черепанов 1994]. В них освещаются реалии повседневной жизни, единство фронта и тыла, обоснованы основные направления и формы народной поддержки фронта в годы войны.

Имеются отдельные исследования названной темы по Кабардино-Балкарии. Так, в работе Е.Т. Хакуашева рассматриваются некоторые вопросы,

связанные с оказанием помощи фронту жителями республики в годы войны. Вместе с тем следует отметить, что в ней недостаточно использован имеющийся архивный материал [Хакуашев 1978]. В коллективной работе «Кабардино-Балкария: Тыл и фронт...» собран значительный фактический материал, касающийся помощи тыла фронту [КБТФ 2005]. Отдельные проблемы данной темы анализируются в статьях М.Х. Гуговой, А.И. Тетуева [Гугова 2020; Тетуев 2019].

Таким образом, рассматриваемая проблема в определенной степени нашла отражение в научной литературе, в различных документах и материалах. В то же время, практически отсутствуют работы, в которых исследована в комплексе деятельность государственных, партийных органов и общественности Кабардино-Балкарии по организации помощи тыла фронту.

Цель исследования – на основе новых архивных документов изучить комплексно деятельность государственных, партийных органов и общественных организаций Кабардино-Балкарии по оказанию материальной и финансовой помощи фронту в годы Великой Отечественной войны. Ее реализация предусматривает решение следующих задач:

1. Исследовать основные направления, формы и методы деятельности государственных партийных органов и общественных организаций Кабардино-Балкарии по мобилизации тружеников тыла на предоставление материальной и финансовой помощи фронту.

2. Изучить вклад Кабардино-Балкарии в оказании материальной и финансовой помощи фронту.

3. Выявить основные факторы, оказавшие влияние на патриотическое движение по поддержке Красной Армии.

Научная новизна. Анализ архивных документов и других источников позволил автору впервые в отечественной историографии на региональном уровне реконструировать максимально приближенную к действительности работу государственных, партийных органов и общественности по мобилизации тружеников тыла на оказание помощи фронту.

Методологической основой исследования являются принципы историзма, научности, объективности и системности. Кроме того, были использованы историко-сравнительный, историко-системный, историко-типологический методы, а также метод социального анализа.

Основная часть

С первых же дней Великой Отечественной войны рабочие, колхозники и интеллигенция советского государства, воодушевленные патриотическими чувствами, встали на защиту своей Родины. Они, каждый на своем рабочем месте, самоотверженным трудом помогали укреплять экономику и оборонную мощь страны. На предприятиях страны был выдвинут лозунг: «Всё для фронта! Всё для победы!», который стал основой широкого движения за ударный труд в помощь фронту. Он был подхвачен и жителями Кабардино-Балкарии. Повсеместно множились ряды рабочих, перевыполнявших норму выработки на 150–200 и более процентов. Так, коллектив ремонтной базы № 12 Наркомата обороны

СССР г. Прохладного, перестроив производство и цикл работ, начиная с июля по декабрь выполнили план полугодия по ремонту танков на 270 %. Систематически перевыполняли нормы на 200–300 % токари паровозного депо железнодорожной станции Прохладная: Алексеенко, Абрамченко, Небесов и другие [КБ ВОВ 1975: 112–114]. Укладчица спичек Нальчикского химкомбината Надя Хуламханова, заменившая ушедшего на фронт мужа, дневную норму выполняла на 200 % [КБТФ 2005: 107].

Другой формой оказания помощи фронту тружениками тыла стал сбор средств, которые содействовали бы укреплению военной мощи Красной армии. В конце июля 1941 г. в газете «Правда» был опубликован обзор писем под заголовком «Трудящиеся предлагают создать Фонд обороны». В статье отмечалось: «...С первых дней войны в редакцию «Правды» и в Наркомфин поступают предложения создать фонд обороны. Целые коллективы и отдельные граждане отчисляют однодневный заработок, вносят определенные суммы, облигации, золотые вещи, заявляя при этом, что готовы и впредь участвовать в расширении фонда обороны» [газета «Правда» 1941: 29 июля].

Затем, коллектив московского станкозавода «Красный пролетарий», 31 июля 1941 г., через газету «Правда» обратился ко всем рабочим, инженерно-техническим сотрудникам, деятелям науки и искусства Советского Союза с призывом начать «ежемесячно до конца войны производить отчисление однодневного заработка в Фонд обороны страны, за счет которого можно дать новые тысячи самолетов, танков, сотни тысяч пулеметов, винтовок и прочего боевого снаряжения для окончательного разгрома злейшего врага человечества – фашизма» [ВОВ 2014:152]. Патриотический почин был поддержан и в Кабардино-Балкарии. Жители республики сдавали в фонд обороны деньги, облигации, драгоценные изделия из золота и серебра.

Широко использовалась в годы войны и форма сбора средств для помощи фронту посредством проведения воскресников. Первый массовый воскресник в Фонд обороны страны состоялся 3 августа 1941 г. во Всесоюзный день железнодорожников. В Прохладненском отделении железной дороги на работу вышли несколько тысяч железнодорожников и домохозяек. Коллектив вагоноремонтного депо отремонтировал несколько паровозов и 15 вагонов. Деньги, заработанные на воскреснике, были перечислены в Фонд обороны страны [Тетуев 2019: 67, 68]. Коллектив железнодорожной станции Муртазово с 20 сентября 1941 г. ежемесячно отчислял в фонд обороны страны двухдневный заработок [ВОВ 2014: 359].

Проведение воскресников, декадников и месячников в помощь фронту стало традиционной и для молодежи республики. 17 августа 1941 г. был проведен первый Всесоюзный комсомольско-молодежный воскресник. В Кабардино-Балкарии было заработано и перечислено в фонд обороны страны свыше 300 тыс. руб. [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 295. Л. 38].

Кроме того, комсомольцы Кабардино-Балкарии поддержали инициативу комсомольской организации Челябинского тракторного завода о проведении 23 ноября 1941 г. комсомольско-молодежного воскресника. Несмотря на резкое похолодание в республике, продолжавшееся и 23 ноября, на работу в воскресне-

ные вышли десятки тысяч человек. Многие колхозники, рабочие и служащие, помимо непосредственного участия в день воскресника, отчислили в фонд строительства свои сбережения, часть заработанных трудодней, однодневные и двухдневные заработки. Общая сумма выработанных на воскреснике средств составила 312 513 руб. [КБ ВОВ 1975: 361, 362].

Ко дню Конституции, 5 декабря 1941 г., труженики Эльбрусского района передали в фонд обороны 155 голов крупного рогатого скота, 300 овец, 52 лошади. От колхозников Чегемского района поступило 168 голов крупного рогатого скота, 115 овец и коз, 600 кг масла, 750 кг сыра и 450 л молока [Газета 1941: 6, 7 декабря].

Руководство Кабардино-Балкарии регулярно отправляло сведения о поступлении денежных средств в Фонд Красной армии по республике первым лицам государства. Это свидетельствует о большой заинтересованности государства в дополнительных доходах бюджета СССР. На 10 января 1942 г. от трудящихся Кабардино-Балкарии в фонд обороны страны поступило 3300 тыс. руб. деньгами, облигациями на 4 389 тыс. руб., зерновых сдали 181 тонну, 73 тонны подсолнуха, 956 центнеров мяса, пищевых заготовок на 9527 руб. [Газета 1942: 17 января].

После освобождения Кабардино-Балкарии от немецких оккупантов, по решению Кабардино-Балкарского обкома ВЛКСМ, 15 апреля 1943 г. по всей республике был проведен комсомольско-молодежный воскресник. Организованно прошел воскресник в Нальчикском районе. По примеру молодежи вышли на работу и колхозники. Всего в воскреснике приняли участие 2624 человека. Заработанные в этот день, собранные дополнительно средства в сумме 19 500 руб. поступили в Госбанк. С большим энтузиазмом прошел воскресник и в других районах. В Зольском районе работали 908 человек. В фонд обороны страны было перечислено 15 040 руб. [КБ ВОВ 1975: 373, 374].

Следует отметить, что во время проведения в республике различных акций по сбору средств в помощь фронту, не обошлось без нарушений. В докладной записке Наркомфина КБАССР Нальчикскому комитету обороны от 25.12.1941 г. указывалось, что допущены организационные недочеты: неполнота охвата коллективов рабочих и служащих, длительная задержка в перечислении Госбанку удержанных сумм, отсутствие протоколов общих собраний и подписных листов [УЦДНИ АС КБР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 2. Л. 119, 120, 122]. Нальчикский комитет обороны, обсудив указанную докладную записку, отметил: «...Поступления в Фонд обороны свидетельствуют о могучем подъеме советского патриотизма. Наличными деньгами на 21 декабря 1941 г. поступило 2719,0 тыс. руб., облигациями – 4715,0 тыс. руб., много сельхозпродуктов, скота и теплых вещей. Однако, выявленные недостатки оказывают влияние на результаты зачисления в Фонд обороны. Нальчикский комитет обороны направил соответствующие указания советским и партийным организациям республики «об упорядочении и усилении работы по своевременному отчислению в Фонд обороны» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 26. Оп. 1, Д. 2. Л. 122]. В последующем, упомянутые недостатки были устранены, но, следует отметить, что в ходе реализации спускавшихся сверху жестких планов и разнарядок, зачастую, руководите-

ли предприятий, учреждений, колхозов и совхозов продолжали использовать административный ресурс.

Наряду с работой Фонда обороны, в годы войны широкое распространение получила форма адресного сбора денежных средства населения на строительство танковых колонн и эскадрилий, самолетов и бронепоездов для Красной армии. Инициаторами этого движения выступили комсомольцы Челябинского абразивного завода осенью 1941 г., которые возглавили всесоюзное патриотическое движение на строительство танковой колонны [ВОВ 2014: 157]. Данная инициатива была поддержана комсомольцами Докшукинского ацетонобутанолового завода, которые решили начать сбор средств на строительство «Танковой колонны им комсомола Кабардино-Балкарии». Кабардино-Балкарский обком ВЛКСМ постановлением от 3 декабря 1941 г. обязал райкомы и горком ВЛКСМ обсудить данное предложение и путем разъяснительной работы добиться, чтобы каждый комсомолец и вся несоюзная молодежь внесли свой вклад в фонд строительства танковой колонны [КБ ВОВ 1975: 362].

Комсомольские организации провели большую работу по сбору средств на оборонные цели. По состоянию на 15 октября 1942 г. было собрано на строительство танков 643 тыс. руб., звена истребителей – 80 тыс. руб., на молодежных воскресниках было заработано и внесено в фонд обороны страны 309 600 руб., собрано и сдано государству 2338 тонн металлолома [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 278. Л. 14–16.].

Помимо этого, комсомольцами было собрано 1 655 тыс. руб. на строительство эскадрильи истребителей «Комсомолец Кабарды». На указанные средства была приобретена эскадрилья истребителей и передана войскам 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Жукова [КБВОВ 1975: 421, 422].

После освобождения территории республики от немецких оккупантов, по инициативе колхозников сельхозартели «Красный Восток» села Шалушка, начался добровольный сбор средств на строительство танковой колонны «Колхозник орденоносной Кабардино-Балкарии». С 12 по 15 января 1943 г. колхозники внесли на строительство танковой колонны 62 300 руб. из личных сбережений [УЦДНИ АС КБР. Ф. 289. Оп. 1. Д. 3. Л. 18]. Данное начинание нашло широкий отклик среди колхозников, рабочих и служащих республики. Так, рабочие Нальчикского кожаного завода сдали в Госбанк 5310 руб., колхозники Лескенского района – 1 013,3 тыс. руб., Хуламо-Безенгиевского района – 650 тыс. руб., Нальчикского района – 623 тыс. руб., учащиеся Майской средней школы – 1475 руб. Всего в 1943 г. на строительство танковой колонны «Колхозник орденоносной Кабардино-Балкарии» было собрано 13 353 тыс. руб. [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1100. Л. 6; КБВОВ 1975: 368, 369, 371–373].

По инициативе коллектива Нальчикского мясокомбината в январе 1944 г. в республике развернулось движение по сбору средств на строительство танковой колонны «Смерть немецким захватчикам» [Газета...1944: 25 февраля]. Поддержав инициативу рабочих, комсомольцы республики собрали 3 млн руб., в том числе учащиеся школ – 176 663 руб. Откликнулись на призыв и отдельные граждане республики. Персональные денежные вклады по 1000 руб. внесли колхозники колхоза «Вторая пятилетка» Прохладненского района Бородачев и

Гончаренко [КБВОВ 1975: 387, 388, 396]. Партизаны Великой Отечественной войны МиседТхазеплов из с. Урвань и Гид Шебзухов из с. Нартан дали на строительство танков по 30 тыс. руб. Инвалид Великой Отечественной войны МуридКардангушев из с. Псыгансу, уроженец с. Герменчик Хаджимурат Глупов и секретарь парторганизации колхоза этого же селения ХапагоКаширгов сдали по 50 тыс. руб., а председатель колхоза с. ГерменчикИсмельСаблиров – 101 тыс. руб. Всего за короткий срок к маю 1944 г. было собрано – 21 млн руб. [Газета... 1944: 4, 5, 7 марта].

Танковая колонна «Смерть немецким захватчикам», построенная на средства трудящихся нашей республики, 14 мая 1944 г. была передана танковой армии под командованием генерал-полковника С.И. Богданова и генерал-майора Каткова 2-го Украинского фронта [КБ ВОВ 1975: 408, 409]. Серьезным источником пополнения государственного бюджета стали добровольные поступления денежных средств от граждан по подписке на военные займы. В подписке на эти займы приняли участие жители всех республик, краев и областей. За период войны было выпущено четыре государственных займа, каждый в двух выпусках на запланированную сумму 72 млрд. руб., не считая государственного займа третьей пятилетки, который был принят 2 июня 1941 г. [ВОВ 2014: 163].

Государственные и партийные органы Кабардино-Балкарии по распространению облигаций займов, представители власти проводили большую разъяснительную работу о назначении выпуска Государственного военного займа 1942 г., так как средства, полученные по подписке среди населения СССР, должны были поступить в Фонд обороны СССР.

14 апреля 1942 г. по всей Кабардино-Балкарии проходили митинги и собрания, посвященные выпуску государственного военного займа, на которых жители республики, оформив подписку, заявляли о своей поддержке правительственного решения. Так, правление колхоза «Заря социализма» с. Малка Зольского района на состоявшемся митинге решило выделить из общего фонда на покупку облигаций военного займа 13 тыс. руб. На 15 апреля колхозники подписались еще на сумму 3200 руб. [КБТФ 2005: 55, 56]. Активное участие приняли трудящиеся г. Прохладного и Прохладненского района, подписавшиеся на военный заем на 1,5 млн руб. Колхозники Эльбрусского района провели подписку на 17 апреля 1942 г. на сумму 114 тыс. руб. [Газета...1942: 14, 17 апреля]. На 25 апреля подписка на военный заем по Кабардино-Балкарской АССР достигла 28 млн 818 тыс. руб., что составляло по бюджетному предположению 119 процентов [Газета ... 1942: 25 апреля].

С начала июня 1943 г. в республике проходила подписка на 2-й Государственный военный заем. В первый же день коллектив гидротурбинного завода в Нальчике, собравшись на митинг, поддержал решение Советского правительства. В течение двух дней все рабочие и инженерно-технические работники предприятия полностью подписавшись каждый на сумму месячного заработка. Колхозники Черекского района на 6 июня 1943 г. подписались на 130 тыс. руб. при плане 60 тыс. руб. [КБТФ 2005: 122].

На 7 июня сумма подписки по республике составила 16 617 тыс. руб., в том числе более 7500 тыс. руб. было внесено наличными деньгами. Так, по Бак-

санскому району – 1172 тыс. руб., Нальчикскому району – 1 131 тыс., Лескенскому району – 915 тыс., Нагорному району – 910 тыс., Зольскому району – 777,6 тыс., Урванскому району – 533 тыс., Хуламо-Безенгиевскому району – 251 тыс., Терскому району – 231 тыс., Чегемскому району – 228 тыс., Прималкинскому району – 202 тыс., Эльбрусскому району – 176 тыс., Прохладненскому району – 78 тыс. руб. [КБТФ 2005: 123]. Благодаря активной поддержке всех жителей Кабардино-Балкарии подписка на 2-й Государственный военный заем была завершена к 15 июня и составила 18 473,2 тыс. руб. [Газета...1942: 15 июня].

1 марта 1944 г. Совнарком СССР принял постановление о выпуске третьего государственного военного займа 5 мая 1944 г. В связи с этим, Совнарком КАССР и бюро обкома ВКП (б) 15 марта 1944 г. утвердили мероприятия по размещению четвертого Государственного военного займа 1945 г. [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 838. Л. 2]. Подписка проходила в атмосфере высокого патриотического подъема. Коллективы предприятий, учреждений, колхозов и совхозов провели организованную подписку: рабочие и служащие мясокомбината при фонде заработной платы 71 тыс. руб. в первый же день подписались более чем на 80 тыс. руб., кондитерской фабрики – на 130 тыс. руб., колхозники Зольского района – на 1 тыс. 307 руб. [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 942. Л. 85-87]. Всего жители республики подписались на сумму 29 469 тыс. руб. [КБВОВ 1975: 408].

С начала мая 1945 г. в КАССР проходила подписка на 4-й Государственный военный заем. О том, насколько успешной она была, можно судить по сухим отчетным цифрам. Так, в Нальчикской нефтебазе при фонде зарплаты 7 тыс. руб. сумма подписки достигла 11 тыс. руб., по другим предприятиям, учреждениям, учебным заведениям г. Нальчика – 5 486 тыс. руб. Организовано прошла реализация займа в колхозе «Аушигер» Советского района. Сумма подписки составила 252 тыс. руб. Менее чем за полмесяца подписка по республике была завершена – 15 мая 1945 г. [КБТФ 2005: 184-186]. Сумма подписки трудящихся республики на 4-й Государственный военный заем на 14 мая составила 29 714 тыс. руб., в том числе рабочие и служащие подписались на 13 458 тыс. руб., колхозники – на 15 131 тыс. руб., колхозы на заем процентного выпуска – на 1125 тыс. руб. [КБВОВ 1975: 422].

В результате сумма подписки населения республики на четыре Государственных военных займа составила 106474,2 тыс. руб. Всего в СССР за счет размещения четырех военных займов и четырех денежно-вещевых лотерей военных лет в общей сложности было мобилизовано свыше 100 млрд руб. Эти средства обеспечили более 10 % бюджетных доходов военного времени [ВОВ 2014: 166].

Наряду с финансовой поддержкой, труженики города и деревни оказывали Красной армии и материальную помощь: проводили сборы теплой одежды, подарков для бойцов и командиров воинских частей и соединений. Инициаторами этого начинания выступали трудовые коллективы и отдельные граждане. Почин был поддержан. 5 сентября 1941 г. ЦК ВКП (б) принял специальное постановление «О сборе теплых вещей и белья среди населения для Красной армии».

В нем указывалось: «Обязать обкомы, крайкомы, ЦК компартий союзных республик начать сбор среди населения теплых вещей и белья для Красной Армии: полушубков, овчин, выделанных и невыделанных, валенок, фуфаяк, теплого белья, шерсти, рукавиц, шапок-ушанок, ватных брюк, курток и др.

Организовать на местах окончательную обработку овчин и пошивку из них полушубков, а также переработку шерсти на валенки, варежки, носки и др. на государственных и кооперативных предприятиях.

Допустить в необходимых случаях приемку от населения теплых вещей овчины, шерсти и др. за небольшую плату....» [КПСС... 1991: 310, 311].

О значимости этой акции для фронта говорит следующий факт. Для осуществления связи между фронтом и тылом была создана Центральная комиссия (председатель – секретарь ЦК ВКП (б) А.А. Андреев). Центральная комиссия определяла по каждой области, краю, республике ориентировочные размеры сбора наиболее важных теплых вещей.

Указанная инициатива была поддержана и в Кабардино-Балкарии. 10 сентября 1941 г. рабочие и служащие Нальчикской кондитерской фабрики начали сбор теплых вещей и обратились ко всем труженикам республики с призывом принять в этом замечательном мероприятии» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 415. Л. 17-28].

Для практической работы по сбору теплых вещей и белья для Красной Армии на местах были созданы соответствующие комиссии. 15 сентября при Кабардино-Балкарском обкоме партии создана Республиканская комиссия (председатель – первый секретарь обкома З. Д. Кумехов). Были образованы районные, городские, сельские и квартальные комиссии. По указанию главного интенданта Красной Армии, собранные по всей республике теплые вещи направлялись в отделение 166 склада Народного комиссара обороны в г. Орджоникидзе [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 402. Л. 10.].

В республике после проведения необходимых организационных мероприятий развернулась широкая кампания по сбору теплых вещей для Красной Армии. Цели и задачи этой акции широко освещались в местной печати на трех языках. Журналисты приводили конкретные факты реализации этого почин жителями республик и призывали следовать их примеру. Так, в материале, опубликованном в газете «Социалистическая Кабардино-Балкария» подробно рассказывается о собрании колхозников с Псыгансу Урванского района (24 сентября 1941 г.), на котором колхозницы Б. Темирканова и Х. Дзагурова заявили: «...Собранные колхозниками овчины, шерсть, мануфактуру после обработки мастерами мы обязуемся шить теплые вещи для бойцов» [КБВОВ 1975: 359, 360]. Предложение было одобрено, и мастерицы, сдержав свое слово, пошили из выделанной овчины полушубки. Другие мастера изготавливали из обработанной шерсти валенки, бурки, башлыки и другие шерстяные изделия. Инициатива – отправлять для бойцов Красной Армии готовые теплые вещи – была поддержана и другими коллективами колхозов республики [КБВОВ 1975: 360, 361].

За короткий срок (сентябрь – начало октября 1941 г.) от колхозников Чегемского района поступило 2194 кг шерсти, 355 полушубков, 105 фуфаяк, 870

овчин, 188 шапок, 30 бурок, 100 башлыков, 75 свитеров, 550 пар портянок. Изготовлено 540 пар валенок, сдано 133 метра мануфактуры и более тысячи различных предметов – кашне, перчаток, простынь. Из поступивших от колхозников овчин было заказано более 500 меховых жилетов [Газета... 1941: 7 октября].

Всего на 20 октября 1941 г. октября было собрано теплых вещей и белья: полушубков – 3300, курток, фуфаек, шаровар – 17700, жилетов меховых – 850, башлыков – 1300, бурок – 740, рукавиц, перчаток – 9500, валенок – 2300, шапок-ушанок – 7300, шерстяных носков – 10400, теплого белья – 2900, портянок – 14100, полотенец – 8300, простыней – 6100, наволочек – 10000, других вещей – 6900. Овчин собрано 27000, сдано на переработку 18 тонн. После переработки получено полушубков 450, валенок – 400 [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 415. Л. 66].

В сборе теплых вещей для Красной Армии активное участие принял и коллектив Тырныаузского вольфрамо-молибденового комбината. Секретарь парткома горняцкого предприятия П.Д. Чепарин в информации сообщал: «До 1 января 1942 г. мы сдали для Красной Армии 5326 различных вещей: теплые фуфайки, ватные брюки, сапоги, валенки, бурки, шинели, шапки, как и носки, шарфы, перчатки, изготовленные женщинами комбината, полушубки, теплое белье. Не менее успешно и теперь продолжается сбор теплых вещей...» [КБТФ 2005: 30]. Колхозники Черекского района поддержали инициативу колхоза имени Кирова селения Заюково о дополнительной сдаче теплых вещей бойцам Красной Армии. По состоянию на январь 1942 г. по району собрано 784 овчины, 29 полушубков, 52 шапки-ушанки, 601 кг шерсти, 76 м самодельного сукна для портянок и много других теплых вещей. Колхозники артели «Средняя Балкария» изъявили желание сами обработать овчины, предназначенные для сдачи фронту. Каждая бригада выделила для этой цели колхозников, умеющих «готовить овчины» [Газета ... 1941: 18 января].

Внесли свой вклад и работники искусства (артисты Русского, Кабардинского, Балкарского театров, хора и ансамбля). Коллектив в 240 человек отчислил со своего заработка 6 тыс. руб. в Фонд обороны. Помимо этого сдали 4 пушистых кашне, 16 пар носков, 4 пары валенок, 3 шубы, 10 ватных телогреек, 32 пар меховых рукавиц, несколько десятков шапок [Газета ... 1941: 5 февраля].

Руководство Кабардино-Балкарии регулярно направляло ЦК ВКП (б) сведения о поступлении теплых вещей для бойцов и командиров Красной армии. 9 февраля 1942 г. З.Д. Кумехов, председатель республиканской комиссии, направил в ЦК ВКП (б) сведения о ходе сбора теплых вещей для Красной армии. В сообщении отмечается, что с сентября 1941 по 15 февраля 1942 г. ориентировочные размеры сбора наиболее важных теплых вещей, установленные Центральной комиссией по республике, выполнены [КБВОВ 1975: 366].

Сбор теплых вещей не проводился в период временной оккупации республики немецко-фашистскими войсками (август 1942 г. – январь 1943 г.). В начале 1943 г. он был возобновлен. Зольский район отправил носков 1237 пар, варежек – 1168 пар, валенок – 28 пар, фуфаек – 12 штук, шаровар – 4 шт., нательного белья – 76 пар; Хуламо-Безенгиевский район – теплых носков 537, 345 ва-

режек; Черекский район – варежек – 537 пар, теплых носков – 706 пар, овчин – 200 шт., шапок-ушанок – 20 [КБВОВ 1975: 379; КБТФ 2005: 124]. За годы войны было отправлено бойцам и командирам Красной Армии 71 673 различных теплых вещей [КБВОВ 1975: 423].

Проявление постоянной заботы о воинах Красной Армии, выразилось в сборе подарков к праздничным дням. Так, в конце декабря 1941 г. часть собранных в республике теплых вещей вместе с продуктами была отправлена на Южный фронт, воины которого в недавних боях с фашистами освободили г. Ростов-на-Дону и отбросили врага на запад, за реку Миус. В ответ в начале января 1942 г. они прислали жителям Кабардино-Балкарии благодарственное письмо [КБТФ 2005: 27]. С начала февраля 1942 г. по всей Кабардино-Балкарии – в колхозах, на предприятиях, в учебных заведениях – проходил активный сбор подарков для воинов Южного фронта, приуроченный к 24-й годовщине Красной Армии. Например, жители Лескенского района отправили на фронт 88 ящиков посылок общим весом в 1120 килограммов с различными продуктами. В акции приняли участие и ученики неполной средней школы селения Озрек, собравшие для воинов 5 посылок. За счет средств, заработанных на воскреснике, рабочие мясокомбината г. Нальчика послали бойцам Южного фронта 8 посылок с конфетами, печеньем, колбасой и табаком. Подготовили работники комбината подарки и для раненых бойцов, находившихся в госпиталях Нальчика [Газета...1942: 22 февраля].

По всей Кабардино-Балкарии шел сбор подарков для воинов Южного фронта к празднику 1 Мая. В конце апреля 1942 г. из республики в действующую армию был отправлен специальный эшелон. Вместе с собранными теплыми вещами фронтовикам отправили 12,5 тонн колбасных изделий и копченостей, 1500 жареных кур, 3 тонны печенья, 6 тонн халвы, 4 тонны джема, 2 тонны карамели, 25 тыс. яиц, 1 вагон соленых овощей, 20 ящиков табака [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 296. Л. 3].

Эшелон с подарками сопровождала делегация республики, которую принял командующий Южного фронта. Она встретилась с земляками, которые интересовались жизни республики и передали письма, в которых благодарили за подарки и заверяли, что оправдают заботу и приложат все силы для достижения победы [Письма...1989: 75, 76].

Помимо этого, по предложению руководства Кабардино-Балкарии, в период оборонительных боев на территории республики с 17 августа 1942 г. в течение 3-х месяцев продовольствием и большей частью хозяйственным имуществом были обеспечены войска 37-й и частично 9 армии, которые вели бои на правобережье Терека [КБТФ 2005: 73].

17 августа 1942 г. по инициативе отдела химзащиты армии и обкома комсомола Кабардино-Балкарской АССР был проведен сбор бутылок для изготовления «коктейля Молотова», грозного оружия в борьбе с танками противника, и на мебельной фабрике Нальчика было изготовлено 18 тыс. бутылок с горючей смесью.

На предприятиях г. Нальчика ремонтировались для воинских частей трактора-тягачи, грузовые автомобили, повозки. В мастерских кондитерской фаб-

рики, мясокомбината и на железнодорожной станции шло изготовление металлических противотанковых «ежей». На строительных объектах г. Нальчика под руководством специалистов армейской инженерной службы было изготовлено около 900 железобетонных колпаков для дотов и 12 тыс. противотанковых мин, что позволило укрепить оборону города. Осенью 1942 г. рабочие предприятий г. Нальчика по заказу интендантского отдела 37-й армии изготовили 1500 чугунных печек для блиндажей на передовой линии фронта, а на гидротурбинном заводе освоили выпуск походных кухонь [КБТФ 2005: 72].

В 18 августа 1942 г. делегация республики направила подарки для воинских частей 9 и 37 армий, оборонявших правый берег реки Баксана. 19 августа делегаты вручили бойцам и командирам подарки: 3 тонны повидла, 4 тонны булочных изделий, 1 тонну риса, 3 тыс. банок консервов и 500 пачек табака [КБТФ 2005: 67]. В начале ноября 1943 г. в честь 26-й годовщины Октябрьской социалистической революции труженики тыла Кабардино-Балкарии отвезли подарки для бойцов, командиров и политработников Северо-Кавказского фронта: три вагона подарков, в том числе 7 тонн фруктов, тонну сливочного масла, тонну мяса, 1000 литров вина, 3000 носовых платков, 3000 кисетов, 1200 пачек табаку, 1000 кусков туалетного мыла, валенки, полушубки, башлыки, бурки и многое другое. Делегация встречалась с бойцами и офицерами, которые горячо поблагодарили трудящихся за подарки, за отеческую заботу о фронтовиках и просили передать всем жителям республики их глубокую признательность [УЦГА АС КБР. Ф. 682. Оп.1. Д. 6. Л. 143–145].

К дню 26-й годовщины Красной Армии жители республики отправили на фронт 4 вагона подарков: более 5 тонн мяса, 2 тонны колбасы, 3 тыс. кур, 3 тыс. литров спиртных напитков, 2500 пар варежек, 15 бурок и много других продуктов и вещей [Газета... 1944: 23 февраля]. Подарки воинам Красной Армии от жителей нашей республики к праздникам были отправлены и в 1945 г.

Одной из форм обеспечения фронта продовольствием явилось создание хлебного фонда. СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 10 июля 1942 г., учитывая пожелания колхозов, приняли постановление «О создании из урожая 1942 г. хлебного фонда Красной армии» в размере 145 млн пудов для удовлетворения потребностей Красной армии в хлебе. Действие этого постановления было распространено и на последующие годы войны. Поставки хлеба имели силу налога. В случае невыполнения плана сдачи сельскохозяйственной продукции в Хлебный фонд предусматривались такие же санкции, как и при невыполнении обязательных поставок [Важнейшие... 1944: 60].

В целях стимулирования сельских тружеников в оказании помощи фронту 7 декабря 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП (б) приняли постановление «О разрешении приема хлеба в фонд Красной армии из личных запасов хлеба колхозников» [ВОВ 1990: 119]. В нем указывалось, что внесенное из личных запасов зерно засчитывалось в общий план выполнения хлебосдачи колхозами. Размер хлебного фонда для армии по Кабардино-Балкарии был определен в одну тысячу пудов [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 305. Л. 3]. Однако создание хлебного фонда Советской Армии в 1942 г. по Кабардино-Балкарии было прервано в период временной оккупации республики (август 1942– январь 1943 г.).

В соответствии с постановлением СНК СССР от 30 ноября 1943 г., Совнарком КБАССР и бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б) установили план сдачи хлеба в хлебный фонд Красной Армии авансом в счет 1944 г. в размере 280 тонн [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 612. Л. 7].

Труженики Нальчикского района продали государству излишки хлеба: колхозы им. Молотова (с. Герменчик) и «Красный Восток» (с. Шалушка) по 200 ц зерна, «Аушигер» – 100 ц [КБВОВ 1975: 384]. Всего в 1943 г. колхозы района сдали хлеба в государственные поставки 257132 пуда, подсолнуха – 63040 пудов, овощей – 12000 ц, фруктов – 5000 ц, сдали в госзакупку хлеба 7800 пудов, авансом в счет 1944 г. – 9012 пудов [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп.1. Д. 612. Л. 2].

Помимо этого, колхозники сдавали продукты, помогая артелям рассчитываться с государством. Например, на собрании в колхозе «Нижний Чегем» Чегемского района колхозница Шаги Таумурзаева заявила: «...Мне 60 лет, два моих сына сражаются на фронте. Я с радостью продаю государству излишки картофеля. Пусть мои 50 кг картофеля будут крупинкой в деле ускорения разгрома врага». Колхозники артели им. Буденного (с. Актопрак) в течение дня продали государству из своих личных запасов 15 тонн картофеля. Всего по району к 22 ноября продано 42 тонны картофеля. Продажа продолжается» [КБВОВ 1975: 384]. В результате государственные поставки в 1943 г. КБАССР были выполнены по всем видам сельскохозяйственной продукции, в том числе по мясу на 307 %, засыпали семена и создали соответствующие фонды, выдали колхозникам на трудодень от 1 до 8 кг зерна и других продуктов сельского хозяйства [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 612. Л. 17]. Всего было сдано 36161 тонна зерновых, 10 413 тонн подсолнуха, 6771 тонна картофеля, 11599 тонн сена, 4945 тонн овощей, 3395 тонн мяса, 28788 тонн молока, 293 851 шт. яиц, 824 центнеров шерсти, 87 230 шт. различных кож [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 113. Л. 34].

Государственные поставки сельскохозяйственной продукции на 1944 г. также были выполнены. Например, колхоз им. Андреева (сел. Кенже) Нальчикского района первым в республике выполнил взятые на себя обязательства по сверхплановой сдаче хлеба в фонд Красной Армии и сдал 3000 пудов хлеба. Колхозники артели «Нартан» брали на себя обязательство дать сверх плана 6000 пудов хлеба, но сдали 13200 пудов хлеба [КБВОВ 1975: 417]. Сверх плана в фонд Красной Армии сдали хлеб колхозы им. Андреева (сел. Кенделен) Эльбрусского района – 4200 пудов, «Морзох Урванского района – 600 пудов, им. Карла Маркса Лескенского района – 3900 пудов и др. [КБВОВ 1975: 417–420].

Особо следует отметить вклад КБР в выращивании коней для нужд Красной Армии. Еще накануне Великой Отечественной войны, учитывая значимость поставок лошадей для Красной Армии, Президиум Верховного Совета СССР принял Указ от 20 августа 1939 г. «О фонде «Лошадь – Красной Армии» [Указ 1939]. По состоянию на 1 марта 1942 г. в Красной Армии было 20 кавалерийских корпусов в составе 60 кавалерийских дивизий. В их число входила и 115 Кабардино-Балкарская кавалерийская дивизия. К концу войны осталось 8 корпусов и 23 дивизии [ЦАМО. Ф. 43. Оп. 11547. Д. 9. Л. 117–118]. Кроме того, каждому пехотному полку полагалось 350 лошадей для перевозки артиллерии,

снаряжения и полевых кухонь. Даже в пехоте на каждую советскую дивизию полагалось по штату 3039 лошадей. Для обеспечения Красной Армии конными повозками и упряжками 12 июня 1943 г. Совнарком КБАССР принял постановление, согласно которому в соответствии с упомянутым указом в каждом колхозе Кабардино-Балкарии создавался такой фонд «Лошадь – Красной Армии» и «Обороне – повозка с упряжью». В документе указывалось: «...Выделить лучших лошадей (за исключением племенных маток и производителей), отвечающих требованиям службы в Красной Армии, и в первую очередь верхового направления и для службы в артиллерии – в размере 5 процентов от общего поголовья лошадей по каждому колхозу» [КБВОВ 1975: 376, 377]. Выполнить план поставок лошадей для фронта было непросто, поскольку республике в период оккупации был нанесен значительный урон. Если до оккупации республики в колхозах и совхозах насчитывалось 48993 лошади, то после оккупации, весной 1943 г., их общая численность составляла 19521 [КБВОВ 1975: 625]. При этом надо учесть, что в марте 1944 г. балкарцы были подвергнуты насильственной депортации и количество колхозов республики сильно сократилось. Также надо иметь в виду, что в годы войны, при полном отсутствии в колхозах автомашин, лошади нужны были самим колхозам для сельскохозяйственных работ и медицинского обслуживания населения, доставки почты и др. Даже в таких условиях республика продолжала поставлять лошадей для Красной Армии, хотя несколько меньше установленного плана. В справке секретаря Кабардинского обкома ВКП (б) от 12 ноября 1945 г. отмечается, что план «Лошадь – Красной Армии» на 1945 г. составлял 560 голов, выполнение – 498 (80 %), «Обороне – повозка с упряжью» – план – 745, выполнение – 342 (47 %). Отбор лошадей и повозок, с целью выполнения плана, будет произведен в октябре [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1245. Л. 34. Л. 102].

В целом жители КБАССР, выполняя свой патриотический долг перед Родиной, оказали посильную финансовую и материальную помощь: сдали государству за годы войны 278130 тонн зерна, 47399 тонн подсолнечника, 55275 тонн картофеля, 19512 тонн овощей, 96967 центнеров мяса, 164165 гектолитров молока, 13450 тыс. шт. яиц, 9025 центнеров шерсти. Красной Армии передано 27000 коней, внесено в Фонд обороны страны и на займы государству 160580566 руб. и 6176 тонн хлеба. Труженики республики передали для Красной Армии 71673 различных предмета теплых вещей, собрали и отправили на фронт в порядке подарков воинам Советской Армии 19 вагонов с подарками [Тетуев 2019: 71, 72].

Заключение

Таким образом, основными направлениями материальной и финансовой помощи тыла Красной Армии стали, возникшие по инициативе тружеников движения: сбор средств в Фонд обороны страны и приобретение боевой техники, подписка на Государственные военные займы, создание хлебного фонда, сбор теплой одежды, подарков для бойцов и командиров воинских частей и соединений. Как правило, инициаторами являлись рядовые граждане, руководствовавшиеся патриотическими чувствами. Реализация этих начинаний осу-

ществлялась государственными, партийными органами и общественными организациями, которые проводили разъяснительную работу, воскресники, декадни, а также координацию действий предприятий, колхозов, совхозов и гражданского населения.

В то же время, проявлялись элементы командно-административной системы управления, что нередко превращало помощь в добровольно-обязательную. Тем не менее, эти тенденции в годы войны не стали определяющими.

Анализ архивных документов позволяет сделать вывод, что основным фактором, оказавшим влияние на усиление патриотических чувств тружеников тыла в годы войны, было чувство ненависти к врагу, посягнувшего на свободу Родины. Социалистический уклад жизни стал социально-культурным феноменом, обусловившим идейно-нравственные основы единства фронта и тыла.

Несмотря на огромные потери и лишения, значительное снижение жизненного уровня населения республики, как и в целом страны, труженики тыла Кабардино-Балкарии продемонстрировали свою сознательность и высокий моральный дух, внесли весомый вклад для обеспечения Победы над врагом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Важнейшие... 1944 – *Важнейшие постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) по сельскому хозяйству 1942–1944 год.* – М.: Сельхозгиз, 1944. – 235 с.

ВОВ 2014 – *Великая Отечественная война 1941–1945 годов.* В 12 т. Т. 10. Государство, общество и война. – М.: Кучково поле, 2014. – 864 с.

ВОВ 2019 – *Великая Отечественная война, 1941–1945: События. Люди. Документы: Краткий исторический справочник.* – М.: Политиздат, 1990. – 463 с.

Волобуев 2019 – *Волобуев А. В.* Материальная и финансовая помощь тыла фронту в годы Великой Отечественной войны: на материалах областей Центрального Черноземья: автореферат дис. ... канд. ист. наук / Курск. гос. техн. ун-т. – Курск, 2009. – 24 с.

Газета «Правда» – *Газета «Правда».* Орган Центрального Комитета и МК ВКП (б).

Газета ... – *Газета «Социалистическая Кабардино-Балкария»* Орган Кабардино-Балкарского и Нальчикского горкома ВКП (б).

Гугова 2020 – *Гугова М.Х.* Труд женщин Кабардино-Балкарии в создании тыла и оказании помощи фронту в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2020. – № 4–2 (47). – С. 66–71. – DOI 10.31007/2306-5826-2020-4-2-47-66-71.

Зинич 2019 – *Зинич М. С.* Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. – М; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2019. – 347 с.

КБВОВ 1975 – *Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.* Сборник документов и материалов. – Нальчик: Эльбрус, 1975. – 795 с.

КБТФ 2005 – *Кабардино-Балкария: Тыл и фронт 1941–1945* (к 60-летию Великой Победы) / сост.: Х. М. Думанов, В. Х. Кажаров, А. И. Тетуев, О. Л. Опрышко. – Нальчик: Эльфа, 2005. – 340 с.

Кабирова 2015 – *Кабирова А.Ш.* Татарстан в годы военных испытаний (1941–1945 гг.). – Казань: АЗ, 2015. – 507 с.

КПСС... 1991 – *КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Документы 1917–1981.* [Сборник. Сост. Н. И. Савинкин, К. М. Боголюбов]. – М.: Воениздат, 1981. – 622 с.

Письма... 1989 – *Письма огненных лет: [Письма фронтовиков и жителей Кабардино-Балкарии периода Великой Отечественной войны / Сост., подгот. к печати и коммент. Е. Т. Хакуашева].* – Нальчик: Эльбрус, 1989. – 255 с.

Тетуев 2019 – *Тетуев А.И.* Повседневная жизнь гражданского населения Кабардино-Балкарии в тылу в годы Великой Отечественной войны / А.И. Тетуев // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2019. – № 2 (41). – С. 61-73. – DOI 10.31007/2306-5826-2019-2-41-61-73.

Указ 1939 – Указ Президиум Верховного Совета СССР от 20 августа 1939 г. «О фонде «Лошадь – Красной Армии» // Электронный ресурс. Режим доступа:

URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17112&dst=100001#2KBrVzSiOWzq6JHk9> (дата обращения: 07.03.2022).

УЦДНИ АС КБР – Управление центра документации новейшей истории Архивной службы КБР.

Хакуашев 1978 – *Хакуашев Е.Т.* Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны. – Нальчик: Эльбрус. 1978. – 318 с.

ЦАМО РФ – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.

УЦГА АС КБР – Управление центрального государственного архива архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

Черепанов 1994 – *Черепанов В.В.* Всенародная помощь фронту в годы Великой Отечественной войны: Историограф. исслед.: дис... д-ра ист. наук. – Москва, 1994. – 493 с.

REFERENCES

Vazhneishie postanovleniya SNK SSSR i TsK VKP(B) po sel'skomu khozyaistvu 1942–1944 g. [The most important resolutions of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on agriculture 1942–1944]. Moscow: Sel'khozgiz, 1944. – 235 p. (In Russ.).

Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 godov. V 12 t. T. 10. Gosudarstvo, obshchestvo i voina [The Great Patriotic War of 1941-1945]. In 12 vols. T. 10. State, society and war. – Moscow: Kuchkovo pole, 2014. – 864 p. (In Russ.).

Velikaya Otechestvennaya voina, 1941-1945 : Sobytiya. Lyudi. Dokumenty: Kratki i istoricheskii spravochnik. [The Great Patriotic War, 1941-1945: Events. People. Documents: A Brief Historical Reference]. – М.: Politizdat, 1990. – 463 s.

VOLOBUEV A.V. *Material'naya i finansovaya pomoshch' tyla frontu v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: na materialakh oblastei Tsentral'nogo Chernozem'ya* [Material and financial assistance to the rear of the front during the Great Patriotic War: on the materials of the regions of the Central Chernozem Region]. Avtoreferat-dis. ... kand. ist. nauk .. – Kursk, 2009. – 24 p. (In Russ.).

Gazeta Pravda. Organ Tsentral'nogo Komitetai MK VKP (b) [Newspaper Pravda. Organ of the Central Committee and MC of the CPSU (b)] (In Russ.).

Gazeta «Sotsialisticheskaya Kabardino-Balkariya». Organ Kabardino-Balkarskogo i Nal'chikskogo gorkoma VKP(b). [Newspaper "Socialist Kabardino-Balkaria". Organ of the Kabardino-Balkarian and Nalchik City Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks] (In Russ.).

GUGOVA M.Kh. *Trud zhenshchin Kabardino-Balkarii v sozdanii tyla i okazanii pomoshchi frontu v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The work of women of Kabardino-Balkaria in creating a rear and providing assistance to the front during the Great Patriotic War]. IN: *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*. – 2020. – No. 4-2(47). – P. 66-71. – DOI 10.31007/2306-5826-2020-4-2-47-66-71. (In Russ.).

ZINICH M. S. *Povsednevnyaya zhizn' naroda v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Everyday life of the people during the Great Patriotic War]. – Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2019. – 347 p. (In Russ.).

Kabardino-Balkariya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. Sbornik dokumentov i materialov [Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War 1941–1945 Collection of documents and materials] – Nal'chik: El'brus.– 1975. –795 p. (In Russ.).

Kabardino-Balkariya: Tyli front 1941–1945 (k 60-letiyu Velikoi Pobedy) [Kabardino-Balkaria: Rear and front 1941–1945 (to the 60th anniversary of the Great Victory) / comp.]. sost.: Kh.M. Dumanov, V.Kh. Kazharov, A.I. Tetuev, O.L. Opryshko. –Nal'chik: El'fa, 2005. –340 p. (In Russ.).

KABIROVA A.Sh. *Tatarstan v gody voennykh ispytaniy (1941-1945 gg.)* [Tatarstan during the years of military trials (1941–1945)]. – Kazan' : AZ, 2015. –507 p. (In Russ.).

KPSS o Vooruzhennykh Silakh Sovetskogo Soyuz. Dokumenty 1917-1981 [CPSU on the Armed Forces of the Soviet Union. Documents 1917-1981]. Sbornik [Sost. N. I. Savinkin, K. M. Bogolyubov]. – Moscow: Voenizdat. 1981, –622 p. (In Russ.).

Pis'ma ognennykh let. Pis'ma frontovikov i zhitelei Kabardino-Balkarii perioda Velikoi Otechestvennoi voiny [Letters from fiery years: Letters from front-line soldiers and residents of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War]. Sost., podgot. k pečati i komment. E. T. Khakuasheva]. – Nal'chik: El'brus, 1989. – 255 p. (In Russ.).

TETUEV A.I. *Povsednevnyaya zhizn' grazhdanskogo naseleniya Kabardino-Balkarii v tylu v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Everyday life of the civilian population of Kabardino-Balkaria in the rear during the Great Patriotic War]. IN: *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*. – 2019. – No. 2(41). – P. 61-73. – DOI 10.31007/2306-5826-2019-2-41-61-73. (In Russ.).

Upravlenie tsentra dokumentatsii noveishei istorii Arkhivnoi sluzhby KBR. [Office of the Center for Documentation of the Recent History of the Archival Service of the KBR.] (In Russ.).

KHAKUASHEV E.T. *Kabardino-Balkarskaya ASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War.]. – Nal'chik: El'brus, 1978. – 318 p. (In Russ.).

Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii [TsAMO RF – Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation] (In Russ.).

Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 20 avgusta 1939 g. «O fonde «Loshad' – Krasnoi Armii» [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of August 20, 1939 "On the Foundation" Horse - Red Army "] // Elektronnyiresurs. Rezhimostupa: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17112&dst=100001#2KBrVzSiOWzq6JHk9> (data obrashcheniya: 07.03.2022).

Upravlenie tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [UCCA AS KBR - Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic. Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic] (In Russ.).

CHEREPANOV V.V. *Vsenarodnaya pomoshch' frontu v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: Istoriograf. issledovanie* [People's Assistance to the Front during the Great Patriotic War: Historiographer. researc]. Dissertatsiya doktora istoricheskikh nauk. – Moscow, 1994. – 493 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.И. Тетуев – доктор исторических наук, доцент.

Information about the author

A.I. Tetuev – Doctor of Science (History), associate professor.

Статья поступила в редакцию 09.03.2022 г.; одобрена после рецензирования 14.03.2022 г.; принята к публикации 21.03.2022 г.

The article was submitted 09.03.2022; approved after reviewing 14.03.2022; accepted for publication 21.03.2022.

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Новейшая история

Научная статья

УДК: УДК 94 (47)

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-79-92

ПРОБЛЕМА АНТИСОВЕТСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Азамат Амурович Татаров¹, Муслим Султанович Тамазов²

¹² Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

¹ traveller9090@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3626-3913>

² muslimt@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7554-3382>

Аннотация. В статье рассматривается проблема антисоветских проявлений на Северном Кавказе в период Великой Отечественной войны как сложившийся в академическом пространстве подход для описания политической ситуации в национальных автономиях. Обосновывается, что на этническую окраску в тезисах о «массовом предательстве» оказывают влияние ранние источники и факты – документы военного времени и сведения из них. Подчеркивается сложность перехода исследовательского дискурса от категорий «массовые антисоветские действия», «поддержка немцев со стороны сел, районов или народов» и вычисления «неприемлемого» уровня этнического коллаборационизма и бандитизма к концептуализации проблемы антисоветского подполья через попытки квалификации состава политических преступлений. На примере Кабардино-Балкарии авторы обращаются к анализу проблемы реакции и решений государства в контексте политического положения в национальных автономиях. Подчеркивается, что важно учитывать не только теоретические аспекты, но и практические результаты политики Германии, направленной на развязывание антисоветской борьбы на Северном Кавказе. Основным выводом исследования заключается в том, что в условиях постсоветского методологического плюрализма и возрождающейся героической концепции актуализируется роль исследований, не столько избегающих «неудобных тем», сколько обосновывающих научную несостоятельность тезисов о массовом антисоветском фронте в национальных автономиях Северного Кавказа.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Кабардино-Балкария, историография, горские народы, бандитизм, коллаборационизм, политизация научных проблем.

Для цитирования: Татаров А.А., Тамазов М.С. Проблема антисоветских проявлений в Кабардино-Балкарии в период Великой Отечественной войны в отечественной и зарубежной историографии // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 1. – С. 79-92. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-79-92

© Татаров А.А., Тамазов М.С., 2022

Original article

THE ISSUE OF ANTI-SOVIET MANIFESTATIONS IN KABARDINO-BALKARIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR IN DOMESTIC AND FOREIGN HISTORIOGRAPHY

Azamat A. Tatarov¹, Muslim S. Tamazov²¹² Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia¹ traveller9090@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3626-3913>² muslimt@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7554-3382>

Abstract. The paper considers the issue of anti-Soviet manifestations in the North Caucasus during the Great Patriotic War as a vector for assessing the political situation in national autonomies developed in the academic space to describe the political situation in national autonomies. It is argued that ethnic coloring in “mass betrayal” theses is influenced by primary sources and facts – wartime documents and their data. The authors emphasize complexity of the research discourse transition from the categories of “mass anti-Soviet actions” and “support for the Germans from villages, regions or peoples”, and calculation of the “unacceptable” level of ethnic collaborationism and banditry to the conceptualization of the anti-Soviet underground issue through attempts to qualify the composition of political crimes. The paper turns to the analysis of state’s reaction and decisions in the context of the political situation in national autonomies. Taking into account not only theoretical aspects, but also the practical results of Germany's policy aimed at unleashing the anti-Soviet struggle in the North Caucasus proves valuable. The main conclusion of the study is that against the backdrop of post-Soviet methodological pluralism and the revival of heroic concept, it is relevant not so much to avoid inconvenient issues as to substantiate the scientific inconsistency of the “mass betrayal” theses addressed to the North Caucasus national autonomies.

Key words: North Caucasus, Kabardino-Balkaria, historiography, mountain peoples, banditry, collaborationism, politicization of scientific issues.

For citation: Tatarov A.A., Tamazov M.S. The issue of anti-Soviet manifestations in Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War in domestic and foreign historiography. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 1. – P. 79-92. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-79-92

© Tatarov A.A., Tamazov M.S., 2022

Введение

Проблема антисоветских проявлений в национальных регионах Северного Кавказа в период Великой Отечественной войны (далее – ВОВ) получила широкое освещение в российском академическом пространстве. Советская героическая концепция войны и ее наследие длительное время оказывали влияние на представления о том, что в антисоветском движении участвовала лишь незначительная часть населения национальных автономий этого региона. Однако в последнее время в историографии все чаще стали появляться работы, в которых обращается внимание на массовый характер антисоветского сопротивления некоторых народов Северного Кавказа в военный период.

В трудах ведущих российских исследователей истории ВОВ на Северном Кавказе применяются взвешенные оценки антисоветских проявлений [Сабан-

чиев 2008; Линец 2009; Безугольный, Бугай, Кринко 2012; Тетуев 2015; Сидоренко 2020]. Однако встречаются работы, в которых отмечается особый или массовый характер данных проявлений в национальных автономиях. И хотя при этом говорить о складывании концепции «массового предательства» в российской историографии не приходится, определённые трактовки имеют политизированный характер. Например, И.В. Пыхалов в своем исследовании усмотрел связь «неблагонадежности горских народов»* и сталинских депортаций [Пыхалов 2008]. В новейшем фундаментальном издании по истории ВОВ утверждается, что попытки органов власти Кабардино-Балкарии «предотвратить *массовое антисоветское выступление* (курсив наш. – А.Т., М.Т.) балкарцев желаемых результатов не принесли» [Великая Отечественная война 1941-1945 годов ... 2013: 688]. Круг подобных примеров можно расширить.

Однако, на фоне появления в последние годы тенденции возрождения героической концепции в историографии ВОВ актуализируется вопрос о природе и истоках положений о «массовом предательстве» северокавказских народов в целом или же некоторых из них, в частности. У исследователей возникают вопросы: что подпитывает аргументы, применяемые для обоснования «пятой колонны» в национальных автономиях Северного Кавказа? Каковы критерии «массового предательства» в условиях ВОВ в академическом поле? Корректна ли научная классификация этнических групп по степени вовлеченности в антисоветские проявления в период ВОВ? Наконец, возможно ли выстраивание контраргументов, пригодных для доказательства несостоятельности тезисов о «массовом предательстве»?

В связи с этим, целью данного исследования является анализ российской и зарубежной историографии проблемы антисоветских проявлений на Северном Кавказе в 1942–1944 гг. для выявления причин и прогнозирования перспектив применения тезисов о «массовом предательстве» горских народов в академическом дискурсе. Объектом исследования выступают историографические источники в классическом понимании, т.е. публикации и историографические факты, содержащие авторские интерпретации рассматриваемых нами явлений. Новизна исследования заключается в определении научной актуальности междисциплинарного подхода к исследованию поставленной проблемы и анализе роли «*ранних источников*» в появлении нетрадиционных для историографии истории ВОВ описаний антисоветских выступлений и массового предательства некоторых народов северокавказского региона. Под такими источниками подразумеваются советские и немецкие документы военного времени. Соответственно, к *ранним фактам* относятся содержащиеся в этих документах формулировки, цифры, точки зрения, оказывающие влияние на появление различных тезисов и концептов в отечественной и зарубежной историографии.

Анализ «ранних источников» показывает, что в то время, как в советских документах 1942–1944 гг. росло сомнение в «благонадежности» северокавказских народов в армии и тылу, в немецких документах усиливалась уверенность в том, что горцы склонны к сотрудничеству с Германией. Так, в «Справке о со-

* Альтернативное наименование для народов Северного Кавказа.

стоянии балкарских районов Кабардино-Балкарской АССР» (февраль 1944 г.) подчеркивалось, что «[п]риход фашистско-немецких войск в Балкарию большим населением встречен доброжелательно» [Цит. по: Сабанчиев 2008: 260]. В «справке о политическом положении в Кабарде» (ноябрь 1944 г.) указывалось на ликвидацию советской власти в некоторых кабардинских селениях еще до оккупации территории КБАССР немецко-румынскими войсками [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 286. Л. 16]. Видимо, это дало основание А.П. Мякшеву, анализирувавшему данную справку, прийти к выводу о «негативном отношении *значительной части* (выделено нами – А.Т., М.Т.) кабардинского этноса к советской власти и Советскому государству в наиболее драматический период его существования» [Мякшев 2012: 116].

Следует отметить, что некоторые немецкие историки на основе изучения немецких документов говорят о «радушном гостеприимстве» горцев в зоне оккупации [Reitlinger 1960: 300], и о том, что карачаевцы, кабардинцы и балкарцы организовали антисоветскую борьбу с началом битвы за Кавказ [Hoffmann 1986: 76].

Вместе с тем, существуют основания для критического восприятия подобных суждений. Масштабы политического бандитизма и коллаборационизма естественным образом ограничены и не могут охватывать этнические группы целиком, не говоря уже о том, что оккупационный режим отталкивал от себя население, преследуя грабительские цели и учиняя разрушение и репрессии. Эти масштабы ограничивались и степенью внимания жителей к пропаганде и политической повестке. В качестве примера можно привести мнение эксперта М.Д. фон Штакельберга, посетившего оккупированный Северный Кавказ и отметившего, что в горских селениях, в том числе в Кабардино-Балкарии, население мало интересовалось вопросами политики [Под немцами ... 2011: 466].

Политическое положение в населённых пунктах прослеживается в советских документах пост-оккупационного периода. В начале сентября 1942 г. советские войска освободили селение Кызбырун I в Кабардино-Балкарии после непродолжительной оккупации. Анализ политической ситуации показал, что с приходом немцев часть населения ожидала отмену колхозов и улучшение продовольственной ситуации. Оккупанты же совершили многочисленные грабежи и убили десятки местных жителей в течение считанных дней. В результате местные жители встретили советские войска доброжелательно [УЦДНИ АС КБР. Ф. 45. Оп. 1. Д. 7. Л. 36].

Анализ «ранних» источников и фактов не позволяет сформировать конкретные представления о массовых преступлениях, но часть из них подводит к мыслям о том, что они возможны. Это отчасти подкрепляется и некоторыми отдельными фактами, имеющими определенное символическое значение (например, единичные колоритные эпизоды, связанные с проявлениями коллаборационизма). Так, первый секретарь Кабардинского обкома ВКП (б) Н.П. Мазин в ноябре 1944 г. обвинял кабардинцев в дарении немцам белого коня, приписывая инициативу группы коллаборационистов всему этносу. По замечанию А. Некрича, резонанс вокруг этого эпизода оказался слишком велик, словно «не один-единственный белый конь, а целые табуны кавказских скакунов

паслись и резвились на склонах гитлеровской резиденции в Бергхофе» [Некрич 1978: 11-12].

Мы же полагаем, что операционализация «массового предательства» не представляется возможной как при применении численных показателей документов и справок по бандитизму и коллаборационизму, так и при помощи тезиса о «неблагонадежности» представителей некоторых народов северокавказского региона. Но еще одним фактором, благодаря которому идея о массовом коллаборационизме и бандитизме на Северном Кавказе закрепились в академической среде, является «окопная психология» и борьба за имидж в среде этнических историков [Цит. по: Безугольный, Бугай, Кринко 2012: 6]. Эта борьба проходит как в сфере показателей, актов героизма и трагедий, так и в отношении того, у какого народа было больше/меньше антисоветских проявлений.

О росте недоверия Центра к Северному Кавказу в 1942 г.

Выбор терминов играет важную роль в начале исследовательского погружения в проблему антисоветских проявлений на Северном Кавказе в период ВОВ. Мы все еще далеки от единства терминологии – наряду с традиционным «бандитизмом», укоренившимся в науке из документов госбезопасности и партийных выступлений, в академическом дискурсе применяются и другие термины. В новейшем фундаментальном труде по истории ВОВ наряду с бандитизмом используется термин «вооруженное подполье» [Великая Отечественная война 1941–1945 годов ... 2013: 681]. Наблюдается противоречивость между альтернативными терминами, применяемыми исследователями в отношении антисоветских проявлений (например, «повстанческое движение», «политический бандитизм», «партизанская борьба» и др. [Жупикова 2007; Савенко 2008; Соколов 2002]). Существует также проблема разграничения уголовной и политической природы бандитизма. Дифференциация бандитизма на уголовный и политический не прослеживается в партийных документах и отчетах органов госбезопасности. В итоговом по периоду войны докладе Отдела по борьбе с бандитизмом НКВД наряду с «бандитско-повстанческими группами» лишь раз упомянуты «уголовно-грабительские группы» [НКВД-МВД СССР ... 2008: 503-504].

В контексте антисоветского повстанчества дискуссии о цифрах и их влиянии на процессы, по-видимому, обречены оставаться непримиримыми. Менее вязким полем для исследователя представляется анализ объяснительных моделей и их первопричин с отсылкой к «ранним источникам» периода войны.

Анализ историографических источников показывает, что как противники, так и сторонники идеи о массовых антисоветских проявлениях на Северном Кавказе в период ВОВ в своих исследованиях часто опираются на численные показатели. Например, по подсчетам С. Чуева, среди жителей Чечено-Ингушетии в 1941–1944 гг. насчитывалось 62751 дезертиров и уклонистов*. О преувеличенности этих цифр даже высказался один из видных адептов подоб-

* Чуев С. Северный Кавказ 1941–1945. Война в тылу // Сайт «Обозреватель – Observer». – 2002. – № 2 (145). URL: https://i-sng.ru/observer/observer/N02_2002/2_15.htm (дата обращения: 18.01.2022).

ного дискурса И.В. Пыхалов. Он поясняет, что, согласно архивным сведениям, эти данные охватывают весь Северный Кавказ [Пыхалов 2008: 267].

Ветеран военной разведки в годы ВОВ В.Н. Воробьев отмечает, что в начале битвы за Кавказ падению советской власти на юге СССР способствовали восстания, в том числе подготовленные при участии 25 тыс. немецких диверсантов*. Эти открытые данные от авторитетного источника могут легко ввести в заблуждение – в 1942 г. Абвером II было подготовлено 10 тыс. чел. [Мадер 1985: 159], и кажется невероятным то, что они все оказались на Кавказе.

Проблема доккупационного кризиса советской власти на Северном Кавказе имела схожие причины с другими территориями СССР, пережившими ускоренную эвакуацию и отступление Красной Армии. Почему же национальным автономиям присваивалось и продолжает присваиваться качество, выражающееся в том числе в оценке коллективной ответственности? Полагаем, что предпосылки этих явлений зародились еще до начала ВОВ. Довоенная национальная автономия воспринималась государством как зона дополнительных инвестиций, которая была готова осуществлять специальные меры для успеха проводившейся модернизации большинства сфер общественной жизни и национально-государственного строительства в духе позитивной дискриминации [Martin 2001] – политика коренизации, развитие национальных языков и грамотности, создание инфраструктуры за счет ресурсов Центра. Административное проникновение государства приняло невиданные размахи в истории народов Северного Кавказа. Резкие и опережавшие общесоюзные темпы коллективизации, наступление на традиционные институты и ислам, действительно, порождали среди населения противоречивое восприятие государства.

Во властных кругах существовали опасения того, что антисоветские настроения могут коррелировать с пропагандой и усилиями Германии, ожидаемо направленными на уязвимые стороны советской модернизации. Сомнения в «благонадежности» северокавказцев испытывали и представители военных кругов: еще до битвы за Кавказ был ограничен призыв в армию почти всех горских народов.

Начиная войну против СССР, Германия рассчитывала на то, что сам факт приближения немецких войск к предгорьям Северного Кавказа станет достаточным основанием для восстаний местных народов против советской власти – об этом можно судить по плану генштаба Главного командования сухопутных войск [Абрамян 2006: 236]. Впрочем, это не отменяло необходимость проведения дополнительных мер, направленных на провокацию антисоветского (контрреволюционного) движения на Северном Кавказе. Стратегия Германии была рассчитана не на мобилизацию некоторых этнических групп, а на общекавказскую солидарность, достижение которой предполагало учет всего национального многообразия. Кавказская война, охватившая в XIX в. пространство от Каспия до Черного моря, рассматривалась прецедентом организованного сопротивления имперской политике, а издержки советской модернизации – мар-

*Воробьев В.Н. Предатели и изменники в годы Великой Отечественной войны // Сайт «Военно-политическое обозрение». URL: <http://www.belvpo.com/ru/11344.html> (датаобращения: 14.01.2022).

керами низкой легитимности советской власти в автономиях. В таком ключе размышлял летом 1942 г. и К.А. Уманский, бывший посол СССР в Вашингтоне, выражая обеспокоенность тем, что Германия может воспользоваться памятью горцев о российском завоевании Кавказа в XIX в.*.

С началом битвы за Кавказ дискурс «неблагонадежности» горцев выразился в отмене обязательного призыва среди коренных народов региона [Безугольный, Бугай, Кринко 2012: 128]. В то же время в пакете документов по проблеме призыва и положения в армии содержатся исключительно важные дополнительные сведения. По сведениям Главного политуправления РККА, в сентябре–декабре 1942 г. были зафиксированы недостатки политико-пропагандистской работы, фактор незнания русского языка, нехватка газет и информационных ресурсов в воинских частях на национальных языках и даже конфликты на национальной почве по отношению к нерусским бойцам [ЦК ВКП (б) и национальный вопрос ... 2009: 706].

Германии подобные сложности интеграции северокавказцев в Красной Армии были на руку. Ее политико-пропагандистские меры должны были не только охватывать оккупированные зоны, но и стимулировать рост антисоветских проявлений в тыловых или прифронтовых областях. Полагаем, что ангажировано выстроенные *ранние факты* в документах 1942–1944 гг., как это было показано на нескольких примерах выше, могут влиять на формирование специфичного подхода к оценке роли Германии в возникновении и развитии антисоветских проявлений на Северном Кавказе в отечественной и зарубежной историографии.

Влияние Германии на антисоветские проявления в тылу на Северном Кавказе

Приуменьшение значимости диверсионных операций Германии по отношению к тыловому антисоветскому движению на Северном Кавказе имеет такое же негативное влияние на развитие академического кавказоведения, как и ангажированный анализ этих явлений с использованием устаревших политизированных терминов или научно необоснованных концепций. В октябре 1944 г. Г. Гиммлер утверждал, что на Кавказе была найдена «чудесно подготовленная почва» для немецких диверсий [Trial of the Major War Criminals ... Vol. 29 1947: 142-143]. Это один из примеров *раннего факта*, который может служить опорой для тезисов о массовом антисоветском фронте.

Исследователи предлагают несколько критериев, позволяющих установить рамки и параметры влияния Германии на антисоветские проявления на Северном Кавказе. А. Авторханов утверждает, что немецкие диверсанты и агенты имели незначительные контакты с повстанцами в Чечено-Ингушетии, а антисоветские проявления усилились еще до начала ВОВ [Авторханов 1952: 59].

В данной аргументации заложен принцип разграничения – в национальных автономиях динамика политического положения зависела от самых разных

*Hitler's Soviet Muslim Legions. Waffen-SS im Einsatz // Website "Waffen-SS im Einsatz". URL: <http://stosstruppen39-45.tripod.com/id10.html> (дата обращения: 12.01.2022).

факторов, например, географии оккупации, военно-стратегической ситуации, близости территории к линии фронта, ландшафта местности. В частности, по данным НКВД, в Крыму, в августе 1942 г., в степной части, враждебное отношение к советской власти среди крымских татар было меньше, чем в горной части полуострова [Органы государственной безопасности СССР ... 2003: 197]. По мнению Д.В. Шабаева, горная местность Кабардино-Балкарии не являлась зоной укрытия лишь для повстанцев определенной национальности, здесь могли оказаться дезертиры и преступники [Шабаев 1994: 20-23].

Ряд историков подчеркивает, что карательные действия 11-й стрелковой дивизии НКВД в Черекском ущелье Кабардино-Балкарии в ноябре 1942 г. и страх расправы толкали часть местного населения переместиться в малодоступные районы, хотя в документах эта ситуация была зафиксирована как антисоветское выступление, подготовленное при участии немцев [Цит. по: Азаматов и др. 1994]. В данном случае авторы указывают на фактор силового давления государства на население. В этом же духе размышляет Г.М. Дерлугьян, говоря о том, что антисоветские проявления в горах Северного Кавказа в 1942 г. были обусловлены хаотичными продовольственными запросами властей [Derlugian 2004: 180-181].

Перспективным объектом исследований может стать углубленная локализация политической обстановки и сравнительный анализ. Не во всей горной местности Кабардино-Балкарии сложилась такая же напряженная ситуация как в Черекском ущелье. В сентябре 1942 г. капитан госбезопасности Н.И. Чирков* предвидел обострение ситуации в Эльбрусском ущелье. Он предполагал борьбу «с возможными мелкими бандами и диверсионными группами противника» [ЦАМО. Ф. 1047. Оп. 1. Д. 13 а. Л. 43]. Несмотря на то, что немецкие горнострелковые части обосновались в районе Эльбруса уже с августа 1942 г., советские войска в период отступления в ноябре 1942 г. с повстанчеством не столкнулись.

Ряд зарубежных исследователей подчеркивает то, что несмотря на серьезность немецких усилий по проведению диверсий и провокации антисоветских выступлений на Северном Кавказе, ожидания Берлина на практике не оправдались. По утверждению Д.Р. Хиггинса, среди национальных автотомий Кавказа наибольший интерес у немецких спецслужб вызывали Карачай, Кабардино-Балкария и Чечено-Ингушетия [Higgins 2014: 29]. В 1942–1944 гг. в них заброшили около 370 диверсантов-парашютистов [Burds 2007: 298]. О. Хейлбрунн полагает, что в наиболее ответственный период битвы за Кавказ немецкие диверсанты не добились массовой антисоветской борьбы населения [Heilbrunn 1963: 32].

Влияние немецкого фактора на антисоветские проявления не следует переоценивать уже исходя из того, что в результате слаженной работы советских органов госбезопасности и разведчиков теряла эффективность деятельность вражеских диверсионных служб. На 1944 г. пришлась наиболее интенсивная германская диверсионная атака на Кабардино-Балкарии, и все диверсанты па-

*Возглавлял оборону вольфрамо-молибденового комбината в Тырныауза.

рашютисты были ликвидированы при участии и поддержке местного населения [Чекисты Кабардино-Балкарии ... 1987].

Заключение

Политизированный фон вокруг тезисов о «массовом предательстве» стал во многом реакцией на многолетнюю монополию героической концепции в советскую эпоху. Существование этих тезисов обусловлено не только возможностями, которые дает методологический и идеологический плюрализм. Идея о «массовом предательстве» некоторых горских народов подпитывается непримиримыми дискуссиями между историками, использующими числовые показатели или обвинения в предательских действиях и положениями в крупных фундаментальных трудах, на которые ориентируются исследователи. В свою очередь такие авторские интерпретации сильно зависят от *ранних фактов и источников* – трактовок, терминов, суждений, численных данных, выводов в документах военного времени, в частности «обвинительных» справок. С учетом того, что основная масса этих первичных данных формировалась в эпоху этнических депортаций, современная историческая наука должна подходить к ним осторожно и с оглядкой на влияние исследований на межнациональные отношения в стране. Одного лишь обоснования естественной невозможности массового бандитизма и коллаборационизма и несправедливости «этнической ответственности» недостаточно, чтобы исследователи стремились к более взвешенным оценкам и суждениям. Релевантны более интенсивное сотрудничество между исследователями, применение междисциплинарного подхода, расширение диапазона первичных источников и фактов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Абрамян 2006 – *Абрамян Э.* Кавказцы в Абвер. – М.: Быстров, 2006. – 352 с.
- Авторханов 1952 – *Авторханов А.* Народоубийство в СССР. – Мюнхен: Свободный Кавказ, 1952. – 71 с.
- Азаматов и др. 1994 – *Азаматов К.Г., Темиржанов М.О., Темукуев Б.Б., Тетуев А.И., Чеченов И.М.* Черекская трагедия. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 200 с.
- Безугольный, Бугай, Кринко 2012 – *Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф.* Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. – М.: Центрполиграф, 2012. – 479 с.
- Великая Отечественная война 1941-1945 годов ... 2013 – *Великая Отечественная война 1941-1945 годов.* В 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. – М.: Кучково поле, 2013. – 864 с.
- Жупикова 2007 – *Жупикова Е.Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах // Академия исторических наук. Сборник трудов. – 2007. – Т. 1. – С. 114–319.

Линец 2009 – *Линец С.И.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). – Пятигорск: ПГЛУ, 2009. – 492 с.

Мадер 1985 – *Мадер Ю.* Империализм: шпионаж в Европе вчера и сегодня. – М.: Политиздат, 1985. – 304 с.

Мякшев 2012 – *Мякшев А.П.* Коллаборационизм на Северном Кавказе: историческая правда или исторический миф? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. – 2012. – № 4. – С. 114-117.

Некрич 1978 – *Некрич А.* Наказанные народы. – Нью-Йорк: Хроника, 1978. – 170 с.

НКВД-МВД СССР ... 2008 – *НКВД-МВД СССР* в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956). Сборник документов / Сост. Н.И. Владимирцев, А.И. Кокурин. – М.: Объединенная редакция МВД России, 2008. – 640 с.

Органы государственной безопасности СССР ... 2003 – *Органы государственной безопасности СССР* в Великой Отечественной войне. Сборник документов: в 5-ти томах / Сост. В.П. Ямпольский и др. – Т. 3. Кн. 2. – М.: Русь, 2003. – 701 с.

Под немцами ... 2011 – *Под немцами.* Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник / Сост. К.М. Алексанров. – СПб.: Скрипториум, 2011. – 608 с.

Пыхалов 2008 – *Пыхалов И.В.* За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации – преступный произвол или справедливое возмездие? – М.: Яуза-пресс, 2008. – 480 с.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

Сабанчиев 2008 – *Сабанчиев Х.-М.А.* Балкарцы: выселение и возвращение. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 440 с.

Савенко 2008 – *Савенко Г.П.* Политический бандитизм на Северном Кавказе в 1920-1940-е годы как предтеча современного терроризма в регионе // Труды юридического факультета Ставропольского государственного университета. – 2008. – Вып. 17. – С. 14–19.

Сидоренко 2020 – *Сидоренко В.П.* Стояли насмерть. Служебно-боевая деятельность войск НКВД СССР в особых оборонительных районах Северного Кавказа // Военно-исторический журнал. – 2020. – № 2. – С. 28–38.

Соколов 2002 – *Соколов Б.В.* Оккупация. Правда и мифы. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2002. – 352 с.

Тетуев 2015 – *Тетуев А.И.* Отечественная историография об участии народов Кабардино-Балкарии в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2015. – № 4. – С. 54-61.

УЦДНИ АС КБР – Управление Центра документации новейшего времени Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

ЦАМО – Центральный архив Министерства обороны.

ЦК ВКП (б) и национальный вопрос ... 2009 – *ЦК ВКП (б) и национальный вопрос*. Сборник документов. Кн. 2. 1933-1945 / Сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. – М.: РОССПЭН, 2009. – 1094 с.

Чекисты Кабардино-Балкарии ... 1987 – *Чекисты Кабардино-Балкарии* / Гл. ред. А.Ж. Губашиев. – Нальчик: Эльбрус, 1987. – 228 с.

Шабаетов 1994 – *Шабаетов Д.В.* Правда о выселении балкарцев. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 288 с.

Burds 2007 – *Burds J.* The Soviet War against “Fifth Columnists”: The Case of Chechnya, 1942-4 // *Journal of Contemporary History*. – 2007. – Vol. 42. – No 2. – P. 267–314.

Derlugian 2004 – *Derlugian G.* Bourdieu’s Secret Admirer in the Caucasus. – Chicago: R.R. Donnelley & Sons, 2004. – 406 p.

Heilbrunn 1963 – *Heilbrunn O.* Warfare in the Enemy's Rear. – London: Allen & Unwin, 1963. – 231 p.

Higgins 2014 – *Higgins D.R.* Behind Soviet Lines. Hitler's Brandenburgers Capture the Maikop Oilfields, 1942. – Oxford: Osprey Publishing, 2014. – 90 p.

Hoffmann 1986 – *Hoffmann J.* Deutsche und Kalmyken 1942 bis 1945. – Freiburg: Rombach Verlag, 1986. – 214 S.

Martin 2001 – *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. – Ithaca & London: Cornell University Press, 2001. – 496 p.

Reitlinger 1960 – *Reitlinger G.* House Built on Sand: The Conflicts of Germany Policy in Russia, 1939–1945. – New York: Viking Press, 1960. – 459 p.

Trial of the Major War Criminals ... Vol. 26 1947 – *Trial of the Major War Criminals* before the International Military Tribunal. 14 November 1945 – 1 October 1946: in 42 Volumes. – Nuremberg, 1947. – Vol. 26. – 705 p.

Trial of the Major War Criminals ... Vol. 29 1947 – *Trial of the Major War Criminals* before the International Military Tribunal. 14 November 1945 – 1 October 1946: in 42 Volumes. – Nuremberg, 1947. – Vol. 29. – 581 p.

REFERENCES

ABRAMYAN E. *Kavkaztsy v Abvere* [Caucasians in the Abwehr]. – Moscow: Bystrov, 2006. – 352 p. (In Russ).

AVTORKHANOV A. *Narodoubiistvo v SSSR* [Murder of the peoples in the USSR]. – Munich: Svobodnyi Kavkaz, 1952. – 71 p. (In Russ).

AZAMATOV K.G., TEMIRZHANOV M.O., TEMUKUEV B.B., TETUEV A.I., CHECHENOV I.M. *Cherekskaya tragediya* [Cherek tragedy]. – Nalchik: El'brus, 1994. – 200 p. (In Russ).

BEZUGOL'NYI A.YU., BUGAI N.F., KRINKO E.F. *Gortsy Severnogo Kavkaza v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg.: problem istorii, istoriografii i istochnikovedeniya* [Mountain peoples of the North Caucasus in the Great Patriotic War 1941-1945]. – Moscow: Tsentrpoligraf, 2012. – 479 p. (In Russ).

Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 godov. V 12 t. T. 6. Tainaya voina. Razvedka i kontrrazvedka v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [The Great Patriotic

War of 1941-1945. In 12 vols. Vol. 6. Secret war. Intelligence and counterintelligence during the Great Patriotic War]. – Moscow: Kuchkovo pole, 2013. – 864 p. (In Russ).

ZHUPIKOVA E.F. *Povstancheskoe dvizhenie na Severnom Kavkaze v 1920–1925 godakh* [Insurgency in the North Caucasus in 1920-1925]. IN: *Akademiya istoricheskikh nauk. Sbornik trudov.* – 2007. – Vol. 1. – P. 114–319. (In Russ).

LINETS S.I. *Severnyi Kavkaz nakanune i v period nemetsko-fashistskoi okkupatsii: sostoyanie i osobennosti razvitiya (iyul' 1942 – oktyabr' 1943 gg.)* [North Caucasus on the Eve and During the Nazi Occupation: State and Features of Development (July 1942 – October 1943)]. – Pyatigorsk: PGLU, 2009. – 492 p. (In Russ).

MADER YU. *Imperializm: shpionazh v Evrope vchera i segodnya* [Imperialism: espionage in Europe yesterday and today]. – Moscow: Politizdat, 1985. – 304 p. (In Russ).

MYAKSHEV A.P. *Kollaboratsionizm na Severnom Kavkaze: istoricheskaya pravda ili istoricheskii mif?* [Collaborationism in the North Caucasus: historical truth or historical myth?]. IN: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya.* – 2012. – No. 4. – P. 114–117. (In Russ).

NEKRICH A. *Nakazannye narody* [Punished peoples]. – New York: Khronika, 1978. – 170 p. (In Russ).

NKVD-MVD SSSR v bor'be s banditizmom i vooruzhennym natsionalisticheskim podpol'em na Zapadnoi Ukraine, v Zapadnoi Belorussii i iPribaltike (1939-1956). Sbornik dokumentov [NKVD-MVD of the USSR in the fight against banditry and armed nationalist underground in Western Ukraine, Western Belarus and the Baltic States (1939-1956). Collection of documents] / Ed. by N.I. Vladimirtsev, A.I. Kukurin. – Moscow: Ob"edinennaya redaktsiya MVD Rossii, 2008. – 640 p. (In Russ).

Organy gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine. Sbornik dokumentov: v 5-ti tomakh [State Security Bodies of the USSR in the Great Patriotic War. Collection of documents: in 5 volumes] / Ed. by V.P. Yampol'skii et al. – Vol. 3. Book 2. – Moscow: Rus', 2003. – 701 p. (In Russ).

Pod nemtsami. Vospominaniya, svidetel'stva, dokumenty. Istoriko-dokumental'nyi sbornik [Under the Germans. Memoirs, testimonies, documents. Historical and documentary collection] / Ed. by K.M. Aleksanrov. – Saint Petersburg: Skriptorium, 2011. – 608 p. (In Russ).

PYKHALOV I.V. *Za chto Stalin vyselyal narody? Stalinskie deportatsii – prestupnyi proizvol ili spravedlivoe vozmezhdie?* [Why Stalin evicted peoples? Stalin's deportations – criminal arbitrariness or just retribution?]. – Moscow: Yauza-press, 2008. – 480 p. (In Russ).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Socio-Political History]. (In Russ).

SABANCHIEV KH.-M.A. *Balkartsy: vyselenie i vozvrashchenie* [Balkars: eviction and return]. – Nalchik: El'brus, 2008. – 440 p. (In Russ).

SAVENKO G.P. *Politicheskii banditizm na Severnom Kavkaze v 1920–1940-e gody kak predtecha sovremennogo terrorizma v regione* [Political banditry in the North Caucasus in the 1920s–1940s as a forerunner of modern terrorism in the re-

gion]. IN: *Trudy yuridicheskogo fakul'teta Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2008. – Iss. 17. – P. 14–19. (In Russ).

SIDORENKO V.P. *Stoyali na smert'. Sluzhebno-boevaya deyatel'nost' voisk NKVD SSSR v osobykh oboronitel'nykh raionakh Severnogo Kavkaza* [They stood to death. Service and combat activity of the troops of the NKVD of the USSR in the special defensive regions of the North Caucasus]. IN: *Voенно-istoricheskii zhurnal*. – 2020. – No. 2. – P. 28–38. (In Russ).

SOKOLOV B.V. *Okkupatsiya. Pravda imify* [An occupation. Truth and myths]. – Moscow: AST-PRESS KNIGA, 2002. – 352 p. (In Russ).

TETUEV A.I. *Otechestvennaya istoriografiya ob uchastii narodov Kabardino-Balkarii v Velikoi Otechestvennoi voine 1941-1945 gg.* [Home historiography on the participation of the peoples of Kabardino-Balkaria in the Great Patriotic War of 1941-1945]. IN: *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. – 2015. – No. 4. – P. 54–61. (In Russ).

Upravlenie Tsentra dokumentatsii noveishego vremeni Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi respubliki [Office of the Documentation Center of the Modern history of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ).

Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony [Central Archive of the Ministry of Defense]. (In Russ).

TsK VKP (b) inatsional'nyi vopros. Sbornik dokumentov. Kn. 2. 1933-1945 [Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the National Question. Collection of documents. Book. 2. 1933-1945] / Ed. by L.S. Gatagova, L.P. Kosheleva, L.A. Rogovaya. – Moscow: ROSSPEN, 2009. – 1094 p. (In Russ).

Chekisty Kabardino-Balkarii [Chekists of Kabardino-Balkaria] / Ed. by A.Zh. Gubashiev. – Nalchik: El'brus, 1987. – 228 p. (In Russ).

SHABAEV D.V. *Pravda o vyselenii balkartsev* [The truth about the eviction of the Balkars]. – Nalchik: El'brus, 1994. – 288 p. (In Russ).

BURDS J. The Soviet War against “Fifth Columnists”: The Case of Chechnya, 1942-4. IN: *Journal of Contemporary History*. – 2007. – Vol. 42. – No. 2. – P. 267–314. (In English).

DERLUGUIAN G. *Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus*. – Chicago: R.R. Donnelley & Sons, 2004. – 406 p. (In English).

HEILBRUNN O. *Warfare in the Enemy's Rear*. – London: Allen & Unwin, 1963. – 231 p. (In English).

HIGGINS D.R. *Behind Soviet Lines. Hitler's Brandenburgers capture the Maikop Oilfields, 1942*. – Oxford: Osprey Publishing, 2014. – 90 p. (In English).

HOFFMANN J. *Deutsche und Kalmyken 1942 bis 1945*. – Freiburg: Rombach Verlag, 1986. – 214 S. (In German).

MARTIN T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939*. – Ithaca & London: Cornell University Press, 2001. – 496 p. (In English).

REITLINGER G. *House Built on Sand: The Conflicts of Germany Policy in Russia, 1939-1945*. – New York: Viking Press, 1960. – 459 p. (In English).

Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. 14 November 1945 – 1 October 1946: in 42 Volumes. – Nuremberg, 1947. – Vol. 26. – 705 p. (In English).

Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. 14 November 1945 – 1 October 1946: in 42 Volumes. – Nuremberg, 1947. – Vol. 29. – 581 p. (In English).

Информация об авторах

А.А. Татаров – кандидат исторических наук;

М.С. Тамазов – кандидат исторических наук.

Information about the authors

A.A. Tatarov – Candidate of Science (History);

M.S. Tamazov – Candidate of Science (History).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.03.2022 г.; одобрена после рецензирования 21.03.2022 г.; принята к публикации 29.03.2022 г.

The article was submitted 03.03.2022; approved after reviewing 21.03.2022; accepted for publication 29.03.2022.

ФИЛОЛОГИЯ**Литература народов Российской Федерации
(литература народов Северного Кавказа)**

Научная статья

УДК – 808.1

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-93-102

КОНЦЕПТ ВРЕМЕНИ В ЛИРИКЕ КАЙСЫНА КУЛИЕВА**Казим Каллетович Бауаев**Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М.Бербекова,
Нальчик, Россия, kazim_bauaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0647-1295>

Аннотация. В статье осуществлен анализ лирики классика балкарской литературы Кайсына Шуваевича Кулиева. Наличие концепта времени в творчестве поэта является особенностью индивидуально-авторского стиля. Данный концепт формирует окружающую действительность, ориентирует на поэтический эстетизм, глубоко личное переживание. В ходе исследования рассматривается целый перечень вопросов, связанных с теорией ускоренного развития, спецификой поэтического мышления, персонификацией времени, поиска перспективных путей развития эстетического сознания народа на стадии перехода от традиционных рефлексивных моделей, основанных на фольклорных представлениях, архетипах этнического мышления и идеологических оппозициях, к структурам новой формации. Высказывается мнение, что появление особого вида образов и переход их в сквозные символы, позволили К. Кулиеву расширить узкую семантику идеологических временных бинаров и преодолеть логическую атрибутацию концепта «время», создав ему обширный ассоциативный ореол, адресуемый сознанию читателя к реалиям повседневности. Поиск устойчивых стилиобразующих конструктов в процессе преодоления границ устоявшихся апперцептивных моделей, позволил К. Кулиеву создать особую поэтическую структуру, описывающую время в координатах его личной гносеологии, индивидуальной манеры осознания окружающего, позволявшую представлять национальному читателю темпоральные дефиниции вне рационально-понятийных эмблем, истолковывая их с помощью знакомых и освоенных на всех уровнях восприятия вплоть до сензитивных. Художественный концепт время в творчестве К. Кулиева формируется постепенно, вместе с поэтом, с эпохой. Следя за его художественной реализацией и трансформацией, автор статьи мы приближаемся к разгадке того, как великий балкарский поэт воспринимает, осознает, осмысливает время, к разгадке его внутреннего мира. На материале стихотворных произведений балкарских литераторов (К. Кулиев, К. Отаров, Х. Теммоев) автор показывает несколько способов вербализации концепта «время» в балкарской литературе.

Ключевые слова: концепт, литература, поэзия, фольклор, авторская поэзия, образ, картина мира, рефлексия.

Для цитирования: Бауаев К.К. Концепт времени в лирике Кайсына Кулиева // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 1. – С. 93-102. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-93-102

Original article

THE CONCEPT OF TIME IN THE LYRICS OF K. KULIEV

Kazim K. Bauaev

Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia, kazim_bauaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0647-1295>

Abstract. The article analyzes the lyrics of the classic of Balkar literature KaisynShuvaevichKuliev. The presence of the concept of time in the poet's works is a peculiarity of the author's individual style. This concept shapes the surrounding reality, focuses on poetic aestheticism, deeply personal experience. The study examines a whole list of issues associated with the theory of sped up development, the specificity of poetic thinking, personification of time, the search for promising ways of development of aesthetic consciousness of the people at the stage of transition from traditional reflective models based on folklore ideas, archetypes of ethnic thinking and ideological opposition to the structures of new formation. It is argued that the emergence of a special images and their transition into transversal symbols, it was Kuliev's models of reflexion that allowed to expand the narrow semantics of ideological temporal binary and overcome the logical attribution of the concept "time", creating for it a vast associative halo that addresses the reader's consciousness to the realities of everyday life. Searching for stable style-forming constructions in overcoming the borders of established apperceptive models allowed K. Kuliev to create special poetic structure, describing time in the coordinates of his personal gnoseology, his individual manner of perceiving the environment, allowing the national reader to imagine temporal definitions beyond the rational and conceptual emblems, interpreting them with the help of familiar and mastered at all perception levels up to the sensory. Artistic concept of time in the works of K.Kuliev is formed gradually, together with the poet, with the era. Following its artistic realization and transformation, the author of the article brings us closer to the unraveling of how the great Balkar poet perceives, realizes, and comprehends time to the unraveling of his inner world. On the material of poems of Balkar writers (K. Kuliev, K. Otarov, H. Temmoev) the author shows several ways of verbalization of the concept "time" in Balkarian literature.

Keywords: concept, literature, poetry, folklore, author's poetry, image, picture of the world, reflection.

For citation: Bauaev K.K. The concept of time in the lyrics of K. Kuliev. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 1. – P. 93-102. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-93-102

© Bauaev K.K., 2022

На первых этапах своего формирования балкарская советская литература развивалась в полном соответствии с основными положениями теории ускоренного развития и в границах ожидаемого определяющего влияния эстетических доктрин Советского государства [Толгуров 1991: 130-131]. Сильнейший идеологический прессинг, обусловивший системообразующие черты национальной художественной словесности в части образности, социалистической эмблематики, концептуалогии текстов, сочетался с традиционными моделями хроно-пространственного мировосприятия, восходившими к фольклорным образцам у всех народов, относившихся к категории «новописьменных» [Гусейнов 1988: 83].

Естественно, что топологические представления горцев изначально включали в себя всю возможную гамму векторальных, линейных и объёмных компонент и были вполне функциональны в границах произведений даже ярко выраженного классового характера, ориентированных на решение прикладных задач агитации и политического просвещения. Ресурс гносеологического потенциала пространственных дефиниций балкарцев, как и всех горских народов, был достаточен не только для утилитарных агиток и поэтики актуального призыва, но и вполне эффективно воплощал развитые формы моделей сугубо лирического переживания.

Совершенно иным качеством обладали временные паттерны коллективного сознания балкарского народа. Дистанция между фольклором и авторской поэзией 20-х и 30-х гг. XX в. была настолько мала, что за исключением культурных мемов советского происхождения, все порядки художественной рефлексии, были, по сути, прямой проекцией фольклорных структур, лишь слегка адаптированных к эстетике нового общества [Толгуров 2004: 82].

Фольклорные матрицы времени, несмотря на некоторые отличия их мифических, эпических и более поздних модификаций, отмечены, в целом, неаналитическим, нечленимым качеством. Выходя из эпохи магического сознания, фольклорное темпоральное ощущение сохраняет монолитность: «...коллективно, оно дифференцируется и измеряется только событиями коллективной жизни, всё, что в этом времени существует, – существует только для коллектива... внутреннее время индивидуальной жизни ещё не существует... Вообще не может быть ещё чёткой дифференциации времени – настоящего, прошлого и будущего» [Бахтин 2012: 455]. Следует, по всей видимости, сразу оговориться: устойчивые хронологические зачины народных текстов, типа «давным-давно», «в те времена», «это было тогда» и прочие, им подобные, относятся, как правило, ко времени разворачивания сюжета повествования, а их некая темпоральная обособленность – не более, как способ дистанцирования от текущего «сейчас», создающий ситуацию условной реальности описываемого.

В этих условиях, единственными образцами развёрнутой трактовки времени были бинарные противопоставления безусловного идеологического плана, бывшие, практически, обязательными элементами в ранней советской поэзии. Дихотомия «старое-новое» была наиболее распространённым семантическим конструктом агитационной поэзии и, конечно же, в подавляющем большинстве случаев она реализовывалась в текстах путём механического сопоставления соответствующих временных срезов. Формула «старое (тёмное, несчастное и т.д.) время – новое (счастливое, благодатное) время», с одной стороны, была реальным шагом вперёд в построении поэтических темпоральных моделей, с другой – настолько удовлетворяла потребности агитационной, идеологически-дидактической лирики, что целое поколение национальных авторов попросту не помышляло о выходе за её пределы.

Идеологически окрашенное противопоставление «нового» и «старого» времени, собственно, темпорального значения не имело. Это, по сути, была простая фиксация уровней комфортности существования «советского народа», само же пространство физического, воспринимаемого и отражаемого в стихе

хроноса было фольклорно-монолитным, то есть, в определённом смысле этого слова, лишённым динамики [Лихачев 1967: 262]. Перцептивная картина времени стала меняться лишь в 30-х гг., когда авторы начали ассоциировать ощущение от него с переживаниями лирического субъекта. Это могло быть отождествление с личным осознанием собственного существования:

...Жангы болуму кьууанч береди манга [Отаров 1996а: 104].

(...Новое бытие даёт мне радость) – либо обобщённая, и, в принципе, панхроничная констатация, которую можно определить, как косвенное признание реальности некой протяженности:

...Аланы узун кьара кирпичлени

Бир заманда да жилиямукь жуумазын [Отаров 1996b: 102].

(...Её длинные чёрные ресницы

Никогда (ни в какое – ни в одно время) слеза не омоет), – или чувственно маркированное впечатление от эмоции, возбуждаемой в течение некоего идентифицируемого периода:

...Башыбызны безите, шо сау сагъатны

Ачы кьычырады кечеге кьанатлы [Теммюев 1996: 93].

(...Мороча нам голову, на протяжении целого часа

Горько кричит ночная птица).

Три этих типа темпоральных представлений балкарской поэзии, вместе с идеологическими оппозициями, относящимися к временным презентациям лишь условно, долгое время полностью исчерпывали национальные ресурсы поэтического восприятия хроноса. И, опираясь на фольклорный опыт, на практики основоположников национального стихотворчества, использовавших арузную образную систему – принципиально статичную по своей рефлексивной сути – балкарские поэты, вполне вероятно, оставались бы в плену вневременных переживательных моделей достаточно долго. Однако, благодаря особенностям индивидуального мышления такого автора, как К. Кулиев, национальная традиция сформировала аутентичные и суггестивно состоятельные подходы в данном направлении буквально в течение периода пиковой активности одного поколения художников.

Ему также были свойственны обращения к концепту «время», развившиеся из бинарных сопоставительных пар прямой понятийной номинации, но даже эти, наиболее простые темпоральные конструкции балкарский поэт обогащает формантами различных культурных пространств, иногда с достаточно неожиданными ассоциативными выходами:

Жибийдиле юйле баилары, терекле,

Овидий, жюз жылла кьысталып тургъан!

Мен билеме ачылыгъын кьыстаулуну.

Констанца шахарда жауады жауун [Кулиев 1977: 51].

(Мокнут крыши домов, деревья,
 Овидий, изгнанный на сотни лет!
 Я знаю горечь изгнания.
 В городе Констанце идёт дождь).

Кулиев сумел в одной строфе объединить сразу несколько мотивов, причём до него обращение к античности балкарской лирике было незнакомо. Однако Овидий присутствует в стихе не в качестве инокультурной эмблемы и центра организации сопутствующих аллюзий, он чётко связан с одной из генеральных тем национальной литературы – депортацией, точнее индивидуальной памятью автора о годах изгнания, его опыте, имеющим в оригинале ссылку на физиологическое уточнение этого опыта, ибо балкарское «ачылыгъы» далёко от понятийной горечи, это, прежде всего, сензитивное, чувственно наполненная реакция, не потерявшая своего первичного вкусового качества. Интересующее же нас «время», во-первых, диспергированно, во-вторых, входит с лирическим героем в особые частные отношения, реализуясь, как в далёком прошлом, так и в сиюминутном «сейчас» К. Кулиева, воплощенное, как в мельчайших мгновениях-корпускулах, в падающих каплях дождя.

Часто подобные конструкции обогащались культурными ассоциативными шлейфами с подчёркнуто внятной адресацией, что позволяло автору вплотную приближаться к передаче временных пластов различной локализации, создавая суггестивный эффект обширного хронологического пространства:

*Акъ къайыкъ кёрюндю бюгюн тенгизде,
 Иги хапар алып келгенча бизге
 Узакъ жерледен, узакъ заманладан,
 Биз ёмюрде кёрмезлик адамладан* [Кулиев 1977: 238].

(Белая лодка видна сегодня в море,
 Словно принесла нам хорошие вести
 Из далёких стран, из далёких времён,

От людей, которых мы никогда не увидим) – приведённый отрывок, несомненно, обладает не только пространственной полнотой, но и хронологической, и так же несомненно, что последняя задана целевым обращением к хрестоматийному для русской литературы образу.

Стихи балкарского поэта могли представлять и совершенно другой тип темпоральных авторских матриц. Он часто трактует время в полностью традиционном для мировой литературы ключе – как нечто вечное, стационарное и монолитное, благо такое понимание полностью соответствовало как базовым архетипам балкарского народа, так и сквозным и стабильным образам самого художника, во многом определявшим его картину мира:

*...Манга багъалыды кёп заманла зат
 Эталмайын тургъан беклигинг, кючюнг,
 Сюеме мен болгъанынг ючюн азат,
 Менден сора да кёп турлугъунг ючюн!..* [Кулиев 1977: 60]

(...Мне дорого то, что долгое время (многие времена) ничего

Не могло сделать твоей мощи, твоей силе,
Люблю я (тебя) за то, что ты свободна,
За то, что и после меня, ты простиоишь долго!..)

Однако интерпретация времени в отражении Кулиева имеет несколько специфических смысловых нюансов. В приведённом отрывке мы имеем прямое противопоставление двух объектов, равнозначных в кругу индивидуальных хронологических представлений поэта. Скала антипод времени не только в смысле противоборства с его всепоглощающей силой уничтожения, но и в смысле бытийно-функциональном: время предстаёт, как субстанция динамичная, воздействующая на камень этапно, несколькими подходами, что подчёркнуто, помимо всего прочего, и достаточно сложными соотношениями форм применяемых глаголов. «Время», данное во множественном числе, одновременно «не могло сделать», и «пребывает в состоянии бессилия» в далёком прошлом, и остаётся в том же положении в актуальном настоящем. Скала же статична в прошлом, в настоящем и будущем, представляется некой образной инверсией обычному классическому видению хроноса – ведь именно он чаще всего осмысливается, как нечто априори присутствующее в мироздании, как мера абсолютной, пусть и текучей, субстанции.

Время К. Кулиева в этом стихотворении фрагментированно, это не единое эфирное тело, и воспринимается, в отличие от скалы, чем-то зыбким и переходящим в каждой своей модификации. И оно связано не со своим целенаправленно выстроенным антиподом-скалой, а с лирическим субъектом, с личностным сознанием автора. Он находится в изменчивом диспергированном потоке хроноса и, одновременно, актуализирует вечность вершины самой скоротечностью человеческой жизни.

Этот приём – ассоциация категории и объектности времени с мимолётным, сиюмоментным ощущением собственного «я» – становится главным достижением К. Кулиева в его темпоральных картинах и образах. В своей начальной форме он всегда представляет сочетание некоего материального объекта, которому придавалось качество абсолюта, с темпоральным представлением, главным свойством которого в стихах поэта становится фрагментарность [Гринберг 1982: 315]. Разбитое на несколько периодов временное пространство теряет свою безграничность и стабильность воздействия на авторский эталон вечности, и напрямую соотносится с человеком, с его жизнью. Фактически, К. Кулиев пытается придать абстрактному, рационально постигаемому концепту чувственную наполненность, перейти от умопостигаемого к сензитивному. В своём устоявшемся виде механизм подобного рефлексивного перехода оказался в высшей степени стабилен и продуктивен, во многих случаях схемы лирического переживания дублируются лишь с незначительными семантическими различиями:

*...Иеси тирмен ишлемез,
Жерге кетди, тирмени
Ташиданды, бир жары кетмез,
Тутур ол кёп кюнлени...* [Кулиев 1977: 63]

(...Хозяин (ещё раз) мельницу не построит,
Ушёл он в землю, а мельница
– Из камня, никуда она не денется,
Выдержит она многие дни...)

Или:

*...Жазны заман эски этмез,
Биз ёлгенликге жаз ёлмез* [Кулиев 1977: 193].

(...Время не состарит лето,
Хотя мы и умрём – лето не умрёт).

Однако целью К. Кулиева было не представление в том или ином виде собственно категории времени. Ему важна была такая составляющая лирического переживания, как пребывание человека в безразличном и вечном потоке – ситуация крайнего выражения мужества, являвшегося в этнической системе морали высшей ценностью. В принципе, через образы устойчивых и долговременных существей – камень, скала, гора, небо, лето, река – поэт опосредованно выстраивал схему противостояния личности и хроноса ещё в первом, исходном типе своих поэтических бинаров. Эта схема не была отброшена им и в период зрелого творчества, она лишь усовершенствовалась, и, вместо стационарных материальных объектов природы, художник начал включать в неё повторяющиеся циклические процессы, имеющие непосредственное к повседневности и быту – ежевечерний возврат коров с пастбища, дойка молока, хлеб, пекущийся каждое утро.

Но творческий потенциал балкарского стихотворца, основополагающие особенности его индивидуального мышления полностью могли быть воплощены лишь при условии полной «физической» материализации самого времени, как осознаваемого явления-объекта, физически присутствующего в этом мире. Кайсын Кулиев априори тяготел к фактурному, сензитивно значимому словесному представлению – частично это было общее качество всех балкарских писателей, идущее от особенностей живой балкарской речи, необыкновенно конкретной в номинации предметов и разновидностей однотипных действий, а частично – его уникальным качеством, зависящим от обстоятельств формирования его личности и параметров самоидентификации. Быть может, характер мировосприятия и интеллектуальной обработки тех или иных жизненных ситуаций Кайсына Кулиева был предопределён стрессовыми факторами. Как известно, последние часто приводят к фиксации актуального события в тонко детализированном виде: напомним, что жизнь поэта с глубокого детства часто ставила его в экстремальные положения; достаточно, упомянуть, что ещё в возрасте восьми лет К. Кулиев объезжал лошадей, за что и получил прозвище «аттери» – «конская шкура».

Как бы то ни было, стремление воплощать свои эмоции и мысли в особые чувственно наполненные образы отмечается многими исследователями его творчества [Кулиев 1977: 111]. И, закономерно, что поэт искал тот тип образной конструкции, который в полной мере отвечал бы самому процессу его миропостижения. Отталкиваясь от выразительных формант на базе национальных

паттернов долговременности, Кулиев пришёл к практике использования хронологических антиподов последних:

*Жауун, энтда айтаса ханар
Таугъа, тереклеге, сабаннга...
...Мени жаш кюнлеримде жаугъан
Кибик, энтда, жауун, алапат
Жауаса... [Кулиев 1977: 86]*

(Дождь, и вновь ты рассказываешь
Горе, деревьям, пашне...
...Словно в дни моей молодости, шедший
Ты снова, и сейчас, так чудесно

Льешься-идёшь...) – связь дождя с текущим временем было давней находкой Кулиева, но в этом новом типе хронопредставлений речь шла уже о полном отождествлении нематериальной сущности с ощущаемыми, осязаемыми и зримыми объектами – каплями. Дождь истолковывается, как нечто, имеющее переходящую и мелкодисперсную плотность, нечто, непосредственно и физически ощущаемое взаимодействующее с человеком. Если в данном примере это и не столь явно, то в некоторых случаях дискретность временной ткани Кулиев выявляет акцентированно, акустически разбивая протяженность дождя-хроноса на мгновения, и относя сам процесс идентификации временного объема к сугубо людским субъективным впечатлениям:

*Биягъынлай, терезени
Къагъады жауун:
«зап-зап, зап-зап...»
Эртде-эртде къакъгъанынлай,
Къагъа жауун терезени [Кулиев 1977: 203].*

(Как и сейчас, в окно
Стучит дождь:
«зап-зап, зап-зап...»
Как давно-давно стучал,
Бьёт дождь окно).

В итоге развития этого типа образно-темпорального представления в стихах балкарского поэта возникли хронологические презентации особого рода: внутривременные оппозиции, в границах которых противопоставляются временные контрастирующие промежутки, объединенные лишь полем переживаний и размышлений лирического субъекта:

*Бурун кибик жашилди кёк.
Анам баргъанында кибик,
Энтда къургъакъ болгъанды жол.
Анамы ызлары уа жокъ [Кулиев 1977: 98].*

(Как прежде зелено-голубовато небо.
Как тогда, когда по ней шла моя мать,

Снова просохла (стала сухой) дорога.

А следов матери уже нет).

Окончательное и единовременное «следов матери уже нет», локализованное в актуальном и коротком авторском «сейчас», по определению будет длиться и в будущем, это уже константа, объединяющая кулиевские настоящее, прошлое и будущее – вместе с «вновь, как тогда, просохшей дорогой» и «зелёно-голубым небом», также находящимися в сложнейших темпоральных взаимоотношениях. Полный анализ последних – весьма и весьма сложная задача, предполагающая тончайшее знание как языка (что теоретически возможно), так и рисунка внутреннего мира автора, что видится невыполнимым. Нас в данном случае интересует одно – конечная онтологическая направленность конструкций подобного типа. И обзор их позволяет констатировать – Кайсын Кулиев создал структуру, описывающую время в координатах его личной гносеологии, личной манеры осознания окружающего, позволявшую представлять национальному читателю темпоральные дефиниции вне рационально-понятийных эмблем, истолковывая их с помощью знакомых и освоенных на всех уровнях восприятия вплоть до сензитивных. В итоге именно модели рефлексии Кулиева позволили расширить узкую семантику идеологических временных бинаров и преодолеть логическую атрибутацию концепта «время», создав ему обширный ассоциативный ореол, адресующий сознание читателя к реалиям знакомой среды. Именно в его стихах мы впервые в балкарской поэзии сталкиваемся с полноценным образным воплощением одномерного семантического знака, то есть той выразительной единицей, которая имеет тенденциальный потенциал развития [Храпченко 1982: 307] и не полностью зависит от творчества конкретных пассионарных художников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Бахтин 2012 – *Бахтин М.М.* Теория романа (1930-1961 гг.). Собр. соч. в 7 т. – Т. III. – М.: Языки славянских культур, 2012. – С. 455-456. (880 с).

Гринберг 1982 – *Гринберг И.Л.* Два крыла литературы. – М.: Советский писатель, 1982. – 368 с.

Гусейнов 1988 – *Гусейнов Ч.Г.* Этот живой феномен. – М.: Советский писатель, 1988. – 438 с.

Кулиев 1977 – *Кулиев К. Ш.* Тюнене бла бюгюн. Назмулакитабы. – Нальчик: Эльбрус, 1977. – 240 с.

Лихачев 1967 – *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. – Л.: Наука, 1967. – 416 с.

Отаров 1996а – *Отаров К.* Ночью на берегу моря // Антология балкарской поэзии (на балк. яз). – Нальчик: Эль-Фа, 1996. С. 104.

Отаров 1996б – *Отаров К.* Облачко // Антология балкарской поэзии (на балк. яз). Нальчик: Эль-Фа, 1996. С. 102.

Рассадин 1974 – *Рассадин С. Б.* Кайсын Кулиев. – М.: Художественная литература, 1974. – 160 с.

Теммоев 1996 – *Теммоев Х.* Новое село // Антология балкарской поэзии (на балк. яз). – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – С. 93.

Толгуров 1991 – *Толгуров З.Х.* В контексте духовной общности. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 286 с.

Толгуров 2004 – *Толгуров Т.З.* Эволюция тканевых образных структур в новописьменных поэтических системах Северного Кавказа. – Нальчик: Эль-Фа, 2004. – 286 с.

Храпченко 1982 – *Храпченко М.Б.* Художественное творчество, действительность, человек. – М.: Советский писатель, 1982. – 416 с.

REFERENCES

BAKHTIN M. M. *Teoriya romana* (1930–1961 gg.) [Theory of the novel (1930–1961)]. – *Yazyki slavyanskikh kul'tur*, 2012. – S. 455–456. (880 s.). (In Russ.).

GRINBERG I.L. *Dva kryla literatury* [Two wings of literature]. – М.: Sovetskii pisatel', 1982. – 368 s. (In Russ.).

GUSEINOV CH.G. *Etot zhivoi fenomen* [This living phenomenon]. – М.: Sovetskii pisatel', 1988. – 438 s. (In Russ.).

KULIEV K. SH. *Tyunene bla byugyun.* Nazmula kitaby [Yesterday and today]. – Nal'chik: El'brus, 1977. – 240 s. (In Balkar).

LIKHACHEV D.S. *Poetika drevnerusskoi literatury* [Poetics of Old Russian Literature]. – L.: Nauka, 1967. – 416 s. (In Russ.).

OTAROV K. *Noch'yu na beregu moray* [At night on the seashore] / *Antologiya balkarskoi poezii* – Nal'chik: El'-Fa, 1996. – S. 104. (In Balkar).

OTAROV K. *Oblachko* [Cloud] / *Antologiya balkarskoi poezii* – Nal'chik: El'-Fa, 1996. – S. 102. (In Balkar).

RASSADIN S. B. *Kaisyn Kuliev* [Kaisyn Kuliev]. – М.: Khudozhestvennaya literatura, 1974. – 160 s. (In Russ.).

TEMMOEV KH. *Novoe selo* [New village] / *Antologiya balkarskoi poezii* – Nal'chik: El'-Fa, 1996. – S. 93. (In Balkar).

TOLGUROV Z.KH. *V kontekste dukhovnoi obshchnosti* [In the context of a spiritual community]. – Nalchik: El'brus, 1991. – 286 s. (In Russ.).

TOLGUROV T.Z. *Evolyutsiya tkanevykh obraznykh struktur v novopis'mennykh poeticheskikh sistemakh Severnogo Kavkaza* [Evolution of tissue figurative structures in newly written poetic systems of the North Caucasus] – Nal'chik: El'-Fa, 2004. – 286 s. (In Russ.).

KHRAPCHENKO M.B. *Khudozhestvennoe tvorchestvo, deistvitel'nost', chelovek* [Artistic creation, reality, man] – М.: Sovetskii pisatel', 1982. – 416 s. (In Russ.).

Информация об авторе

К.К. Бауаев – доктор филологических наук, доцент.

Information about the author

K.K. Bauaev – Doctor of Science (Philology), associate professor.

Статья поступила в редакцию 24.01.2022 г.; одобрена после рецензирования 16.02.2022 г.; принята к публикации 24.02.2022 г.

The article was submitted 24.01.2022; approved after reviewing 16.02.2022; accepted for publication 24.02.2022.

ФИЛОЛОГИЯ**Литература народов Российской Федерации
(литература народов Северного Кавказа)**

Научная статья

УДК 821.352.2

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-103-113

**КАК ЧИТАТЬ «САНДРО ИЗ ЧЕГЕМА» ФАЗИЛЯ ИСКАНДЕРА?
(ЯЗЫК, ЭТНОГРАФИЯ, АКСИОЛОГИЯ)****Марина Владимировна Битокова**Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия, mariebitok@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6928-3115>

Аннотация: В настоящей статье текст романа Фазиля Искандера «Сандро из Чегема» рассматривается с точки зрения его соотносительности с реалиями Абхазии 1900–1960-х гг., устройством абхазского быта и культурных феноменов, оказавших значительное влияние на художественное своеобразие данного произведения и творческий метод автора. Представляется важным обратить внимание на те факторы, которые зачастую воспринимаются читателем (вслед за критиками и литературоведами) как декорация или экзотический декор для того смыслового наполнения, которое подразумевает автор при работе над романом. Необходимо взглянуть на чегемский эпос Искандера под новым – абхазоцентричным – углом зрения: то есть при прочтении текста приняв в качестве отправной точки историю и этнографию абхазского народа (преимущественно XX в.), фольклорную традицию, ментальность народа и многие другие факторы.

Представленная статья касается только некоторых из обозначенных аспектов, в частности: атрибутирования героя по одной из его основных социальных ролей (тамада); определения границ хронотопа романа – времени и действия (причем в первом случае имеет большое значение не только абстрактная Абхазия, но и вполне конкретная абхазская усадьба – ее устройство и функционирование); особенности языка романа и попытка определить на каком языке говорят герои – русском или абхазском. Все это представляется особенно важным в связи с теми выводами о возможностях самосохранения народа в современном мире, которые автор приводит в своем литературном завещании, своеобразном постскриптуме к роману «Сандро из Чегема» – повести «Софичка».

Ключевые слова: Фазиль Искандер, текст, метатекст, этнография, хронотоп, русскоязычная проза, роман.

Для цитирования: Битокова М.В. Как читать «Сандро из Чегема» Фазиля Искандера? (Язык, этнография, аксиология) // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 1. – С. 103-113. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-103-113

© Битокова М.В., 2022

Original article

**HOW TO READ "SANDRO FROM CHEGEM" BY FAZIL ISKANDER?
(LANGUAGE, ETHNOGRAPHY, AXIOLOGY)****Marina V. Bitokova**Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia, mariebitok@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6928-3115>

Abstract: In this article, the text of Fazil Iskander's novel "Sandro from Chegem" is considered from the point of view of its correlation with the realities of Abkhazia in the 1900s-1960s, the structure of Abkhazian life and cultural phenomena that had a significant impact on the artistic originality of this work and the creative method of the author. It seems important to pay attention not to those factors that are often perceived by the reader (following critics and literary critics) as a decoration or an exotic decor for the semantic content the author implies when working on a novel. It is necessary to look at Iskander's Chegem epic from a new - Abkhaz-centric angle: that is, when reading the text, taking as a starting point the history and ethnography of the Abkhazian people (mainly the twentieth century), folklore tradition, the mentality of the people and many other factors.

The presented article concerns only some of the showed aspects, in particular: attribution of the hero by one of his main social roles (toastmaster); definition of the boundaries of the chronotope of the novel - time and action (what is more in the first case, not only abstract Abkhazia is of great importance but also a very specific Abkhazian estate - its structure and functioning); features of the language of the novel and an attempt to determine which language the characters speak - Russian or Abkhaz. All this seems especially important in connection with the conclusions about the possibilities of self-preservation of the nation in the modern world, which the author cites in his literary testament, a kind of postscript to the novel "Sandro from Chegem" - the story "Sofichka".

Key words: *Fazil Iskander, text, metatext, ethnography, chronotope, Russian-language prose, novel.*

For citation: Bitokova M.V. How to read "Sandro from Chegem" by Fazil Iskander? (Language, ethnography, axiology). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 1. – P. 103-113. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-103-113

© Bitokova M.V., 2022

Введение

Фазиль Искандер как один из ярких русских прозаиков второй половины XX в. прочно вошел в литературный канон с романом «Сандро из Чегема», повестями «Созвездие Козлотура» и «Софичка», циклами «Детство Чика» и «Стоянка человека», повестью-притчей «Кролики и удавы» и другими произведениями. Однако несмотря на этот статус, кажущийся незыблемым, все еще возникают разночтения по идентификации Искандера: считать ли его русским писателем или скорее русскоязычным, относить к шестидесятникам или нет. Сложность атрибутирования творчества Ф. Искандера, вероятнее всего, связана с его амбивалентностью по отношению к русской культуре и литературе: являясь ее частью, он в то же самое время находится как бы вне ее в силу своего этнического происхождения, имеет возможность смотреть на многие вещи со стороны, поскольку вырос в иной ментальности – иной системе координат. В наибольшей степени это заметно по особенностям индивидуального языкового

стиля Фазиля Искандера, в котором русский язык, при всей своей органичности, периодически меняет регистры, создавая ощущение перевода с другого языка, а именно, абхазского. И здесь становится очевидным тот факт, что без понимания некоторых особенностей абхазской (и шире, абхазо-адыгской) ментальности, в том числе и языковой, сложно понять и нюансы искандеровского текста. Если с «глобальным» в романе «Сандро из Чегема» литературоведение так или иначе разбирается, то «локальному» уделяется недостаточное внимание. Именно этим, на наш взгляд, и обусловлена *актуальность* настоящей статьи.

Творчество Фазиля Искандера представляет большой интерес для исследователей, поскольку в нем сходятся многие литературные и культурные тенденции второй половины XX – начала XXI вв. На сегодняшний день творчество его находится в фокусе внимания многих ученых: литературоведов, лингвистов, культурологов и этнографов.

Хрестоматийной для понимания наследия Ф.А. Искандера остается монография Н.Б. Ивановой «Смех против страха, или Фазиль Искандер», опубликованная в 1990 г. Она представляет собой собрание статей по творчеству писателя: проанализирована природа смешного и сатирического у Искандера, соотнесенная с историческим контекстом эпохи, в которую автор создавал основной корпус своих произведений [Иванова 1990].

Особое место творчество Фазиля Искандера занимает в критических и литературоведческих изысканиях видных деятелей третьей волны эмиграции Петра Вайля и Александра Гениса. Статьи «Сталин на чегемском карнавале» [Вайль Генис 1979] и «Творец Чегема» [Генис 2009] внесли существенный вклад в «фазилистику».

Интерес представляет собой сборник Литературного института им. А.М. Горького (2019, № 4), вышедший к 90-летию писателя и полностью посвященный творчеству Ф.А. Искандера. Он состоит из нескольких разделов: «Литературоведение», «Художественный перевод», «Общественные науки», «Литературное образование», «Хроника». Здесь литературное наследие писателя рассмотрено в различных аспектах.

Кроме того, стоит отметить факт наличия нескольких библиографических указателей жизни и творчества Фазиля Искандера: Л.М. Кулаева [Кулаева 1994], З.Б. Михайлова [Михайлова 1982], В.Г. Шелудько [Фазиль Искандер 2016].

Однако следует отметить недостаток статей (как литературоведческих, так и критических), посвященных анализу влияния культурных и этнографических реалий, отраженных в искандеровском тексте, на формирование его системы смыслов. Вопрос о роли изображенных в абхазском метатексте Ф. Искандера реалий так же важен для понимания природы его творчества, как и вопрос о том, какой из языков здесь все же первичен – русский или абхазский.

История публикации романа «Сандро из Чегема» была довольно сложной, а порой и драматичной, в связи с чем вопрос о «каноническом» и окончательном варианте книги довольно долго оставался открытым. Сегодня он исчерпан.

В качестве основного материала данной статьи стал роман Ф.А. Искандера «Сандро из Чегема» (М.: Эксмо, 2009).

Приступая к анализу особенностей романа Ф. Искандера «Сандро из Чегема», которые принято относить к «региональному компоненту», выполняющих в тексте роль то ли деталей, погружающих в среду, то ли экзотического фона, следует вспомнить слова польского режиссера Анджея Вайды о том, что для того, чтобы понять поэта, совершенно необходимо увидеть его страну. Высказывание это могло бы показаться парадоксальным (учитывая широкие возможности воздействия на читателя литературы и искусства в целом) или неактуальным (в силу доступности сегодня практически любых видов и форм информации). Однако история литературы опровергает этот возможный скепсис: знакомство с родиной писателя/поэта, с местами, где он жил или сформировался как личность, имеет большое значение для любого исследователя и помогает раскрыть новые глубины в наследии того или иного автора.

Особенно это важно для писателей, творчество которых отсылает к традиционному укладу жизни, зиждется на традиции, крепко с ней связано или опирается на этнографические подробности. Именно к таким писателям относится Фазиль Искандер, смысловым ядром творчества которого является так называемый «чегемский эпос»: роман «Сандро из Чегема», цикл рассказов «Детство Чика» и другие произведения («Путь из варяг в греки», «Дедушка», «Козы и Шекспир», «Петух», «Школьный вальс, или Энергия стыда», «Софичка» и др.). События в них развиваются в Абхазии, преимущественно в горной деревне Чегем и городе Мухус (Сухум).

Персонафикация

Анализ основных смысловых центров, в которых заключена «этническая» информация, оказывающая в свою очередь значительное воздействие на формирование художественного и смыслового пространства абхазского текста Фазили Искандера, следует, на наш взгляд, начать с рассмотрения фигуры заглавного героя романа, которая представляется сверхважной. Это не просто сквозной персонаж, связывающий между собой разрозненные части мозаичного сюжета романа, это герой, который собирает воедино искандеровскую концепцию и, несмотря на собирательность образа, обладает особой литературной харизмой и яркой индивидуальностью.

В название романа вынесены два имени собственных – Сандро и Чегем, то есть во многом определяющими роман являются ответы на вопросы «кто?» и «где?». С них и следует начать разговор. Заглавный герой романа – дядя Сандро, плут и трикстер. Иван Чувиляев в статье о романе для портала «Полка» пишет, что этот прием в заголовке книги протягивает от Сандро ассоциативные связи к целому корпусу текстов о странствующих рыцарях, зарифмовывает «Сандро из Чегема» с жанром плутовского романа, благодаря чему фигура главного героя приобретает особенный масштаб – эпический: «Сандро из Чеге-

ма» звучит не хуже, чем «Дон Кихот из Ламанчи»... Сандро из Чегема – имя, достойное странствующего рыцаря, архаичное и величественное»¹.

Читатель довольно подробно помнит сюжеты о его романе главного героя с княжной, встречах с принцем Ольденбургским, танце для Сталина и прочих приключениях. Но довольно сложно установить, что в этих эпизодах является истиной, а что фантазией Сандро. Читателю доподлинно известно о герое только то, что он является вечным тамадой: на любое родовое или сельское торжество его приглашают ради выступления в этом амплуа.

Что же это за роль? В абхазском застолье, в отличие от многих северокавказских традиций, тамадой избирается не старший мужчина дома, а человек, который сумеет удерживать внимание сотрапезников в течение многочасового действия. Поскольку застолье – важнейшая, строго регламентированная часть традиционного уклада жизни абхаза, то, следовательно, и роль тамады довольно высока и пользуется уважением, тем более что является «выборной».

Кабардинцы, ближайшие этнические родственники абхазов, говорят, что время, проведенное за столом, не входит в счет дней, отведенных человеку судьбой. Выходит, тамада обманывает смерть – свою собственную и сотоварищей по застолью, похищая у нее драгоценные минуты, которые к тому же оказываются чрезвычайно наполненными содержательно: общением, информацией, словесной игрой, выстраиванием социальных связей и т.п. И пусть изменить ход истории, гоня стадо коз по нижнечегемской дороге, Сандро не смог, но обмануть Сталина и саму смерть ему удалось не раз, ведь даже по меркам страны долгожителей, какой привычно именуется Абхазия, герой Искандера в начале романа считается уже довольно пожилым человеком.

Хронотон: географический акцент

Так же в заглавие книги вынесен географический фактор: «Сандро из Чегема», то есть первое, что мы узнаем о главном герое, это место его рождения и жительства. Фактор идентичности по географическому признаку крайне важен, поскольку для традиционных обществ идентификация человека чаще всего идет по принадлежности к роду-клану, а идентификация рода – по его принадлежности к месту.

И хотя в первых главах книги мы видим дядю Сандро исключительно в городской среде, в его сухумском доме, от начала до конца книги нам ясно, что он связан с деревней, потому что даже, когда сам он из Чегема уезжает, Чегем из Сандро, что называется, никуда не девается. Для абхаза и сегодня важно после указания фамилии человека обозначить, откуда происходит данный род. Но степень типизации героя Искандера такова, что как раз фамилия (слишком персональный признак) ему не нужна, мы ее ни разу не слышим, гораздо важнее, что этот обобщенный Сандро из Чегема. На пиру со Сталиным он называет себя Чегемба, то есть Чегемский.

¹ Чувиляев 2021 – Чувиляев И. Фазиль Искандер. «Сандро из Чегема» // Полка URL: <https://polka.academy/articles/563?block=3084> (Дата обращения: 01.12.2021).

И здесь нужно конкретизировать, что представляет собой Чегем (уроженцем которого был и сам писатель): это местность, ответвление относительно большого села Джгерда. В горной Абхазии это довольно обычное дело: села отселяют свои районы на такие большие расстояния, что те вполне могут считаться самостоятельными деревнями. И другой особенностью Чегема, как и любого горного села в Абхазии, является характер его расположения на местности: от привычного типа деревни ее отличает то, что усадьбы расположены не компактно, а разбросаны далеко друг от друга. Конечно, здесь играет роль то, что холмистый или горный ландшафт позволяет такую рассредоточенность, но обусловлено такое расселение и особенностями традиционной абхазской усадьбы: ее площадь занимает несколько гектаров и включает в себя обширный сад, площадь под посевы кукурузы (основная злаковая культура в районе абхазов), скотный двор, хозяйственные постройки, дом и летнюю кухню-апацху с открытым очагом, широкий двор, преимущественно засеянный травой и часто с большим могучим деревом посередине.

Эта обширность типичной абхазской усадьбы создает у абхаза ощущение простора: никакой скованности или восприятия Абхазии как «маленькой» страны нет, поскольку изначально человеку предоставлено практически ничем не ограниченная свобода выстраивания пределов собственной жизни, повседневного уклада своей семьи, а то и полное отсутствие границ: заборы или ворота как таковые на усадьбе отсутствуют или играют далеко на главную роль.

Если взять самое начало «Сандро из Чегема» – «От автора», то мы находим описание этого двора и частично самой деревни, хотя и не очень подробное, словно бы рассчитанное на знающего человека: «В жаркий летний день я лежал на бычьей шкуре в тени яблони. Время от времени под порывами ветерка созревшие яблоки слетали с дерева и шлепались на траву.

Иногда они скатывались вниз по косоугору, и сквозь рейки штакетника выкатывались на скотный двор, где паслись свиньи. К этим плодам мы со свиньями бежали наперегонки, и я нередко, опережая их, подхватывал яблоко прямо из-под хрюкающего рыла...

Вот так я лежал в ожидании полунебесных даров и вдруг услышал, как мои двоюродные сестры в соседних домах, одна на вершине холма, другая в низинке, возле родника, перекликаются» [Искандер 2009: 5].

Хронотон: романное время

События «Сандро из Чегема» охватывают более полувека истории Абхазии: примерно с 1905 г. до середины 1960-х гг. – период сложный, и сложность эта связана прежде всего с тем, что именно в этом промежутке происходит коренная ломка традиционного уклада жизни и ментальности. Происходят необратимые изменения в картине жизни абхаза: переселение из труднодоступных горных деревень в прибрежные города, изменение статуса женщины в семье и обществе, замена обычного права писанным законом.

Но хронологии как таковой в романе Искандера нет, и не только потому, что она намеренно нарушена автором и главы идут не по порядку, но и потому что здесь два временных плана накладываются друг на друга: это время исто-

рическое и время эпическое. В первом размещаются бармены и контрабандисты с мандаринами, кофейни и пиршества партийной номенклатуры, во втором – бригады-детективы и думающие мулы, моленные деревья и домашний очаг с дымоходом, наконец, в одном – отец смывает бесчестье дочерей по законам кровной мести, а в другом его судят за это по статье уголовного кодекса.

«Сандро из Чегема» позволяет этим временным пластам накладываться друг на друга, но, кажется, делает это только с одной целью: показать, насколько они неравнозначны, насколько разнятся их границы и измерения. Как в Нартском эпосе нет привычных временных рубежей, за которые читательскому сознанию так привычно было бы зацепиться, так и Искандер создает историю, без конца и начала, без прошлого и будущего, герои его не умирают, а продолжают свое путешествие сквозь время, воплощаясь в своих деяниях вновь и вновь.

Но Фазиль Искандер разрушает и мифологический хронотоп, приводя свой роман к завершению, неумолимому и вполне реальному: Чегем опустел, а вода родника, найденного когда-то стариком Хасаном, из ледяной превратилась в теплую. И все же герои словно продолжают двигаться по собственным орбитам, проложенным их жизнями в художественном временном измерении, они продолжают, потому что словно бы нарочно не дописаны: «Сандро из Чегема» не совсем законченная книга, – говорит Искандер. – Хочется дописать судьбу Тали и некоторых других обитателей Большого дома» [Искандер 2009: 6]. Завершает картину упадка Чегема повесть «Софичка», которая формально не входит в роман, но сюжетно и в смысловом отношении крепко с ним связана.

Пространственно-временное решение чегемского эпоса оценивается Н.Б. Ивановой как широкая аналогия человеческой истории, которая в условиях Чегема, с одной стороны, расщепляется и атомизируется, а с другой достигает предельного обобщения – вплоть до метафоричности и аллегории: «Кавказ Искандера – это не только Причерноморье и кавказские горы. Его Кавказ входит в бассейн Средиземноморья, связанный с античностью, с «золотым веком» человечества. При этом искандеровский мир допускает и современность – он включает в себя и революцию, и Гражданскую войну, в него входят и такие персонажи, как Ленин и Сталин, Хрущёв, колхозы.

Мир героев Искандера – это не только родственники всех, но и современники всех, как дядя Сандро. Искандеровский хронотоп расширяется – для него нужны и античные колонны на морском дне около Мухуса-Сухума, и деревянные танки, которые покатались по мухусскому шоссе с началом гражданской войны» [Иванова 2019: 10-11].

Чегем Искандера – это не только потерянный рай или модель мироздания, это метафорический образ колыбели человечества, это детство вообще – и всего рода людского и каждого отдельного человека: Чика, Сандро или Софички. Поэтому, навверное, вступив однажды в его пределы, читатель краем сознания навсегда остаемся там – ведь это и его детство тоже. Символично, что последняя глава «Сандро из Чегема» называется «Дерево детства».

Язык романа

Фазиля Искандера советская критика иногда относила к категории русскоязычных писателей, но сегодня от этой формулировки практически отказались. И все-таки интересно ответить на вопрос, на каком языке написан роман «Сандро из Чегема»? То есть, основной его текст, конечно, написан по-русски, а вот на каком языке говорят герои романа?

Первый раз с бесспорной ясностью понимаешь, что нам представлен только перевод, в концовке главы «Пастух Махаз», когда герой на русском пытается объяснить милиционеру, что совершил убийство: «Моя резала амагазинохозяин» [Искандер 2009: 445]. Помимо типичных в таких случаях «ошибок» при использовании личных местоимений и согласований в роде, здесь бросается в глаза еще одна особенность: оба существительных начинаются с гласной «а»: это префикс, который ставится в начале имени существительного и, по сути, выполняет функцию определенного артикля, как «the» в английском или «el» в испанском.

Характерно, что этот префикс «а» может отпадать при изменении слова, что доказывает его близость к артиклю. Для примера можно разобрать некоторые прозвища, использованные Фазилем Искандером: Колчерукий или Большеусый. Автор старается найти в русском языке варианты перевода (фактически словесные кальки), максимально близкие по форме к абхазскому варианту: абхазский язык относится к агглютинативным и обладает полисинтетизмом, то есть стремится к выражению смысловых и грамматических значений в максимально сжатой форме, часто в пределах одной словоформы с помощью сложной системы префиксов и суффиксов. И в приведенных примерах мы видим иллюстрацию этого: «колчерукий» и «большеусый» сложные слова. При обратном переводе на абхазский мы получаем Напыхъараць (где анапы – рука, хъараць – короткий, искривленный) и Пацаду (апаца – усы, ду – большой). Как видно, начальный «а» здесь отпадает.

С прозвищем «Большеусый» связан еще один нюанс, характеризующий особенности речевого поведения абхаза: для Сталина чегемцы выбирают прозвище (как для любого из односельчан), тогда как Ленина определяют только с помощью эвфемизма – «тот, кто хотел хорошего, но не успел». Это яркий пример проявления отношения к объекту речи через языковые формулы: иносказание, сложное определение без называния является проявлением уважения, в то время как прозвище остается всего лишь прозвищем и имеет оттенок пренебрежения.

Однако, стоит отметить, что герои рассказа говорят по-абхазски, но сам роман написан все же по-русски, что подчеркивает Н.Б. Иванова: «Фазиль Искандер в большую русскую литературу, в её основной, теперь уже можем сказать, классический корпус принёс Кавказ от своего лица на прекрасном русском языке. Кавказ стал субъектом русской словесности» [Иванова 2019: 8].

Для формирования художественного пространства и стилистического своеобразия прозы Фазиля Искандера оставалась и традиция абхазской устной речи – повседневной, застольной, публичной и т.д. Особое внимание этому аспекту уделяет писатель и историк Денис Чачхалия в статье «О прозе Фазиля

Искандера в контексте традиций устного абхазского рассказа»: «...устный абхазский рассказ был для него не просто источником, он был своеобразной плазмой творчества... Он насыщал его слух колоритом абхазской речи, помогая трансформации жизненных смыслов из одного языка в другой, и в этом процессе неспешно отбиралось то, что было достойно творческого пересказа уже в иной форме» [Чачхалия 2019: 69].

Заключение

Андрей Битов сравнивал Искандера со Львом Толстым «в силе и мощи описания характеров»¹, и можно сказать, что Фазиль продолжил традицию великого русского писателя, развив в XX в. и мысль семейную, и мысль народную. Но с небольшой корректировкой: у Ф. Искандера это скорее мысль этническая. В том смысле, что он попадает в одну из самых животрепещущих проблем нашей эпохи: проблему этнической ассимиляции, стирания особого образа жизни, языка, мировоззрения с карты мира. «Краем детства, – говорит Искандер, – я застал во многом еще патриархальную деревенскую Абхазию и навсегда полюбил ее. Может, я идеализирую уходящую жизнь? Может быть» [Искандер 2009: 7].

Неутешительный прогноз, к сожалению, дает писатель в «Софичке», семантически завершающей «Сандро из Чегема». В судьбе главной героини он отразил не только события российской истории прошлого столетия, но и необратимые трансформации, происходящие с малым этносом под действием этих самых событий. И в противостоянии Софички и ее младшего брата Нури – символа национальной деградации, грубую и несправедливую победу одерживает последний.

Несмотря на то, что сама Абхазия – страна небольшая, абхазу в ней не тесно, он ощущает ее просторной, потому что привык к простору своей усадьбы. И несмотря на то, что история хранит память о лишениях и войнах, абхаз не боится прошлого – в нем есть простор для благородства и порядочности, для формирования кодекса чести – апсуара (абхазство) и его соблюдения. Время растягивается в повседневном труде или во время традиционного застолья. Так и эпос, заключенный в одну книгу и закрученный вокруг одного героя, не испытывает проблем с формами художественного обобщения и выходом за пределы своей литературной формы и заявленной темы – повествования о людях конкретной этнической принадлежности, привязанных к определенной точке на карте.

В качестве итогов настоящей статьи можно вынести следующие тезисы:

1. Метатекст Фазиля Искандера приходит к широким обобщениям через множество подробностей регионального (локального) и этнического характера, касающихся изображения повседневности, быта, исторического сознания, особенностей речевого поведения и т.д.

¹Битов А.Г. Обращение Русского ПЕН-центра в Нобелевский комитет // Новая газета. URL: <https://novayagazeta.ru/arts/57096.html>. (Дата обращения: 16.12.2021 г.).

2. Форма, выбранная Искандером для романа «Сандро из Чегема» ближе всего подходит к плутовскому роману, однако жанр переосмысливается писателем с учетом важных тенденций литературы второй половины XX в.: литературной игры, интертекстуальности, коллажной композиции и т.д.

3. Хронотоп романа при всей внешней «суженности» (Абхазия первой половины XX в.) обладает потенциалом для бесконечного расширения и обобщения, проведения аналогий и выстраивания ассоциативных связей – экстраполяции художественного вымысла на известные или замалчиваемые, часто травматические события истории Советского Союза.

4. Языковые особенности романа «Сандро из Чегема», а точнее, речевого поведения героев, дают представление о билингвальной авторской стратегии, в которой прямая речь героев зачастую представляет собой кодированное высказывание, где читатель, если он не владеет абхазским языком, фактически лишен возможности декодировать ее. Что остается своеобразным авторским ребусом для читателя.

5. Каждый из рассмотренных нами факторов имеет непосредственное воздействие на формирование художественных особенностей текста, более того, нейминг (номинология), пространственно-временные характеристики, а тем более особенности языковой организации и есть те «несущие конструкции» литературного текста, которые создают возможности наполнения его смыслами и развития внутренних связей между ними.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Вайль Генис 1979 – *Вайль П., Генис А.* Сталин на чегемском карнавале // *Время и мы.* – 1979. – № 42. – С. 150-168.

Генис 2009 – *Генис А.* Творец Чегема // *Новая газета.* 06 марта 2009 г. № 23. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2009/03/05/43657-tvorets-chegema>. (дата обращения: 16.12.2021).

Иванова 2019 – *Иванова Н.Б.* Мир и миф Фазиля Искандера // *Вестник Литературного института имени А. М. Горького.* – 2019. – № 4. – С. 8-13.

Иванова 1990 – *Иванова Н.Б.* Смерть против страха, или Фазиль Искандер. – М.: Советский писатель, 1990. – 320 с.

Искандер 2009 – *Искандер Ф.* Сандро из Чегема. – М.: Эксмо, 2009. – 1104 с.

Кулаева 1994 – *Кулаева Л.М.* Ф. А. Искандер: библиография // *Библиография.* – 1994. – № 6. – С. 57-61.

Михайлова 1982 – *Михайлова З.Б.* Фазиль Искандер: библиогр. указ. – Ульяновск, 1982. – 160 с.

Фазиль Искандер 2016 – *Фазиль Искандер – писатель, мудрец, философ: библиографический указатель* / авт.-сост. Валентина Шелудько. – Москва: Библиотека – культурный центр Фазиля Искандера. – 2016. – 160 с.

Чачхалия 2019 – *Чачхалия Д.К.* О прозе Фазиля Искандера в контексте традиций устного абхазского рассказа // *Вестник Литературного института имени А. М. Горького.* – 2019. – № 4. – С. 68-70.

REFERENCES

VAIL' P., GENIS A. *Stalin na chegemskom karnavale* [Stalin at the Chegem carnival] IN: *Vremya i my*. – 1979. – № 42. – S. 150-168. (In Russ.).

GENIS A. *Tvorets Chegema* [Creator of Chegem] IN: *Novaya gazeta*. 06 marta 2009 g. № 23. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2009/03/05/43657-tvorets-chegema>. (data obrashcheniya: 16.12.2021). (In Russ.).

IVANOVA N.B. *Mir i mif Fazilya Iskandera* [FazilIskander's World and Myth] IN: *Vestnik Literaturnogo instituta imeni A. M. Gor'kogo*. – 2019. – № 4. – S. 8-13. (In Russ.).

IVANOVA N.B. *Smert' protivstrakha, ili Fazil' Iskander* [Death against fear, or FazilIskander]. – M.: Sovetskii pisatel', 1990. – 320 s. (In Russ.).

ISKANDER F. *Sandro iz Chegema* [Sandro from Chegem]. – M.: Eksmo, 2009. – 1104 s. (In Russ.).

KULAEVA L.M. *F.A. Iskander: bibliografiya* [F.A. Iskander: bibliography]. IN: *Bibliografiya*. – 1994. – № 6. – S. 57-61. (In Russ.).

MIKHAILOVA Z.B. *Fazil' Iskander: bibliogr. ukaz.* [Fazil Iskander: bibliographer. decree.]. – Ul'yanovsk, 1982. – 160 s. (In Russ.).

Fazil' Iskander – pisatel', mudrets, filosof: bibliograficheskii ukazatel' [Fazil Iskander - writer, sage, philosopher: bibliographic index] / avt.-sost. Valentina Shelud'ko. – Moskva: Biblioteka – kul'turnyi tsentr Fazilya Iskandera. – 2016. – 160 s. (In Russ.).

CHACHKHALIYA D.K. *O proze Fazilya Iskandera v kontekste traditsii ustnogo abkhazskogo rasskaza* [About the prose of FazilIskander in the context of the traditions of oral Abkhaz story] IN: *Vestnik Literaturnogo instituta imeni A. M. Gor'kogo*. – 2019. – № 4. – S. 68-70. (In Russ.).

Информация об авторе

М. В. Битокова – кандидат филологических наук.

Information about the author

M. V. Bitokova – Candidate of Science (Philology).

Статья поступила в редакцию 24.12.2021 г.; одобрена после рецензирования 14.01.2022 г.; принята к публикации 26.01.2022 г.

The article was submitted 24.12.2021; approved after reviewing 14.01.2022; accepted for publication 26.01.2022.

ФИЛОЛОГИЯ**Литература народов Российской Федерации
(литература народов Северного Кавказа)**

Илму статья

УДК – 821.512

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-114-128

**ТОЛГЪУРЛАНЫ ЗЕЙТУННУ «КЁК ГЕЛЕУ» ДЕГЕН РОМАНЫНДА
ТАРЫХ ОЮМЛАУ БЛА ЗАМАННЫ СУРАТЛАУ****Сарбашланы Мустафаны кызы Алена¹, Атабийланы Даутну кызы
Асият²**¹² Гуманитар тинтиулени Институту – Россей илмуланы академиясыны
Къабарты-Малкъар илму арасыны филиалы, Нальчик шахар, Россия.¹ alenasarb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7457-9823>.² bolatovaatabieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2384-6108>.

Къысхамагъана. Илму иште Толгъурланы Зейтунну «Кёк гелеу» деген романы тинти-
леди, аны ниет-магъана даражасы ачыкъланады. Жазычуну тарых оюмлауу бла чыгъармада
эпикалыкъ шартланы байламлыгы эсленеди. Суратлау текстни баш ниетин белгилеуде за-
ман деген ангыламгъа энчи эс бурулады. Романны орта сюжет жибин озгъан ёмюрню 40–50-
чи жылларында халкъны жашауунда болгъан къайгылы ишле къурайдыла. Суратланган
тарых кезиуню бушуулу халы баш жигитлени къадарларыны юсю бла ачыкъланады. Романда
къыраллыкъ идеология, ниет эм кылыкъ бла байламлы соруула тинтиледиле. Ол тематика
ызлагъа кёре суратлау белгилени тизмеси, аланы эстетика кючлери чертиледи. Идеология
болум адам улуну къадарын, аны ич дунясын къалай тюрлендиргени, менсилегин тас эт-
диргени, миллет тамырларындан айыргъаны чыгъарманы магъана ёзегин къурайдыла (ол
Кърымны сыфатында ачыкъ болады). Эпикалы хапарлауда мифология къатлам терен шарт-
ланады, кеси да табийгъат дунядан алынган келишдириуледе кёрюнеди (Алакёз ажир бла
Гажай бёрюню юлгюлеринде). Романны атында совет кезиуню жашырын бети баямланады.
Жазычуну оюмлаууна кёре коммунист идеология, кёк гелеуча, учхалауукъ, заранлы
болгъаны белгиленеди. Тинтиуню бардыргъанда романны ниет кенглигин ангылатыу,
чыгъармада суратланган заманны тарых къарам бла сюзюу тамамланадыла.

Баш магъаналы сёзле: тарых оюмлау, заманны халын ангылатыу, роман, ниет
магъана, кёпкъарамлыкъ.

Цитата этерге: Сарбашланы А.М., Атабийланы А.Д. Толгъурланы Зейтунну «Кёк ге-
леу» деген романында тарых оюмлауу бла заманны суратлау // Кавказология. – 2022. – № 1. –
Р. 114-128. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-114-128

© Сарбашланы А.М., Атабийланы А.Д., 2022

Original article

**HISTORICISM OF THINKING AND THE CONCEPT OF THE EPOCH
IN Z. TOLGUROV'S NOVEL "BLUE TIPCHAK"****Alena M. Sarbasheva¹, Asiyat D. Atabieva²**^{1,2} The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia¹ alenasarb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7457-9823>² bolatovaatabieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2384-6108>

Abstract. The article focuses on a comprehensive, conceptual analysis of the novel Z. Tolgurov's "Blue Tipchak", a holistic presentation of various semiotic levels of the work. The work determines conditionality of the epic beginning and the principles of implementing the author's plan by the historicism of the writer's thinking. Important in interpreting semantic perspectives of a literary text is the category of time. The dominant storylines are considered through the correlation of the destinies of the main characters with the dramatic nature of the depicted era of the 40-50s of the last century. The study emphasizes the multi-aspect nature of the problematic of the work (ideological, moral, psychological). In conjunction with the designated thematic blocks, the article explores the potential of the symbolic imagery of the novel. The idea of how the ideological situation can influence the fate of a person, cause internal transformations in him, followed by complete depersonalization, separation from ethnic roots (the image of the boy of the Crimea is indicative in this regard) acts as a nodal content line. The narrative space of the epic canvas contributes to the disclosure of a powerful mythological layer, realized through parallels with the animal world (for example, the images of the stallion Alakez and the wolf Gazhai). The ambiguous interpretation of the Soviet era is guessed in the meanings of the symbol displayed in the title of the work. The blue tipchak in the writer's interpretation personifies the deceptive appearance of communist ideology, implying the danger hidden in it. In the research's course, the multilevel nature of the novel context is revealed, because of the historical approach to understanding reality.

Keywords: historicism of thinking, the concept of an epoch, a novel, an ideological plan, multi-aspectuality.

For citation: Sarbasheva A.M., Atabieva A.D. Historicism of thinking and the concept of the epoch in Z. Tolgurov's novel "Blue Tipchak". IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 1. – P. 114-128. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-114-128

© Sarbasheva A.M., Atabieva A.D., 2022

Научная статья

**ИСТОРИЗМ МЫШЛЕНИЯ И КОНЦЕПЦИЯ ЭПОХИ В РОМАНЕ
З. ТОЛГУРОВА «ГОЛУБОЙ ТИПЧАК»****Алена Мустафаевна Сарбашева¹, Асият Даутовна Атабиева²**^{1,2} Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия¹ alenasarb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7457-9823>² bolatovaatabieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2384-6108>

Аннотация. Статья ориентирована на комплексный, концептуальный анализ романа З. Толгурова «Голубой типчак», целостную подачу различных семиотических уровней произведения. В работе определяется степень обусловленности эпического начала и принципов реализации авторского замысла историзмом мышления писателя. Немаловажной в трактовке смысловых перспектив художественного текста является категория времени. Доминирующие сюжетные линии рассматриваются через соотнесенность судеб главных действующих лиц с драматическим характером изображаемой эпохи 40–50-х гг. XX в. В исследовании подчеркивается полиаспектность проблематики произведения (идеологический, нравственный, психологический). В сопряжении с обозначенными тематическими блоками очерчивается потенциал символической образности романа. В качестве узловой содержательной линии выступает мысль о том, как идеологическая ситуация способна повлиять на судьбу человека, обусловить внутренние трансформации в нем, за которыми последует полное обезличивание, отрыв от этнических корней (показателен в этом плане образ мальчика Крыма). Повествовательное пространство эпического полотна способствует раскрытию мощного мифологического пласта, реализованного посредством параллелей с животным миром (на примере образов жеребца Алакёза и волчицы Гажай). Неоднозначная трактовка советской эпохи угадывается в значениях символа, выведенного в заглавие произведения. Голубой типчак в интерпретации писателя олицетворяет собой обманчивый облик коммунистической идеологии, подразумевающая скрытую в ней опасность. В процессе исследования выявлен многоуровневый характер романного контекста, как следствие исторического подхода к осмыслению действительности.

Ключевые слова: историзм мышления, концепция эпохи, роман, идейный замысел, полиаспектность.

Для цитирования: Сарбашева А.М., Атабиева А.Д. Историзм мышления и концепция эпохи в романе З. Толгурова «Голубой типчак» // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 1. – С. 114-128. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-114-128

© Сарбашева А.М., Атабиева А.Д., 2022

Белгили малкъар жазыучу Толгъурланы Зейтунну (1939–2016) чыгъармачылыгы Шимал Кавказдагы миллет адабиятланы араларында сыйлы жерни алганды. Суратлау сѣзге усталыгы, жашаугъа философия къарамыны теренлиги, эстетика сезимини кючю бла Зейтун малкъар халкъны маданиятын бийик даражагъа жетдиргенди. Аны ниет хазнасы тыш миллетли окъуучулары, белгили алимлени эслерин бийлегенди. Толгъур улуну эпикалы чыгъармалары илмуда тынгылы тинтиле келгендиле. Айтылганнга кѣп алимни кесамат ишлери шагъатлыкъ этедиле [Тепшеев 1999; Султанов 1989; Полухина 1989; Толгуров 2010; Сарбашева 2019а; Болатова (Атабиева) 2016, 2019]. Жазыучуну хар чыгъармасы да энчи илму иште ачыкъланыргъа тийишлиди. Бу статьяда «Кѣк гелеу» (1993) деген романын къуралыу-магъана, ниет сезим жаны бла тинтирге итиннгенибиз да анданды. Сагъынылган чыгъарманы тюрлю-тюрлю суратлау шартлары белгиленип, бюгюннге дери талай илму иште ачыкълангандыла [Сарбашева 2014, 2019b; Болатова (Атабиева) 2015]. Болса да ол кереклисича толу, бириклендирген халда малкъар тилде биринчи кере сюзюледи: бу болум ишибизни илму къыйматын, жангылыкъ кийирген ызын чертеди.

Илму ишни баш борчу – Толгъурланы Зейтунну «Кёк гелеу» деген романында заманны суратлауда тарых оюмлауну магъанасын, чыгъарманы ниет жаны бла жангычылыгын, чойрелик энчилигин бирден ачыкылаудады. Аны жетишимли толтурур муратда, бир къауум соруу тинтиледи: кенг эпикалы чыгъарманы къуралыу халын сюзюу; жигитлени къауумларын кёргюзтюу; ниет эм философия теренлигин ачыкылау; аллай суратлау даражагъа жетишдирген амалланы (айырмалы белгиле, тенглешидириуле, экидуниялыкъ, хапарлауну барыуунда бир ненча сюжет ызны бир бирге келишдирип айнытыргъа ёчлюк) баямлау.

Бу романда халкъны тарыхында бушуулу кезиюу – 1942–1944 жылла суратланадыла (немециле Малкъар ауузуна киргенлери, аланы ызларындан совет аскерни «азат» этгени). Алай жазычу, эсгериу мадар бла хайырлана, окъуучуну эсин алгъа огъурсуз жыйырманчы-отузунчу, сора эллинчи жыллагъа да бурады. Чыгъармада халкъны «ёксюзлюк сынагъан» заманы, аны кюйсюз бети *«биреуню сёзю кьонишусуна палах бола тургъан заман»*; *«эгеч эгечни сурамагъан ачы дуня»* [Толгуров 1993: 217, 243] дегенча оюмлада шартланадыла. «Кёк гелеуню» кёрюмдюсюнде къадары, мураты да кыйын заманны жели бла «ууатылгъан» жигитледен бири – ючжыллыкъ Кърымды. Туугъан анасы Халимат ауруп, акъылындан шашханды деп, анасыны тамата эгечи Айшат жашчыкыны ёсдюрюрге алады. Ол нюзюрню толтурургъа таукеллиги Халиматны алтынлары ючюн болгъанды. Жамауат анга «сакъат» тиширыу дейди, кесине да, тюз атын айтмай, адамла Хабла деп къоядыла. *«Иги кесек замандан берри эгечлери анга акъылы, эси тутмагъан адамгъача сёлешигенлерин ол ангылай эди»* [Толгуров 1993: 17]. Алгъаракълада эллеринде жашагъан, акъылдан шашхан, жарлы тиширыугъа киши кёз-къулакъ болмаучу эди. Жангызда Халимат, эгечине къарагъанча къарап, кийимин, ашын-сууун тапдырып тургъанды. Энди уа, жангыз сабийин кёз аллындан тас этмей туруп ючюн, ол Хаблача ыспассыз, жарлы болургъа да ыразы эди. Ол эки сыфатны биригиулерин жазычу чыгъармада былай кёргюзтеди: *«Къачан эсе да бир сыйы, къолайы да болгъан Халимат энди Хаблады. Хабланы уа жугъу да жокъду. Юйсюз-кюнсюз. Аты шаишханнга чыкыгъан»* [Толгуров 1993: 170]. Бу сёздеде чыгъарманы жашырын магъанасы шартланады. Тиширыуланы бирикген къадарлары миллетибизни тарых жолун суратлагъаны шексизди. Миллетибизни мамыр жашауу къысха заманны ичине оюлуп, болгъан харакетинден, туугъан жеринден айырылып, аты да «бандитге» чыгып, ыспассызлыкъ сынагъаны, артда, кыйрал бегим тюрленип, Ата журтуна кыйытханы, менсилигин кыйтаргъаны бютюн шарт Хабланы къадары бла тенглешидиргенде кёрюнеди.

Жазычу чыгъармасында намыс бла сыйсызлыкъ дегенча къаршчы ангыламланы кючлендирир муратда суратлау белгиле бла уста хайырланады. Аллай жансыз сыфатладан бири бёркдю – таулу эр кишини не заманда да намысын, ёхтемлигин белгилеген. Намысына сакъ болгъанча, ол бёркюне да сакъ болгъанды. Халкъны ниет хазнасында сакъланган нарт сёзле айтылгъаннга шагъатдыла: «Бёркюн тас этген да бир // Бетин тас этген да бир», «Бёрк бла намыс бирдиле – экисинден бийик жокъ». Болсада чыгъарманы бир-бир жигитлери, жашаудада, кыйлыклары, ниет сезимлери, этген ишлери бла кеслерин

сыйсызлыкъны, учузлукъну кеплерине бегитип къойгъандыла. Чиппону сыйы башында бёркюча учузду. Жазычу ол кийген бёрклени тюрлю-тюрлю сыфатлай, аны ниет жарлылыгъын, къарангылыгъын шарт кёргюзтеди: «*Чиппо... угу-жугу, кир къалпагъыны тюбюнден мугурайып къарап, арлакъда сюеле эди*»; «*Чиппо уллу тегерек, чыгыр бёркюн кезлеринден желкеси таба аудуруп, тиширыугъа къарады*» [Толгуров 1993: 95,138]. Чиппо башына «гермен» къалпакъны кийип, жамауатдан кесине жалгъан намыс излейди. Сатхычны тыш кёрюмдюсюча, ич дуниясы да бирча жарлыдыла. Жалынчакъ, къоркъакъ Чиппону сыфаты ёхтем, тор ажирни «сагъышларында» толу ачыкъланады. «*Бёркю чартлап, Алакёзню аякъ тюбюне тюшдю да, жыйылгъанла Чиппону чыгыр башын кёрдюле. Балаууз бетли, жумдурукълай, гитче башын. Ат, нек эсе да элгенгенми этди, жерге тюшген бёркге, бёрк деп да туююл, эски быстыр маталлы, тозурагъан чыпчыкъ уягъа ушагъан бир затха кез агъын къайырып, сабырланды*» [Толгуров 1993: 99]. Алакёзню жерлерге, аны кесине бойсундурругъа кюрешген жахил адам эллилерини аллында бедешликни, хылликкеликни сынады. Жазычуну оюмлаууна кёре, бёркню сыфаты къуру намыс бла байламлы болуп къалмайды. Ажирни эсгериулеринде бёрк жаны болгъан затча суратланады: ол таулу эр кишилеге тийишли болгъан жигитликни, ёткюрлюкню шартыча бериледи. «*Юсюне минип, терк жыгъылыргъа унамагъанланы да унутмагъан эди тор ажир. Эсиндедиле. Аякъ тюбюне кеплени бёрклери тюшгендиле. Уллу тегерек бёркле. Кёк, жашил къатапа тёпелеле. Ауурла. Тюшгенде, жерге ахтынып тийгенле. Алакёз ол бёрклени малтаргъа суймегенди. Бир жанлыракъ туракълап, ат оюнун алай этгенди. Тюкю, бёрю бёркле, кёрпе, бухар бёркле – жаны болмагъан бири жокъ. Алакёзню туягъы тийгенлей ёлюп, мешхутда бугъуп, буштукъ болуп къалмай эдиле. Муну уа (Чиппону бёркю – А.С., А.А.) неге ушагъанын ат билялмай эди. Чичхан болуп, тешикгеми ташайды, хыпшириклей, туягъынамы жабышып къалды: къарады – аякъ тюбюнде эслеялмады; мешхут къатыш эски быстыр эследи да, Алакёз ачыуланды. Базынып, аны юсюне мингенни жерге тийсе, ахтынып, ёкюрюп жиялгъа бёркю окъуна жокъ эди...» [Толгуров 1993: 100]. Толгъурланы З. чыгъармачылыгъында, энчи да «Къызгъыл кырдыкла» (1974) деген повестин эсисибизге тюшюрсек, бёркню сыфаты терен философия магъананы туттады. Ол суратлау белгини борчун толтура, чыгъармадан чыгъармагъа кёче, миллет энчиликни, эстетика сезимни кючлендиреди.*

«Кёк гелеу» деген романда ачыкъланган белгилени тизмесинде *терекни* сыфаты да айырмалыды. Жазычу Халиматны терек бла тенглещдирилгени да бошдан туююлду. Толгъур улу ангылатханнга кёре, ол адамны ийнаныулугъун, таза ниетлигин, ёмюрлюк жашауун кёргюзтген белгиди. Табийгъат хар адамгъа бирер терек ёсдюргени кертиди. Чыгъармада жүрек ырахатлыкъны юсюнден сагъышлануу айырмалы болгъанын чертирчады (ол соруу Толгъур улуну «Жетегейле» деген романында Нух эфендини сыфатында белгиленеди). Хаух жашауда сынагъан къыйынлыкълары ючюн, артда ёмюрлюк дуниясында жүрек тынчлыкъ адамгъа саугъагъа берилликди. Халиматны ниет кирсизлигине, аны жаны аллай даражагъа дери ёсююне шагъатлыкъ этген белги – *терекди*. «Халиматны эгечи Айшат аллай жүрек тынчлыкъны ёмюрде да сынамаз: «*ол ёз*

терегин кеси кьолу бла кесгенди» [Толгуров 1993: 128]. «Керти жашауда адамны кёлюнде не акьылы болгъанына, кьаллай ниет тутханы, кьайсы жолну айыргъанына кёре боллукъду аны ол дуняда жери деген оюмну ангылатыргъа итинеди автор. Ол оюм романны философия-эстетика мурдорун кьурайды» [Болатова 2016: 106].

Тиширыуну сыфатында ананы сезими, аны суймеклигини кьуршча кьатылыгъы, сынагъан ачыууну теренлиги чыгъармада тынгылы ачыкъланадыла. Жарсыугъа, Кърымны сабий эси ана суймекликни кьатында кьарыусуз эди: Айшатчаланы кюйсюзлюгю жашчыкьны атасы-анасы ким болгъанын унутдургъанды. «*Атам, анам жокъдула, хуна тешикден чыкьгъанма*», – деп турса, *анга киши тырман этмегенине, урмагъанына бла туюмегенине жашчыкь юйренген эди»* [Толгуров 1993: 24]. Болсада ючжыллыкь сабий жүреги бла сезгенди анасы жууукъда болгъанын, аны жылыуун. Бирде кьарамы бла тегерекде излей кетип, Кърым анасын узакъдан таныучу эди. «*Бир кюн а, ингирликде, сакълай, кьарай кетип, энишге энип, юйлерине ашыгъып келген оракъчыланы ичинде анасын танып кьойду... Алай тиширыуладан киши тау этегине тюшмедди. Кьарангы болгъанда уа, анасы, бийигирекге ёрлеп, артха кетгенин эседди. Нек?...»* [Толгуров 1993: 27].

Сабий анасына тартынганча, Халимат да кёп кюнлени саркьыуунда баласына жол излегенди. «*Кърымны анасы уа, келе келип, биягъы артха кьайтып кетгенди. Нек эте болур ол алай? Келе келип, терекча болуп нек кьалады? Ана жашчыкьгъа кьайтмай эди. Кеси уа, кьоркьуп, баралмайды – алыкьын гитчечикди. Гитчелеге уа юйден узакъгъа кетерге жарамайды»* [Толгуров 1993: 29]. Быллай сорууланы Толгъур улуну халкьны юсюнден сагъышлары туудурадыла. Жазыучуну оюмлаууна кёре, Халиматны эгечлери (Айшат, Хафисат, Жюзюм) бир ненча миллет республикадан кьуралгъан совет кьыралны белгисича суратланадыла. Араларында ёксюзлюкню кьадарын сынагъан жашчыкь а аз санлы тау миллетлени сыфатыча бериледи. Айшат Кърымны атын кьылыкьсыз, хыпьяр сабийге чыгъарып, жамауат да анга ишексиз ийнанырыгъын суюе эди. «Тюзлюкню излеген, хар кимге да эгечлик этген кьырал» да малкьар, кьарачай, чечен, ингуш эм башха миллетлени атларын «хыпьяр» миллетлеге чыгъарып, артыкьлыкь бла туугъан жерлеринден кёчюрюп, Орта Азияны аулакъларына кьуюп, сюрдюню азабын сынатханды.

Толгъурланы Зейтун чыгъармасында халкьны бушуулу кьадарын, «бластны» (кьырал идеологияны) керти инсанлагъа сынатхан артыкьлыгъын терен ачыкьлап, заманны кюйсюзлюгюн суратлауда усталыгъын кёргюзтгенди. Кьырал буйрукьну толтургъан «сокьур кьулланы» хаталарындан терсликлери болмагъан кёп адам жоюлгъанды, тутмакьны азабын да чекгенди. Жангы «бластны» жахил келечилери кьара кючлерин миллетни намысына, даражасына сакъ болгъан, жамауатда сыйлары жүрюген билимли адамланы жоюргъа, аланы ниет хазналарын кьурутургъа бургъандыла. Ол заманда «миллет энчилик, дин сезим эсге алынмагъандыла, халкьны эрттегили тёрелери басынчакълангандыла» [Сарбашева 2016: 21]. Аллай кюйсюз ишлеге «Кёк гелеуде» эфендилени ачыулу кьадарлары шагъатлыкь этедиле. 1930–1960-чы жыллада мардалы эстетиканы жорукъларына бойсунуп жазылгъан чыгъармалада эфендиле бла дин ахлулары

терс кылыкылы жигитлеча суратлангандыла. «Кёк гелеу» деген роман озган заманны юсюнден кёп жылланы айтылмай, малкяр адабиятта тунчугъуп, туурагъа чыгъарылмай турган сёздю. Жазыучу эфендилени халкыны жашауунда тутхан магъаналарын кёргозтеди. Аллаи жигитлени санында эфендиле, жамаутда сыйлары жюрюген дин ахлулары (Темукку, Мустафа, Алий) *«уялары чачылган, кирир жерлери болмай кьалган, кьанатлары сынган кьушлагъа ушап, сёзлери чапыракъдан ётмеген кьартладыла»* [Толгуров 1993: 155]. Ийнаналмай эдиле ала тохташхан «бластны» кюйсюз ишлерине. *«Айымыды, ийнек аягъы бузоу ёлтюрмейди, «ёз бластлары» аланы ачытып кьоймаз. Кьартла гузабасыз, сабыр эдиле»* [Толгуров 1993: 155]. Болсада жангы «бласт» кёп дин кьуллукъчуланы жойганды, аланы бетинде халкыны ниет кючюн, ийнаныуун сындырыргъа кюрешгенди. Ол Чиппоча, Хакимча, Хамалайча кьарангы, сатхыч адамланы себеpleri бла тюзлюкню, кертиликни излеген инсанладан кёплени кьырганды. Чыгъармада *«Совет власть – тот кесерик чалгъы...»* [Толгуров 1993: 124] деген сёзню тюз магъанасы артда ачыкь болганды. Бу суратлау белги кьыраллыкь низамны бир кюн бир оюлуруна ишеклик туудурмайды. Ол «чалгъыны» кьолда ойнатхан «кьутурган парийле», «кьызыл жагъалыла» халкьгъа чексиз азаплыкь сынатхандыла, аны миллет эсин, даражасын эниш этерден артха турмагъандыла. *«Сюймей эдиле «бластлары» болган адамла кеслеринден иги кёрюннгенлени, тап, аладан мажсал кийиннгенлени окьуна... Аллаи адамлагъа кьуллукь берген эшекге алтын иер салган кибик эди...»* [Толгуров 1993: 147], – дейди жазыучу. Ала кеслерини гитче миллетлеринден ыйлыкьсынып, уллу халкьлагъа кьошакь болургъа итиннгенлери, кьоркьгъандан таулу болганларын жашырыргъа кюрешгенлери сейир эди.

Белгиленнген кезиуде экили, ышаныусуз жашау болумлагъа жамаутны кёбюсю арталлыда келишалмагъанын, кьалган кьаууму уа, анга кьарс кьагъып, кеслерине таплыкьны ангылай билгенлерин Толгьур улу былай суратлайды: *«жашаугъа кьабыргъасын жарашидыра билген»*, *«аягъын тап салып, тап ала билгенге андан огьурлу кырдыкны ким табар»* [Толгуров 1993: 119]. Романда аллай жигитле Чиппо бла Хамалайды (экинчини тюз аты Ханафийди). Зулмудан артха турмазлыкь адамлагъа уллу эркинлик берип, аланы болушлукьлары бла совет идеологияны ёз бегимине халкьны бойсундурургъа итиннгени кесине уру кьазганнга тенг эди. Аны мыртазакьлары да артыкь онгарыкьла тюйюлдюле. Жазыучуну *«Хар ким да жашагъанына кёре ёле болур»* [Толгуров 1993: 316], – деген сёзлерини насийхат магъаналары окьуучугъа ангылашыныулуду. Муслиман динни сыйлы китабында жазылгъанны эсге алсакь, адам улугъа этген гюнахлары ючюн ол дуниясында соруу этилликиди, азап чегерге тюшерикди. Ачыкьланган оюмну тюзлюгюне эпикалы чыгъармада энчи юлгюледе тюшюнюрге боллукьду. Хапарлауну айный баргъаны кьадар, окьуучуну кёз туурасында сатхыч Чиппо зулмучулугъу ючюн ыспассыз ёледи; Хамалайгъа да жамаутны налаты жетеди; Халиматны эгечи Айшат, акьылындан шашып, ёмюрю замансыз юзюледи. Жазыучу, жашау эм тарых кертиликден таймай, кьырал бегимчилени бюсюреусюз сыфатларын тынгылы суратларгъа жетишгенди.

Чыгъарманы малкъар прозагъа жангылыкъ кийирген къыйматлы шарты – хапарлауунда тенглешдириу-тинтиу халда эки тюрлю кючню суратланнганыды. Жазыучуну тарых къарамына келише, «къызыл апчарла» бла «гермен апчарланы» кюйсюзлюклери башха туююлду, экисини да ахыр муратлары бирди: аз санлы миллетлени тунчукъдурургъа, менсилигин унутдурургъа. Алай совет аскерчиле таулу халкъгъа сынатхан къыйынлыкъла немецилени артыкълакъларын окъуна женгнгедиле. Хатасыз адамла орталыкъда не этерлерин билмегендиле: *«Кеслерини «бластлары», ауузларын тыялмагъанлары ючюн, исси къандырырдан къоймагъанды. Сора тышындан сауут саба кётюрюп келген «бласт» а артыкъмы онгдурлукъду? Акъ бетли «бласт» ол да туююл эди»* [Толгуров 1993: 141]. Герменли ууучлаучула бла совет властьюны бегеуюллери, мыртазакълары халкъгъа сынатхан артыкълыкълары бир бирлерине ал бермегендиле. Немец аскер алгъадан окъуна жер юсюнде орналгъан миллетлени кесине бойсундурур амал излеген эсе, совет властьюны уа кеси къыралында бирикдирилген ууакъ халкъланы барысын да бир бетли этергеди мураты. Улуу къырал аз санлы миллетлеге кесини къошагъынача къарайды. Душманны аскери таула тийресинде жашагъан халкъланы ол бетден кёредиле, битеу Кавказны амалсыз этип, ууучха жыяр умутдады. Бу эки кючню хорланган миллетлени бойсундурургъа, алагъа бийлик, бачамалыкъ этерге ёчлюклери баямды. Кеслерини онглулукъларына тюшюндюрюп ючюн, гитче миллетлеге «ахшылыкъларын» къыстау тёге, «таза» ниетлерине ийнандырыргъа кюрешедиле. Ол да къарыусуз халкъла «тамата къарындашы» айтхан бегимден чыкъмай жашаргъа керекдиле дегенликлериди.

«Кёк гелеуде» къыраллыкъ низам экили бетде бериледи. Толгъур улу эпикалы чыгъармасында идеологияны келечилерин кюйсюз халда ачыкълагъаны бла чекленип къалмайды, арада жаратылгъан къаршчылыкъны суратлайды. Бир жаны бла НКВДчы Марковну сыфатында совет властьюны къатылыгъын, сокъураныусузлугъун белгилейди, экинчиден – Сергей Кравцовну юлгюсюнде адамлыкъ ёлчемни, жандауурлукъну, ёз оюмун ачыкъ айта, терсни тюзден айыра билмекликни шартлайды. Марковча башчыла сокъурдула, кеслерин тюзге санап, жангылычларын сезмейдиле, аз санлы халкъланы эниш этип, къырал салгъан бегимни не мадар бла да ётдюрюрге хазырдыла. Кравцов, таматаланы терсликлерин биледи, къызыл кючге къажау сюелир амалы болмагъанлыкъгъа, орус офицер кеси къуллукъ этип тургъан идеологияны бюсюреусюз сыфатын эртте ангылагъанды. Ол себепден бу эки жигитни араларында демлешиу тохтамайды.

НКВДчыла тау эллени жамауатын жазыкъсыныусуз къыргъанда, ала халкъгъа чекдирген азаплыкъны фашистлени кюйсюзлюклеринден не башхалыгъы барды дегенни айтады Толгъур улу. *«Жокъ эди элни жамауатын къорууларыкъ кюч... Ёксюз эди жамауат. Биле эди ол кесини ёксюзлюгюн»* [Толгуров 1993: 163]. Халкъны ёксюзлюгюн жазыучу Кърымны къадарында уста ачыкълайды, власть аны миллет ёхтемлигин сыйыргъанды. Жангы къурала келген низамгъа, аллай жорукълаугъа сыйынмагъан инсанны жазыучу *тирмен ташланы ортасына тюшген тую бюртюкге* ушатады, къыралны уа *сокъур бугъа* бла тенглешдиреди.

Жангы «бластны» къара бетли этген Марковча аскерчиле болгъандыла. НКВДчы офицерни кюйсюз сыфаты былай суратланады: *«Марков баиша миллетлени кылыклары-адетлерин билип, ангылап, алагъа хурмет этерге сюйгенледен да туююлдо. Кеп халкылы, тарыхлары жюз жылла бла сыналган миллетлени ишлери баишады. Бу къабартылы, бу малкърлы неда къарачайлыды деп да айыртламай эди ол. Барысы да къара шинли, огъурсуз адамла. Къама ойнатып, ушкок атхандан сора жукъ тындыра билмегенле. Хайыуанла кибик дей эди ичинден. Таулуланы чомартлыклары, кьонакъгъа сакылыклары окъуна эссизликге санай эди»* [Толгуров 1993: 196]. Марковну эссизлиги бла ниет харамлыгыды аны «сокъур» этген: ол ангылаялмайды таулу халкъча башхала да кеслерини кьол кыйынылары бла жашагъанларын, адеткылыклары, ёткюрлюкleri бла кючлю болгъанларын. Миллетле санларына кёре, уллу, онглу бла «аман хансча, кырдыкча» ууакъ миллетлеге юлешинмейдиле. Быллай халда энчилеу жаланда марковчаланы кьолларындан келгенди. Къуллукъ берилген инсанла аллай жахил политиканы бардырыгъанлары бла, «бластны» кьолунда ойнагъан саууту болгъандыла. Миллетибизни тарыхында бек бушуулу кезиулерин (Малкър ауузда талай элни совет аскерчиле кыргъанлары, битеу халкъны жалгъан дау бла Орта Азиягъа кёчюргенleri) аллай «марковла» жууукълашдыргъандыла. Романда ол ачыулу кюнге ачыкъ суратлангандыла. *«Къарындашлары, аталары, эрлерин уруиха ашырып, ёксюз, жесир къалып, энди уа кьоруулар адамлары болмай, аланы излей эдиле, чакыра эдиле. Эр кишилерин узакъда баиша от жагъаланы, босагъаланы отдан, окъдан сакъларгъа жиберилип, мында уа къагъанакъ сабийлери, сюнгю бурунунда ёлген тиширыулары сыйытлары, жиляулары эди ол. Артыкылыкны сылтауун билирге термилип, билалмай, соруулары юзюлген эгечле; анала»* [Толгуров 1993: 231]. Бу кюйсюз ишлеге табийгъат да, жаныуарла да сансыз болалмайдыла. Жыртхычлыкъ къанында болгъан бёрю окъуна адамланы артыкылыкларына сейир этеди: *«мал кёрмедиле – адамла кёрдю, терек тюплерине, ташлагъа кысылып, ёлюп, кими узунланып, ташха, терекге термилгенча, кими кьучагъын кенг жайып...»* [Толгуров 1993: 248].

Башда айта келгенибизча, романда Марковча чойре тургъан жигитледен бири орус аскерчи Сергей Кравцовду. Ол малкърлыланы эрттеден таныйды, ала огъурлу, тюзлюкню айыргъан халкъ болгъанын биледи. Марков а, таулу юйюрню кьонакъбайлыгын кёргенден сора да, ашатхан туз-гыржынларына да къарамай, алагъа кьол кётюреди, мурдарлыкъдан артха турмайды. Кравцовча да андан базынмайды: *«Черек аузун, анда жашагъанланы иги биледи деген эдиле. Бек керек эди Марковча кеп билгенле»* [Толгуров 1993: 204].

Халкъыбызны бушуулу кюнлерин суратлай, жазыучу Халимат бла Кърымны кёз туурасындан тас этмейди. Халкъ кюйген отдан ананы бла баланы орусла жаш кьутхарады. Тиширыу ауур жаралы болуп тёшекден кьопмай тогъуз ай ётдюргени себепли, Кравцов Кърымны биргесине Россейге алып кетеди. Ол ючжыллыкъ жашчыкыны кесини юйюрюнде ёсдюреди. Алай бла Халимат баласындан айырылады. Сергей ангылаяла болмаз эди, терекни тамырдан айыргъанча, Кърымны туугъан жеринден, бийик къаяларындан, ана тилинден, халкъындан, адетлеринден айыргъаны ахшылыкъ болмагъанын. Къадарны

буйругъу бла Халимат туугъан жеринден кёчюрюлмей къалады. Таулу ана тас болгъан баласын эсгере, аны къайатып келлигин сезгенча, он жылны ичинде эки кёзюн жолдан айырмай тургъанды. Оруслу офицер Кърымны, уллайгъандан сора туугъан жерине, анасына келтиреди. Алай ол энди кишини таныялмайды, «*туугъан жерине сангырау*» [Толгуров 1993: 389] болгъанды, башха адамды, алгъынныгъы Кърым туююлдою – Кирилди, кесини ёз атын унутхан, туугъан жеринден кенгде ёсген, ана тилин билмеген жаш. Халиматны къолундан келмейди «урланган» жашына миллет эсин къайтарыргъа. Кърымны «*бусагъат къадар чомартлыгъын кёргюзтюр, алдамаз, кёп терилтмез, къонгуроу таууш этип зынгырдатып, кырдыклай шуулдап, отча жанып, къызарып келир*» [Толгуров 1993: 5] деген умутлары романны ахырында толмайдыла. Кърым кеси гитчелигинден бери термилген сейрилик «алтын чёмючюн» тапмады, къадары чомарт къолу бла анга алтын аякъны узатып, насып юлюшюн суусапча ичер муратына жетдирмеди. Кравцовну да жетмеди кишилиги жашха анасын танытыргъа: биягъы артха алып кетеди, сабийи саулукъда жарлы ананы жангызлай къояды. Аллай эркинлиги кимни барды? Бу сорууну окъуучу чыгъарманы ахырында кесине берирчады. Къыраллыкъ низам адамны къалай жутуп, тамырсыз этип къойгъаны Кърымны сыфатында ачыкъ белгиленеди.

«Кёк гелеу» деген романда тарых темадан тышында жазычуну эстетика ызы, философия фикери белгиленедиле. Эпикалы хапарлауунда Толгъур улу экидуниялыкъны ачыкълаугъа энчи эс бурады, жер юсюнде хар затны экилениуюн чертеди. Ол болум баш жигитлени къадарларында толу ачыкъланганды (сёз ючюн, Халиматны, аны эгечи Айшатны, жашчыгъы Кърымны келишимликлеринде, неда тор ажир Алакёз бла Гахай бёрюню къажалуукъларында). Чыгъармада айланч сыфатла, жыйышдырыулу белгиле кёп санда тюбейдиле. Метафора халда берилген экили суратла керти жашауну жашырын магъанада кёргюзтедиле, жазычуну суратлау муратын жалчытыргъа себеплик этген амалладыла. Кесигиз кёргенликден, адам улуну жашауу, бардыргъан кюрешти, итиниюлюго да кёбюсюнде табийгъат болумланы юсю бла, бегирекда жаныуарла дуниясында баямланыдыла. Романны баш чюйрелигин къаршчылыкъ къурайды, инсанны къадары, жаныуарланы жашаулары бла къысха байламлыкъда берилип, тенглешдириу халда ачыкъланады.

Толгъур улу эпикалы чыгъармасына «Кёк гелеу» деп атагъаны да окъуучугъа соруу туудурургъа боллукъду. Ол учхалауукъ кырдык, аякъны тирерге онг бермей, кёплени жойгъанды, ахшы умутларын ёчюлтюп, жашау жолларын къысхартханды. «*Сырт бети ариу гелеудю. Эрттенлик аязда жерге жаплана да сюзюле, саркъа тургъан. Ол заманда гелеу бютюнда учхалауукъ болады. Ёрге баргъанны, энишге келгенни онгун къурутуп. ...Ариу кырдыкды – ышаныргъа уа керек туююлдою. Сыртындан тийип, неда тёнгереп кетип, кёплени эшиклери жабылгъанды, къачан жыгъарын билмезсе*» [Толгуров 1993: 117]. Бу сыфат романда жангы идеологияны кюйсюзлюгюн белгилейди. Кёк гелеуню бетинде «бластха» сатылгъан Хаким Айшатны эки жашын да ёлтюреди. Алакёзню да кёк гелеу сюйген кырдыгы болгъанлыкъгъа, ол «*хайт деген атланы, жюйрюк тайланы жыкъгъан, борбайларын къыркъып, абындыргъан*

кырдык эди. Алакёз кеси да, бёрюню сюрюп бара, кёк гелеуде жыгъылгъан эди» [Толгуров 1993: 109].

Тарых кертиликге жуукълашдырып, жазычу табийгъат болумлада идеология бардыргъан жагъынлы политиканы ачыкъ, алдаусуз кёргюзтюрге жетишгенди, заманны чюйреликлерин туурагъа чыгъаргъанды. Чыгъарманы окъугъанда, кыраллыкъ низамны аз санлы халкъыбызны къадарына къатылыуу нечик бушуулу болгъанын ангылайса. Энци таулу юйюрню тергеуге алып, Толгъурланы 3. адамла араларында келишимсизликни юлгюсюнде миллет тарыхны жарсыулу болумларын ачыкълагъанды. Совет властыны алдаулу сыфатын автор кёк кырдыкны белгисинде шартлайды. *Гелеуню* философия магъанасын жазычу хапарлауну барыуунда ангылата келеди. Ол ханс, не къадар ариу болгъанлыкыгъа, адамла бла жаныуарла андан болушлукъ излегенликге, ышанырча тюйюлдо, къоркъуулуду, кесини огъурсузлугъун артда кёргюзтюрюкдю. Терс атлам этеринги марап туруп, жыгъылтады, жолунгу кеседи, умутларынгы юзеди. Бёрю жыйындан къутхарылама деп, кёк гелеуню юсюнде Алакёз да жоюлургъа аздан къалгъанды. Гажай бёрю бла сермешгенинде, тор ат жашау дерсин ангылагъан эди. *Кёк гелеуню* сыфатында терен магъана жыйышдырылады. Хансны алдаулугъуча, совет властыны да «огъурлу» бети, эркинлик ючюн кюреши, бийик ёлчемле бла къаргъаныуу, тенгликге чакъырыуу керти болмагъандыла. Огъурсузлугъун, къатылыгъын ичинде жашырып, сездирмей тургъанды, сора кысха заманда бир бир ызындан кюйсюз ишлери бла сынатханды. Эрттегили адет-тёрелерибизни угъайлагъаны да анданды, халкъны ёмюрлюк сынамын унутдуруп, миллетни тутхучсуз къояргъа эди умуту. Аллай жагъынлы бегимлени хаталарындан кырал кёплени къадарларын насыпсыз этгенин кёребиз. Романда ол оюмланы барысын бу сёзле бирикдиргендиле: «*бир-леге – буз дуппур, баишхалагъа – кёпчек*» [Толгуров 1993: 120].

Кёк гелеуню тыш кёрюмдюсю кыраллыкъ низамны ачыкълагъанындан сора да бир ненча жашырын магъананы сыйындыргъанды. Халкъны тарых жюрюшю тюрленнгени бла жашил кырдыкны бет сыфаты да алышыннганын кёребиз. Ол халда суратлау текстде, сёз ючюн, сюргюн кыйынлыкыгъы белгиленеди. Къарап-къарагъынчы «кёхтюй бетли» *кёк гелеу* аны юсюнде жоюлгъан адамланы къанындан кызарады, халкъ сынагъан бушуудан къаралады. Ол тюрлю ачы суратла чыгъарманы жарсыулу макъамын кючлендириуге бойсунадыла. «*Тийре – таула, ташла, гелеу кырдык да, кебиннге бёленнгенча, шош эдиле*», «*терекле, къадау ташла – барысы да ёлгенлеге сын болуп къалгъанлай, шошдула*», жаланда «*иесиз, жамауатсыз къалгъан суу сарнап, тарыгъып саркъады*» [Толгуров 1993: 120, 367]. Аллай айырмалы юлгюлеТолгъур улуну суратлаучулукъ хунери бийик даражагъа жетгенине шагъатлыкъ этедиле.

Автор окъуучуну эсин хар жолдан табийгъатха бурады, адам улуну бир бирге этген зорлугъуна жаныуарланы жыртхыч кылыкълары тенг болалмазлыкъларын белгилер муратда. Къадары сынатхан кыйынлыкыла адамны эсин къалай тюрлендире эселе да, НКВДчы аскерни таулада тындыргъан кюйсюз ишлери Гажай бёрюню окъуна жюрютюу халын алышындыргъандыла. Табийгъат жорукыгъа келише, анга ёлтюрген – төреди. Алай бёрюню алгъынча къан төгерге кызыныуу энди къалгъанды, Алакёзге дертин окъуна унутханды.

Тёгерекде кёрген палахлары *бёрюню* жыртхыч сезимин ёчюлтгендиле. Толгур улу кийик жаныуарны ич сезимлерин уста суратлайды. Ач болгъанына да къарамай, бёрю ажымлы ёлгенлени мыллыкларындан артха туракылайды, ар-сарлыкъдады. Бютюнда гитче сабийлени тылпыусуз, сууугъан тёммеклерин, миялача мутхуз кёзлерин эслегенли, ала эсинден кетмейдиле. Къайдан эсе да узакъдан кесини кючюклерин улугъанча кёрюнюп, адам балаланы жиялгъан тауушлары кыулагъына эшитилгенлей къалгъандыла. Быллай жумушакълыкъ анга къайдан чыкыгъанын бёрю биялмайды: *«Гажай кеси кесин ангылаялмай эди. Алгъыннгы бёрю туююл эди, жюреги тюрленгенди, бир тюрлю жумушан, эриулю болуп. Къалмагъанды анда къаннга жутлугъу»* [Толгуров 1993: 359]. Романда ачыкъланган бушуулу болумла, битеу жаны болгъанны къадарларын бирикдирип, зулмучулагъа къажаулукъ туудургъандыла.

Адамланы келишимсизликлерин ачыкълагъан кюреш жаныуарлагъа да тийишли болгъанын кёребиз. Алакёз ажир бла юйюр башчы кёк бёрю Гажайны араларында чюйрелик чыгъарманы энчи сюжет ызын кыурайды. Марковча харам ниетли, кюйсюз инсанланы сыфатларын кючлендирген шарт да *кёк бёрю* болады. *«Малсыз жашаялмазларын ангылагъанлыкъгъа, Гажай суймей эди малланы. Къолундан келсе, аллына-артына къарамай, тамблагъы кюнню юсюнден сагъышланмай, бир кюнню ичинде барысын да мурдар этер эди. Тап, кыуру журтха къарап, ач къаллыкъ болса да, ёзенлени, тауланы да бёрюлеге юлешип, аланы эркинликлерине берип къояр эди...»* [Толгуров 1993: 89]. Баям, Гажай андан термиледи бёрюле къатында мал сюрюуле кырдыкча шош, ташча тынгылауукъ болурларына. *«Ол кёпден бери бир тюшню кёре эди, ала мат хычыуун тюшню: битеу маллагъа бёрюле таматалыкъ этип, бёрюледен эркинлик болмаса, малла, кийикле жерден чёп юзалмай, суу жагъагъа тигелеп, ауузларын суу бла чайкъамай...»* [Толгуров 1993: 92]. Марковчала да алай сунадыла, аз санлы халкълагъа азаплыкъ сынатып, кеслерине бойсундуруп жашатыргъа. Алай *«бир халкъны киши от бла, бичакъ бла кырып, артларына чыкымагъанды, не, тобукъландырып, тилсиз малгъа тенг этип къоялмагъанды. Адамны жашатхан, дунягъа ёхтем къаратхан аны эсиди, алгъа, артха да къаратхан»* [Толгуров 1993: 309]. Болсада адамны эси къайда букыгъанын билалмай эди Марков: *«Жумуртхадамыды, бу ташлада, таулада? Шууудан баргъан Черекни жети къатысындамыды огъесе Алакёздемиди?»* [Толгуров 1993: 309]. Кёк бёрюню да, Марковчаланы да тынгысыз этген ариу, ёхтем, азат ажир эди. Романда Алакёзню сыфаты кёп магъаналыды, жашау шартланы кёбюсюню жашырын белгисиди. Жюйрюк *ат* жигитликни, халаллыкъны, огъурлулукъну шартлагъаны бла бирге, халкъны тарыхыны белгисиди. Аны озгъан заманын сыйырыргъа кёпле кюрешгендиле. Алай Алакёзню Гажай, Хаким, Чиппо, Марков эм алагъа ушашла хорлаялмазлыкълары хакъды. Ол оюмгъа шагъатлыкъ этген *«сыртны белинде учуп баргъан Алакёзню туякъ тауушуду»* [Толгуров 1993: 392]. Роман аны бла бошалады. Ажирни жашау къадары халкъны жашауу бла тенгледирдиле, аны ёлюмсюзлюгюню белгиси болады.

Башда айтыла келген оюмланы бирикдиргенде, «Кёк гелеу» – терен философия магъанылы чыгъармады. Жазычу малкъар халкъны тарыхында болгъан бушуулу ишлени энчи сюжет ызлада келишдирип суратларгъа къолундан кел-

генди. Толгъурланы З. «Кёк гелеу» деген чыгъармасыны магъанасына тюшонюрге окъуучугъа алай тынч туююлдо. Роман тыш кёрюмдюсю, къуралыу жаны бла да кёп къатлыды. «...Жазычуну дуниягъа къарамы, жашауну магъаналы сорууларыны юслеринден оюмлауу, инсанны ич сырын айныу халда уста кёргюзталгъаны, тарыхны жорюшон, заманны да энчилигин тамам ачыкълай билиюне ыспас этерчады» [Болатова 2016: 103]. Эсде къалырча керти суратланы, метафора тенглешдириулени, жигитлени сыфатлары бла байламлыкъда кёргюзтюп, жазычу заманны кюйсюз бетин ачыкъларгъа жетишгенди.

Толгъурланы З. кесини эпикалы чыгъармасында заман салгъан басымлы сорууланы белгилеп, тинтип, жамауат жашауну бла идеологияны ниет чойреликлерин туура этеди. Анга кёре романда тарых эс бла тарых сынам магъаналы жерни аладыла. «Кёк гелеуню» философия фикирин белгилегенде энчи чертирге тийишлиси – жазычуну илхамы къурагъан сыфатла бла белгиле 1940 – 1950-чи жыллада жамауат-политика турмушну ачыкълаугъа себеплик этедиле.

ХАЙЫРЛАНЫЛГЪАН ИШЛЕНИ ТИЗМЕСИ (СПИСОК ИСТОЧНИКОВ)

Болатова (Атабиева) 2015 – *Болатова (Атабиева) А.Д.* Философско-эстетическая основа романа З. Толгурова «Голубой типчак» // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2015. – № 4 (66). – С. 189-195.

Болатова (Атабиева) 2016 – *Болатова (Атабиева) А.Д.* Особенности системы символов в балкарской эпической прозе [На балк. яз.: Малкъарэпикалыпрозадасуратлаубелгиниэнчилиги]. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. – 156 с.

Болатова (Атабиева) 2019 – *Болатова (Атабиева) А.Д.* Принцип художественной условности в карачаево-балкарской литературе. – Нальчик: Принт-Центр, 2019. – 364 с.

Полухина 1989 – *Полухина Л.* У каждого свой посох // Литературная Россия. – 1989. – 29 янв.

Сарбашева 2014 – *Сарбашева А.М.* Эстетический взгляд писателя. К 75-летию З. Толгурова [На балк. яз.: Жазычуну эстетика кёзкъарамы] // Вопросы кавказской филологии. – Вып. 10. – Нальчик, 2014. – С. 188-201.

Сарбашева 2016 – *Сарбашева А.М.* Деактуализация духовного наследия на этапе становления балкарской литературы в начале XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Издательство Грамота, 2016. – № 5-1 (59). – С. 21-23.

Сарбашева 2019 – *Сарбашева А.М.* Трансформация фольклорных традиций в балкарской литературе (на материале прозы). – Нальчик: Принт Центр, 2019. – 172 с.

Сарбашева 2019b – *Сарбашева А.М.* Бессмертные произведения, вышедшие из-под пера [На балк. яз.: Къаламжютюлюктуудургъанёлюмсюзчыгъармала] // Минги Тау. – 2019. – № 1. – С. 13-39.

Султанов 1989 – *Султанов К.К.* Динамика жанра (особенное и общее в опыте современного романа). – М.: Наука, 1989. – 151 с.

Теппеев 1999 – *Теппеев А.М.* Имя в литературе // Литературная Кабардино-Балкария. – 1999. – № 2. – С. 70-80.

Толгуров 1993 – *Толгуров З.Х.* Голубой типчак [На балк. яз.: Кёк гелеу]. – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 392 с.

Толгуров 2010 – *Толгуров Т.З.* 2010 – Толгуров Т. З. ЗейтунТолгуров // Очерки истории балкарской литературы. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. – С. 692–707.

REFERENCES

BOLATOVA (ATABIEVA) A.D. *Filosofsko-ehsteticheskaya osnova romana Z. Tolgurova «Goluboi tipchak»* [The philosophical and aesthetic basis of the novel Z. Tolgurova "Blue tipchak"]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. – 2015. – № 4 (66). – P. 189–195. (In Russ.).

BOLATOVA (ATABIEVA) A.D. *Osobennosti sistemy simvolov v balkarskoi ehpichestskoi proze* [Features of the symbol system in Balkar epic prose]. – Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2016. – 156 p. (In Balkarian.)

BOLATOVA (ATABIEVA) A.D. *Printsip khudozhestvennoi uslovnosti v karachaevo-balkarskoi literature* [The principle of artistic convention in Karachay-Balkar literature]. – Nal'chik: Print-Tsentr, 2019. – 364 p. (In Russ.).

POLUKHINA L. *U kazhdogo svoi posokh* [Everyone has their own staff]. IN: *Literaturnaya Rossiya* [Literary Russia]. 1989. 29 yanv. (In Russ.).

SARBASHEVA A.M. *Ehsteticheskii vzglyad pisatelya. K 75-letiyu Z. Tolgurova* [The aesthetic view of the writer. To the 75th anniversary of Z. Tolgurova] IN: *Voprosy kavkazskoi filologii* [Questions of Caucasian philology]. Nal'chik, 2014. Vyp. 10. – P. 188–201. (In Balkarian.)

SARBASHEVA A.M. *Deaktualizatsiya dukhovnogo naslediya na ehstape stanovleniya balkarskoi literatury v nachale XX veka* [Deactualization of spiritual heritage at the stage of formation of Balkar literature at the beginning of the twentieth century]. IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. – Tambov: Izdatel'stvo Gramota, 2016. № 5–1 (59) – P. 21–23. (In Russ.).

SARBASHEVA A.M. *Transformatsiya fol'klornykh traditsii v balkarskoi literature (na materiale prozy)* [Transformation of folklore traditions in Balkar literature (based on the material of prose)]. – Nalchik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Tsentr», 2019. – 172 p. (In Russ.).

SARBASHEVA A.M. *Bessmertnye proizvedeniya, vyshedshie iz-pod pera* [Immortal works from the pen]. IN: *Mingi Tau*. 2019. № 1. – P.13–39. (In Balkarian.)

SULTANOV K.K. *Dinamika zhanra (osobnoe i obshchee v opyte sovremennogo romana)* [The dynamics of the genre (special and common in the experience of the modern novel)]. – M.: Nauka, 1989. – 151 p. (In Russ.).

ТЕППЕЕВ А.М. *Имя в литературе* [Name in literature]. IN: *Literaturnaya Kabardino-Balkariya*. 1999. № 2. – P. 70–80. (In Russ.).

ТОЛГУРОВ З.Х. *Goluboi tipchak* [Blue tipchak]. – Nal'chik: Ehl'brus, 1993. – 392 p. (In Balkarian).

TOLGUROV T.Z. *Zeitun Tolgurov* [Zeitun Tolgurov]. IN: *Ocherki istorii balkarskoi literatury* [Essays on the history of Balkarian literature]. – Nal'chik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 2010. – P.692–707. (In Russ.).

Авторну юсюнден

А.М. Сарбашланы – филология илмуланы доктору;

А.Д. Атабийланы – филология илмуланы кандидаты.

Информация об авторах

А.М. Сарбашева – доктор филологических наук, доцент;

А.Д. Атабиева – кандидат филологических наук.

Information about the authors

A.M. Sarbasheva – Doctor of Science (Philology), associate professor;

A.D. Atabieva – Candidate of Science (Philology).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.02.2022 г.; одобрена после рецензирования 28.02.2022 г.; принята к публикации 14.03.2022 г.

The article was submitted 16.02.2022; approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 14.03.2022.

ФИЛОЛОГИЯ**Литература народов Российской Федерации
(литература народов Северного Кавказа)**

Илму статья

УДК – 821.512

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-129-139

**МАЛКЪАР ПРОЗАДА СОЦИАЛИСТ ИДЕОЛОГИЯНЫ ШАРТЛАРЫ
(ХОЧУЛАНЫ С. БЛА ГЫТТЫУЛАНЫ М. ЧЫГЪАРМАЛАРЫНА КЁРЕ)****Тёппеланы Муссанны кызы Ханнфа¹, Ёзденланы Тауланы кызы
Фатима²**¹ Россей илмуланы академиясыны Къабарты-Малкъар илму арасы, Нальчик
шахар, Россия² Гуманитар тинтиулени Институту – Россей илмуланы академиясыны
Къабарты-Малкъар илму арасыны филиалы, Нальчик шахар, Россия¹ teppeeva1234@gmail.com² uzdenova_kbigi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5378-9514>

Къысхамагъана. Къысха магъана. Статьяда 1930–1960 жыллада малкъар прозада социалист идеологияны шартлары Хочулары С., Гыттыулары М. чыгъармаларыны юлгюлеринде тинтиледиле. Белгиленген кезиуде адабият норматив эстетиканы жорукъларына бойсунганды, алагъа кёре миллет төреледен азат болургъа излегенди. Урушха дери жазылган суратлау чыгъармаланы ниет магъанасыны ёзегин чюйрели «акъ» бла «къара» тюрсюнле эм «терс» бла «тюз» ангыламла къурагъандыла. Дуниягъа эстетика кёз къарам жаланда табийгъат болумланы суратлагъанда белгиленеди. Айтылганнга шагъат этген Хочулары Салихни хапарлары сюзюледиле.

1950–1960 жыллада да адабият ары дери тохташхан суратлау төрелеге кёре айныйды. Аны себепли, жазылган чыгъармалада миллет энчиликлени юсюнден аз хапарланады: ол болум жигитни турмушун, халкъны озгъан жашауун суратлагъанда ачыкъланады. Социалист идеология туудургъан баш кемчиликледен бири – миллет эсен кери болуу чертиледи.

Баш магъаналы сёзле: малкъар проза, социалист идеология, Хочулары С., Гыттыулары М., повесть, хапар.

Цитата этерге: Тёппеланы Х.М., Ёзденланы Ф.Т. Малкъар прозада социалист идеологияны шартлары (Хочулары С. бла Гыттыулары М. чыгъармаларына кёре) // Кавказология. – 2022. – № 1. – 129-139 б. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-129-139

© Тёппеланы Х., Ёзденланы Ф., 2022

Original article

SOCIALIST IDEOLOGEMES IN BALKARIAN PROSE (BY THE EXAMPLE OF THE CREATIVITY OF S. KHOCHUEV AND M. GETTUEV)

Hannfa M. Tepeeveva¹, Fatima T. Uzdenova²

¹ Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, , Nalchik, Russia

² The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

¹ tepeeveva1234@gmail.com

² uzdenova_kbigi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5378-9514>

Abstract. The article reflects the specifics of Balkarian prose during the period of domination of socialist ideology, the canons of normative aesthetics. The consequence of the destruction of conceptual categories was the displacement of ethnically marked constants by the problems of the ideological, “Soviet” plan. In pre-war Balkarian prose; binary-opposition (“positive” - “negative”) aesthetic representation was preserved as the primary method of fixing and comprehending the surrounding world, the ideological content of the described completely and unambiguously determined its axiological position.

The ethical and ideological conceptualism of Bolshevism remained the motivational basis for the psychological states of the heroes of national prose in the first post-war decades. Therefore, it is also unnecessary to speak of a pronounced national component in the imagery of the works of this period: this is manifested both in the characters’ lives and in the plot's localization. It is practically impossible to determine how much the type of highlander depicted by M. Gettuev corresponds to real prototypes, questions of socialist construction supplanted how much in the minds of people. However, this type was replicated in a huge number of works of that era. The sublimative behavioral motives depicted by the authors of the 1950s and 1960s practically seem to be a direct continuation of the prose of the pre-war years. This situation of aesthetic predetermination gave impetus to the development of a narrative skill, which consisted of the textual justification of the actions of the characters. Understanding the need for this justification prepared the appearance in the works of a specific national component, embodied no longer in the names and external surroundings, but in the psychological characteristics of the characters.

Research methods: historical-typological, comparative, epistemological.

Key words: Karachay-Balkarian prose, socialist ideology, national specificity, narrative, S. Khochuev, M. Gettuev.

For citation: Tepeeveva H.M., Uzdenova F.T. Socialist ideologemes in balkarian prose (by the example of the creativity of S. Khochuev and M. Gettuev). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 1. – P. 129-139. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-129-139

© Tepeeveva H.M., Uzdenova F.T., 2022

Научная статья

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ИДЕОЛОГЕМЫ В БАЛКАРСКОЙ ПРОЗЕ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА С. ХОЧУЕВА И М. ГЕТТУЕВА)

Ханнфа Мустафаевна Теппеева¹, Фатима Таулановна Узденова²

¹ Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия

² Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия

¹ tepeeveva1234@gmail.com

² uzdenova_kbigi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5378-9514>

Аннотация. Статья отражает специфику балкарской прозы в период господства социалистической идеологии, канонов нормативной эстетики. Следствием деструкции понятийно-концептуальных категорий стало вытеснение этнически маркированных констант проблематикой идеологического, «советского» плана. В довоенной балкарской прозе бинарно-опозиционное («позитивное»-«негативное») эстетическое представление сохранялось в качестве основного метода фиксации и осмысления окружающего мира, идеологическое содержание описываемого полностью и однозначно определяло его аксиологическую позицию.

Этическая и мировоззренческая концептуалистика большевизма оставалась мотивационной базой психологических состояний героев национальной прозы и в первые послевоенные десятилетия. Поэтому говорить о выраженной национальной составляющей образных рядов произведений этого периода также не приходится: это проявлено и в обстоятельствах жизни героев, и в локализации сюжета. Практически невозможно установить, насколько соответствует изображенный, к примеру, М. Геттуевым тип горца реальным прототипам, насколько каждодневные заботы этноса были вытеснены в сознании людей вопросами социалистического строительства. Однако этот тип был растиражирован в огромном количестве произведений той эпохи. Сублимативные поведенческие мотивы, изображаемые авторами 50-х – 60-х гг. практически представляются прямым продолжением прозы довоенных лет. Тем не менее эта ситуация эстетической предопределенности дала толчок в развитии нарративного навыка, заключавшегося в текстуальном обосновании поступков персонажей. Понимание необходимости данного обоснования подготовило появление в произведениях специфической национальной составляющей, воплощенной больше не в именах и внешнем антураже, а в психологических характеристиках героев.

Методы исследования: историко-типологический, сравнительно-сопоставительный, гносеологический.

Ключевые слова: карачаево-балкарская проза, социалистическая идеология, национальная специфика, нарратив, С. Хочуев, М. Геттуев.

Для цитирования: Теппеева Х.М., Узденова Ф.Т. Социалистические идеологемы в балкарской прозе (на примере творчества С. Хочуева и М. Геттуева // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – №. 1. – С. 129-139. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-129-139

© Теппеева Х.М., Узденова Ф.Т., 2022

XX-чы ёмюрню 20-чы социалист идеология жылларында Шымал Кавказы миллет адабиятлары ал урумлары, атламлары орус жазычулары суратлау сынамлары, аланы жоруктары эсеплеуден башлангандыла. Кыйын болса да, адабиятлары келечилери, башха тилли литературалардан келген амалла бла хайырланып, кысха заманы ичинде кеслерини энчи миллет белгилерин, суратлау терелерин тохташдыргандыла. Айтылган оюм илму ишледе энчи чертиледи [Толгуров 1991; Сарбашева 2019; Узденова 2009; Болатлары (Атабийлары) А. 2016].

Къарачай-малкъар проза ал айныу жылларында суратлау кемчиликден азат болмаганды. Суратлау жигитлени ич дунялары, сезимлери, чыгарманы мурдорун къураган чойрелик толу ачыкъланмагандыла. Орус адабияттан кирген бир-бир ангыламлары тюз ангыларга да кыйын болганды. Юлгюге озган ёмюрню 20–30 жылларында адабиятда, жашауда да эркин жюрютюлген «кулак» деген сёзню келтирейик. Бу сёз халкыны жашауунда, адет-терелеринде бир кезиуде кеп тубегенди. Орта Россейде «кулак» деп, эки-юч малы болган

адамгъа айтылгъанды. Бу магъанагъа кёре таулулада «кулак» деген атха тийишли болмагъан хазна киши болмаз. Былай тенгleshдиргенде сёзню ниет магъанасы тюз хайырланмагъанды. Совет властью тохташдырылыуу бла халкъгъа ёмюрледен келген ниет хазнадан, адет тёреледен айырлыргъа тюшгенди [Сарбашева 2016]. Жангы кырал идеологияны жорукълары таулуланы миллет турмушларына келишмегендиле.

Къарачай-малкъар халкъны урушха дери жазылгъан проза чыгъармаларын тинтген заманда, жазыучула суратлау оюмларын социалист идеологияны борчларына бойсундургъандыла. Къарачай-малкъар тилни байлыгы ХХ-чы ёмюрню 20–30 жылларында иги да тюрленеди. Сёз ючюн, Хочулары С. «форма» деген орус сёзню (варваризм) «аны себепли» деген сылтаучу болумну орунуна хайырланганды («ол формада»).

Саулай алып айтханда, уруш жыллагъа дери жазгъан къарачай-малкъар жазыучулары ишлеринде башха тилден кирген сёзле кеслерини жерлерин тапхандыла (большевик, революция, социализм, коммунист, колхоз эм д. а. к.). Суратлау ишни башха тюрлю амалы болмагъанды – тарых жангылыкъланы асламысы тыш тилден кирген сёзле бла айтылгъандыла.

Отузунчу жыллада малкъар проза ал атламларын этгени себепли, бир-бир чыгъармалада суратланган жашау болумла толу кёргюзтюлмегендиле, ол себепден сюжет ызла жартылай къалгъандыла. Гуртулары Бертни чыгъармаларында заман эм жер алышынулары белгиленмегенди. Этезлары Омарны чыгъармаларында уа сюжетде ишни не себепден башланганы, суратланган болумлары сылтауу айтылмайды. Чыгъармаланы жигитлерин авторла кеслери къурагъан къужур болумлагъа саладыла, ала къаллай халлагъа тюшселе да, кеслерин къалай жюрютюрюклери, ол болумладан къалай чыгъарыкълары окъуучугъа белгилиди, суратланган ишле бир бирге ушайдыла, баш жигитни сезимини, халини айныуунда тюрлениуле кёрюнмейдиле.

Сёз ючюн, Хочулары Салихни «Сафар бла революция» деген хапарында акъылбалыкъ болмагъан тогуз-он жыллык Сафарны бла жетген революционер жашны араларында башхалыкъ кёргюзтюлмейди, аланы ич сезимлери, къылыкъланы бла тюрлениулериде ачыкъланмайдыла. Этезлары Омарны жигитлери Ахматны бла Темирбашны («Къаяла унутмагъандыла», 1939) да сыфатлары башында айтылгъаныча тынгылы тинтилмейдиле.

Жазыучулары кёз къарамларына кёре, жигитлерини этген ишлери, аланы ич сезимлери бла байламлыды, ол а жангы миллет эстетика билими бла келишеди. Уллу Ата Журт уруш башлангынчы жазылгъан суратлау чыгъармалада миллет эстетикагъа теренленмегендиле, аланы баш борчлары социалист жашаугъа бойсунган жигитни сыфатын къурау эди, проза, назму чыгъармалада ниет магъаналарына кёре жууукълар эдиле. Сёз ючюн, лирика чыгъармалада Будайлары Азретни «Алгъын», «Мараучуну хапары», прозада – Хочулары Салихни «Мудах жаш», «Бу эки къабыр кимнидиле?», Этезлары Омарны «Къайгылы кюнледе» деген хапарлары. Быланы барысыны да мураты халкъны «къарангылыкълан» чыгып, жангы социалист жашаугъа келгенин кёргюзтюудю. Хочулары Салихни къаламындан чыкълан биринчи иши – «Атасыны жашы» деген чыгъармада Таусо деген бир таулу жашчыкъланы юсюнден айтыла-

ды. Ол насыплы, кьарны токь, юсю-башы тынгылы, аллында кьууанчлы жашаугьа умуту болгъан сабийди. Таусону бу кюнлеге атасыны бла аныча негёрлерини эркинлик ючюн бардыргъан ишлери келтиргендиле. Алай болмаса, ол да, атасы сабий жылларындача, жалчылыкьда кьойла кютюп айланыр эди. Большевикле ынкьылапны кётюрюп, сабийлеге насыплы жашау бергендиле деген оюм хапарны ниет магъанасыды. Хочу улуну Сафар атлы жигити да «кьарангылыкьдан» чыгъар ючюн, сабийликден башлап кюреш бардыргъанды. Ол революциягьа дери кёп кьыйынлыкь, ачлыкь, зорлукь сынагъанды. Ынкьылапны жели уруп башлагъанлай окьуна, эркинлик ючюн кюреш бардыргъанланы кьауумларына кьошулгъанды [Узденова, Теппеева 2021: 149].

«Кьарангы жашаудан» азатланыуну сураты Хочуланы Салихни «Бу эки кьабыр кимнидиле?» деген хапарында ачыкь окьуна суратланады. Чыгъармада хапарлау колхозчу Алийни атындан барады. Аны юйюне келген адам кьонакьбайыны эки дунясын кёрюрге бола эди, кьаллай кьарангылыкьдан чыкьгъанын унутмазгьа, ол эски жербаш юйюне сакьлагъанды. «Эркин арбаз, арбазны бир жанында алаша жер башлы юй, кьара кьурумдан кьаралып, бирси жанында уа тёртгюл ишленген бийик кьошунбаш юй, терезиси, эшиги, тьюбу эм башы боялып кёрюнеди. Былай кьарамдан экиси да эки башха адамны юйлери дерчадыла. Ол эки журтдан бири – чирик, жарны эринине жел кьакьгъанлай, кьарап, кёз кёрмеген теренге тёнгерерге хазыр болуп тургъан бокьур пура туюкьчге ушайды. Бирси уа, темир кьяяча кьурч тырнакьларын терен беклеп тургъан кьушча, омакь чёгюп турады...» – Алий хапарын башлады.

– Ма бу чыкьырда кьайда айран, кьайда суу тутуучу эдим. Гырмыкланы неге чёрегенсе десенг, кьыш ичиндеги бузламаз ючюн чёрегенме. Биз алгьын заманда печь не болгъанын билмегенбиз. Ма бу мени ундуругьум болуучу эди, – деп, юйню битеулей бир жанын алып, айыу ундуругьуча бир агьач ундурукьну кёргюзтдю.

– Ма бу уа мени от жагьам. Ма бу тыпыр таш кёп кюнлени бизни ушхуурсуз кьойгъанды. Ма бу сынжырым, бу шинтигим болгъанды», деп, бир томуроу туюкьчню кёргюзтдю.

– Ётюрюкьсюз айтсам, эштада, мени башха жангы, ол таш кьумгъандан бла туюкьсюз кьазандан сора, затым болмаз эди, – деп алгьыннгы «байлыгьын» манга кёргюзтдю» [Хочуланы С. 2009: 116].

Ол кезиуде адабиятха келген жазычуланы барысыны да чыгъармаларыны баш темасы идеология жумушланы жалчытыу болгъанды. Малкьар прозада ал атлам этген жазычу да кьыралда саясат болумлагьа уллу эс бургъанды. Жазычуну суратлау ызы эки тюрсюнлюдю – акь бла кьара. Кьара бояула бла ол таулуну революциягьа дери жашауун ачыкьлайды, жангы жашау жалаңда жарыкь тюрсюнле бла боялады. Ол илишан 20–30-чу жыллада жазгъан битеу авторлада бар эди. Хочуланы Салихни социально-саясат сапарини жоругьуна келишмеген хапары жокьду. «Сафар бла революция», «Мудах жаш», «Эки кьарелди», «Бу эки кьабыр кимнидиле?» деген хапарланы сюжетлери анга шагьатдыла.

Бу башында сагьынылгъан ишледе суратланган жигитлени кеслерини энчи кьадарларындан эсе, кьыралда жашау-турмушну сыфатлау асламды. Жигит-

лени суратлау ол кёрдю, ол айтды, ол этди деген кысха айтымла бла чекленип болганды. Баш жигитни юсюнден айтханда идеология бла класс сезимлеге кертчилиги женгип, кесини инсан азатлыгына бла ич сезимлерине хазна эс бурулмаганды. Чыгъармаланы баш жигитлерини ич дунялары белгили болмай акълай къаладыла, этген ишлери социалист жашау ючюн къаты кюрешни белгисинлей къаладыла.

Озгъан ёмюрню 20–40 жылларында миллет адабиятта жазылгъан суратлау чыгъармалада таулу тиширыуну къадарына, жамауатда жашаууна, эркинлигине жораланган чыгъармаланы саны асламды. Ол заманда чыгъармала социально-саясат сапарышге кёре жазылгъанлары себепли, ол битеу Совет Союзда тиширыуну юсюнден ары дери жюрюген жорукъладан азатланыуду [Толгуров 1991: 105]. Шимал Кавказны жазычулары да ол кезиуде кеслерини ишлерин жазгъанда бу саясат сапарышге бойсунгандыла. Ол жыллада З. Мальсаговну, Геляланы Рамазанны, Гебенланы Гемманы, Ёртенланы Азретни, А. Гойговну, Хочуланы Салихни эм дагыда башха тиширыуну эркинлигини юсюнден жазгъан жазычуланы ишлери саясат къагъытлагъа кёре басмалангандыла, ол тиширыуланы психология энчиликлери уа асламысында сагъынылмаганды.

Урушдан сора онжыллыкда жазылгъан миллет чыгъармаланы жазычула да ол жорукъладан терк азатланмагандыла. 40–50 жыллада битеу адабият чыгъармала бир ниетли, интернационал халлы болгандыла. Баш жигитлени атларын бергенде окъуна ол кёрюнеди. Сёз ючюн, Гуртуланы Бертни «Асиятны некъхы» [Гуртуланы Б. 1988: 210–224] деген хапарында Алийни анасыны аты Нальтехди (Нальчикский техникум деген окъуу юйню атындан къуралганды) деген окъуу юйню атындан къуралганды. Бир-бир жерледе Асиятха *Ася*, Алийге – *Алик* деп айтыргъа да тюшеди.

Проза чыгъармаланы жазгъанда урушдан сора онжыллыкда авторла жигитлерини этген ишлерин идеология кепге салгандыла, кылык шартла къарыусуз белгиленгендиле. Болсада жазычула кеслерини хапарларында, повестлеринде кемчиликлени эслей болур эдиле, алай аланы сюйгенлерича жазыу ишде эркинликлери болмаганды, ол а бир бетли сыфатлагъа келтире эди. Хапарланы жигитлери къайсы миллетни келечиси болганын биз авторну кесини тукъумундан, туугъан жеринден билебиз. Таулу, малкъарлы, къарачайлы деген сёзле аз тюбейдиле. Хар айтылгъан социалист жашауну къуралыууна къарс къагъады, ол кезиуде жюрюген идеологиягъа келишеди, хар болумну автор коммунист партияны чакъырыуларына бойсундурганды.

Кёчгюнчюлюкден къайтхандан сора къарачай-малкъар жазычулагъа суратлау амалланы игилендирирге, тюзетирге тюшгенди. Миллет прозаны келечилери суратлау сынамланы айнытхандыла. Аланы жигитлери туугъан жерге сюймекликлери бла, кертиликлери бла юлгюлю болгандыла. Сёз ючюн, Гытыгуланы Максим «Ачыкъ джюрекле» деген чыгъармасында Марияны сыфаты. Жазычу аны ич жарсыуларын, сезимлерин, кылык энчиликлерин ачыкълаганды, окъуучугъа инсан бетин кёргюзтгенди.

Болсада, ол кесинден алгъа келген тёлюню терелерин сакълай, суратлау жигитлени ич дунясындан эсе, идеология ызгъа эс бурганды. Юлгюге

чыгъармадан «гестапочу» бла Марияны араларында чюйрели диалогну келтирейик:

« – Муну сиз жазгъансыз да?

Мария жукъ айтмады.

– Туугъан журтум, туугъан журтум... Бизни адам этген сенсе, бизни насыбыбыз – сенсе, бизни жюрегибиз бла кёзюбюз да – сенсе! Сени ючюн, суюген къралым, не кыйынлыкълагъа да чыдарма, керек болса уа – жанымы да берирме... Арсарлы болмам, угъай, болмам!..

– Отвечайт!» – деп кызыды гестапочу. «Женгдирмесенг, асарбыз!.. Да, да... Сабийинг саулай кыалырын сюе эсенг, женгдир!» [Геттуев 1963: 26–27].

Тиширыуну ич сагъышлары коммунизмни жорукъларына бойсунадыла. Уллу Ата журт урушха дери чыгъармаланы асламысы алай кьуралгъанды. Фашист Германияны СССР-ге чапханындан сора Ата журтха суюмеклик сезимле бютюн да бек кючленгендиле. Гыттыулары М. хапарында Мария – анады, андан тышында ол – тенг кызыды, жигит тиширыу коммунизмге кертиликни юлгюсюдю. Быллай халда кьуралгъан жигитлени ишлери да не бла бошаллыгы чыгъарманы аллында окъуна белгили болады.

Уллу Ата Журт урушха дери эм андан сора онжыллыкъда малкъар прозада жазылгъан суратлау чыгъармалада жазыучуну кёз къарамындан эсе «тюз», «кереклисича» болумла баш магъананы тутхандыла. Бу хал битеу СССР-ни битеу адабиятларында да эсленгенди, бир тюрлю ишексиз айтылыргъа керекли затла тюз кылыкълы жигитни терен суратланыуун экинчи жерге кёчюргендиле. «Соцреализмни жорукъларына кёре, суратлау чыгъарманы ахырында тюз кылыкълы жигитни къадары иги халгъа бурулады, терс жигит а азап кёредиди. Анга да къарамай, тюз жигитни ич дунясы такъыр кёргюзтюледиди, терс жигит а жютю эстетика сезими, терен психологиясы болгъан адамды...» [Григорьев 1965: 41].

Уруш жылладан сора осал халлы, терс жигитни суратлау, кёп тюрсюнлю бояула бла кючленеди, жазыучу аны билген амаллары бла не къадар эриши сыфатда кёргюзтюрге кюрешеди. Тюз сыфатлы жигитлени юсюнден аз айтылады. Бу шартла жигитлерини халларын кёргюзтюуге да кёчедиле. Гыттыулары Максимни башында сагъынылгъан повестин алсакъ, Марияны жашауда кыйын сынаулары, этген ишлери эки-юч этимни болушлугъу бла айтыладыла. Бу затла бирге жаланда бу жигит тиширыуну душманнга бой бермегенин, сёзюне кертичи болгъанын билдиредиле. Айтылгъаннга юлгюле келтирейик: «Мария жукъ эшитмегенча этди», «Мария аузун да ачмады, тилин да кымылдатмады», «Мария жеринден тепмеди», «Мария, тишлерин кысыб, силкинди, ёрге кьобмады», «Мария тынгылагъанлай турады, жюреги ачыудан жарылады», «Мария жууаб бермеди», «Марияны жюрегине биз чанчханча, алай ачыу тийди», «Мария жукъ айтмады», «Марияны кьулагъына кирмеди».

Чыгъармада жазыучуну суратлау хатыны энчилеген да белгилерчады. Сорууну бардыргъан фашистлени сёзлерин белгилеген этимлени къауумун тенгледирип, къарайыкъ: «сансыз мурулдады», «деди фашист», «ачыуланып, шинтикден секирип турду», «къамичини сермеп анга тебинди», «кёзлери отча жана эдиле», «кычырыкъ этип, жумдуругъу бла столну урду», «жандарм ауа-

зын тюрлендирди», «столну тегерегине байланган кючюк кибик чаба эди», «табыракъ сёзле келишдирге кюрешди», «обер-лейтенант, ыразылыгъын билдирип, башын булгъады», «Шепс жалгъан тынчлыгъындан азатланды», «...деди ол, къол жаулугъу бла кёзлерин сюрте, тохтамай отоуда айлана эди» [Геттуев 1963]. Бу тюрлю сёзле бла сёз тутушла, айтымла асламында ачыуланмакълыкъны белгилеридиле деп чертиледиле энчи илму ишледе [Ахматова, Кетенчиев 2018].

Геттуланы Максимни кёчгюнчюлюкден сора жазгъан «Ёсюу» деген къысха хапарында Малкъарны табийгъаты былай суратланады: «Нарат... Назы... Къайын... Бу атланы джюрютген терекле – табийгъаты омакълары, субайлары, тик тёшлени джабыб, тауланы иелери бизбиз дегенча, ёхтем сюеледиле. Ала барыда, тау джел бла эришгенча, бирча шууулдайдыла, алай тау джел, къаяланы бла ташлы тиклени мазаллы кючлерин хорлаялмай, шошайгъанда, джангыдан тирилениуню санга караб табайыкъ дегенча, кёмюклениб, терен шорхаладан ётуб, джортуб баргъан Бахсан суугъа къарайдыла. «О, залимсе, залим, Бахсан сууу, Минги Тауну хапарчысыса, бизге да тирилик бересе... Джолунг мамукъдан болсун» [Геттуев 1965: 35]. Бу юзюкню жашырын тилде жазылгъанды. Халкъны миллет эси ёсе башлайды, ол кюн сайын кючлене барады, жазуучу аны кёргюзтюрге юлгюге табийгъат болумланы келтиредиле.

Гыттыуланы Максимни хапарларыны баш мураты социалист къурулушну махтауду. Ол адабият излемлеринде коммунизмни жорукъларына бойсунган, «ишчи хорламгъа» итинген инсанны суратлайды. «Быхчыны кнопкасын басханлай, ол, шуу-шуу этиб, узун наратны джарыб тебрейди. Конторда бухгалтер'а, джыллыкъ отчётну джарашдыра, быхчыны тауушу бла бирге ишлегенча, чётну ашыкълары арта бла алгъа тюртеди, бир кесекчикге сагъышланады, джангыдан санауну башлайды.

– Ёсе барабыз, – деди ол, кишиге да айланмай, – ёсе барабыз. Мал да ёседиле, джашау да джашнайды...

Счетовод Нафисатха айланыб, ышарды.

– Кючюбюз таулагъа тийишлиди, Нафисат.

– Къушлагъа къуш учуу керекди, – деб джууаблады счетовод.

Бухгалтер Алий аллай джууабны джаратды:

– Сау бол да къал, Нафисат. Алай бюгюнню бийиклик тамлагъа асыры алашады. Билемисе, ёргеден ёрге ёрлемеген къуш – къуш туююлду [Геттуев 1965: 36].

Гыттыуланы Максим миллетни жангырыуун, алчылыкъгъа тартыннганын чертеди. Болсада жазуучу эсин коммунизмни даражасын кючлендириуге бурады. Аллай чыгъармаланы асламысыны ёзеклерин социалист жашауну темасы къурагъанды; аны жорукъларына бойсунуп, миллет соруулагъа, харкюнлюк жарсыулагъа аз эс бурулгъанды. Быллай шартла башха миллетлени адабиятларында да тубегендиле. Суратлау оюмлауда жангы ызны кереклиги эстетика сезимни айнытханды. Анга себеплик жазуучуланы миллет тагылагъа эс бурганлары, халкъны кёлден айтылгъан чыгъармачылыкъны тёрелери бла байламлыкълары этгендиле [Сарбашева 2017]. 1960–1970 жыллада келген «алтын тёлню» келечилери (Толгъурланы З., Тёпеланы А., Шауаланы Х. эм башха-

ла) миллет адабиятны терен магъаналы чыгъармала бла байыкъдыргъандыла, айныу жолунда жангы атламла этгендиле.

ХАЙЫРЛАНЫЛГЪАН ИШЛЕНИ ТИЗМЕСИ (СПИСОК ИСТОЧНИКОВ)

Ахматова, Кетенчиев 2018 – *Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б.* Концепт «гнев» в карачаево-балкарской языковой картине мира // Тюрко-монгольский мир: проблемы взаимодействия и развития традиционной культуры: мат-лы международной научно-практ. конф. научных работников, преподавателей образовательных структур всех уровней, аспирантов и магистрантов. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2018. – С. 23-28.

Болатланы (Атабийланы) А. 2016 – *Болатланы (Атабийланы) А.* Малкъарэпикалыпрозадабелгиниэнчилиги (Особенности системы символов в балкарской эпической прозе). – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2016. – 156 с. (На кар.-балк. яз.).

Геттуев 1963 – *Геттуев М.И.* Ачыкъджюрекле (Открытые сердца). – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1963. – 154 с. (На кар.-балк. яз.).

Геттуев 1965 – *Геттуев М.И.* Ёсюу // Геттуев М.И. Джюрекле бла алтын къолла (Сердца и золотые руки). – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1965. – С. 35–41. (На кар.-балк. яз.)

Григорьев 1965 – *Григорьев М.С.* Социалистический реализм в борьбе с модернизмом. Ч. 1. – М.: Изд-во ВГИК, 1965. – 122 с.

Гуртуев 1988 – *Гуртуев Б.И.* Асиятнынеяхы // Гуртуев Б.И. Жашаунукъылынчлары (Зигзаги жизни). – Нальчик: Эльбрус, 1988 – С. 210-224. (На кар.-балк. яз.).

Сарбашева 2016 – *Сарбашева А.М.* Деактуализация духовного наследия на этапе становления балкарской литературы в начале XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 5-1 (59). – С. 21-23.

Сарбашева 2017 – *Сарбашева А.М.* Специфика взаимодействия балкарской литературы 70–80-х годов XX века с фольклором (на материале повести «Солнце не заходит Алима Теппеева») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 8-1 (74). – С. 38-40.

Сарбашева 2019 – *Сарбашева А.М.* Трансформация фольклорных традиций в балкарской литературе (на материале прозы). – Нальчик: Принт Центр, 2019. – 172 с.

Толгуров 1991 – *Толгуров З.Х.* В контексте духовной общности. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 286 с.

Узденова 2009 – *Узденова Ф.Т.* Специфика отражения картины мира в поэме (на материале творчества карачаево-балкарских авторов) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2009. – № 3. – С. 10-18.

Узденова, Теппеева 2021 – *Узденова Ф.Т., Теппеева Х.М.* Контрастивы как особенность карачаево-балкарской прозы первой половины XX века (на приме-

ре творчества С. Хочуева) // Гуманитарные исследования. – 2021. – № 3 (79). – С. 146-150.

Хочуланы С. 2009 – *Хочуланы С. Бу эки къабыр кимнидиле? (Чьи эти две могилы?)* // *Хочуланы С. Жаннган отну ичинде (В полыхающем огне)* / сост. Т.Ш. Биттирова. – Нальчик: Эльбрус, 2009. – С. 111-133. (На кар.-балк. яз.)

REFERENCES

АКХМАТОВА М.А., КЕТЕНЧИЙЕВ М.В. *Kontsept «gnev» v karachayevo-balkarskoy yazykovoy kartine mira* [The concept of "anger" in the Karachay-Balkar linguistic picture of the world]. IN: *Tyurko-mongol'skiy mir: problemy vzaimodeystviya i razvitiya traditsionnoy kul'tury: mat-ly mezhdunarodnoy nauchno-prakt. konf. nauchnykh rabotnikov, prepodavateley obrazovatel'nykh struktur vsekh urovney, aspirantov i magistrantov.* – Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy gos. un-t, 2018. – P. 23–28. (In Russ.).

BOLATLANY (ATABIYLANY) A. *Malk"ar epikaly prozada belgini enchiligi* [Features of the symbol system in Balkar epic prose]. – Nal'chik: Izdatel'skiy otdel IGI KBNTS RAN, 2016. – 156 p. (In Karachay-Balkarian).

GETTUYEV M.I. *Achyk" dzhyurekle* [Open hearts]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoye knizhnoye izd-vo, 1963. – 154 p. (In Karachay-Balkarian).

GETTUYEV M.I. *Yosyuu.* IN: *Gettuyev M.I. Dzhyurekle bla altyn k"olla* [Hearts and golden hands]. – Nal'chik: Kab.-Balk. kn. izd-vo, 1965. – P. 35–41. (In Karachay-Balkarian).

GRIGOR'YEV M.S. *Sotsialisticheskiy realizm v bor'be s modernizmom. CH.1.* [Socialist realism in the struggle against modernism. Part 1.]. – Moscow: Izd-vo VGIK, 1965. – 122 p. (In Russ.).

GURTUYEV B.I. *Asiyatny nekyakhy.* IN: *Gurtuyev B.I. Zhashaunu k"ylynchlary* [Zigzags of life]. – Nal'chik: El'brus, 1988 – P. 210–224. (In Karachay-Balkarian).

SARBASHEVA A.M. *Deaktualizatsiya dukhovnogo naslediya na ehtape stanovleniya balkarskoi literatury v nachale KHKH veka* [Deactualization of spiritual heritage at the stage of formation of Balkar literature at the beginning of the twentieth century]. IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* – 2016. – No 5-1 (59) – P. 21–23. (In Russ.).

SARBASHEVA A.M. *Spetsifika vzaimodeystviya balkarskoi literatury 70–80-kh godov khkh veka s fol'klorom (na materiale povesti «Solntse ne zakhodit Alima Teppeeva»)* [The specifics of the interaction of Balkarian literature of the 70s and 1980s of the twentieth century with folklore (on the material of the story "The Sun does not enjoy Alim Teppeyev)]. IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* – 2017. No 8-1 (74). – P. 38–40. (In Russ.).

SARBASHEVA A.M. *Transformatsiya fol'klornykh traditsii v balkarskoi literature (na materiale prozy)* [Transformation of folklore traditions in Balkar literature (based on the material of prose)]. – Nalchik: Print Tsentr, 2019. – 172 p. (In Russ.).

TOLGUROV Z.KH *V kontekste dukhovnoy obshchnosti* [In the context of spiritual community]. – Nal'chik: El'brus, 1991. – 286 p. (In Russ.).

UZDENOVA F.T. *Spetsifika otrazheniya kartiny mira v poeme (na materiale tvorchestva karachayevo-balkarskikh avtorov)* [The specificity of the reflection of the picture of the world in the poem (based on the work of Karachay-Balkarian authors)]. IN: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedeniye. Zhurnalistika.* – 2009. – No 3. – P. 10–18. (In Russ.).

UZDENOVA F.T., TERPEYEVA KH.M. *Kontrastivy kak osobennost' karachayevo-balkarskoy prozy pervoy poloviny XX veka (na primere tvorchestva S. Khochuyeva)* [Contrasts as a feature of the Karachay-Balkar prose of the first half of the 20th century (on the example of S. Khkhoyev's work)]. IN: *Gumanitarnyye issledovaniya.* – 2021. – No 3 (79). – P. 146–150. (In Russ.).

KHOCHULANY S. *Bu eki k"abyr kimnidile?* [Whose are these two graves?]. IN: Khochulany S. *Zhanngan otnu ichinde.* Comp. T.Sh. Bittirova. – Nal'chik: El'brus, 2009. – P. 111–133. (In Karachay-Balkarian).

Авторну юсюнден

М.Х. Тёпеланы – аспирант;

Ф.Т. Ёзденланы – филология илмуланы доктору.

Информация об авторах

Х.М. Теппеева – аспирант;

Ф.Т. Узденова – доктор филологических наук.

Information about the authors

Kh.M. Terpeyeva – postGraduate Student;

F.T. Uzenova – Doctor of Science (Philology).

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.03.2022 г.; одобрена после рецензирования 21.03.2022 г.; принята к публикации 28.03.2022 г.

The article was submitted 02.03.2022; approved after reviewing 21.03.2022; accepted for publication 28.03.2022.

ФИЛОЛОГИЯ**Литература народов Российской Федерации
(литература народов Северного Кавказа)**

Научная статья

УДК – 821.512

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-140-152

**СПОСОБЫ ПОРТРЕТИРОВАНИЯ
В ПОВЕСТИ Б. МАЗИХОВА «ПОРА ЛИСТОПАДА»****Руслан Хаталиевич Урусов¹, Римма Адиевна Шетова²**¹ Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия¹ urkbr07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8485-1838>² rshetova55@mail.ru

Аннотация. В предлагаемой статье на материале повести кабардинского прозаика Б. Мазихова «Пора листопада» рассматриваются приемы изображения внешности героев. Доказывается, что манера портретирования играет важную роль в передаче одной из сквозных идей повести. В небольшом по объему произведении наблюдается разнообразие средств описания наружности и духовного мира героев, вместе с тем становится очевидной склонность автора к изобразительному лаконизму. В контексте привычных для передачи внешнего впечатления приемов, среди которых соприсутствие разных точек зрения, изображение отдельных либо поступательно нарастающих деталей, особую роль выполняет прием, условно обозначенный как «стертость черт». Характерно, что наибольшая семантическая нагрузка ложится на образы, прорисованные с наибольшей полнотой. Актуальность представленной работы обусловлена тем, что творчество Б. Мазихова в настоящее время остается неисследованным как с точки зрения его поэтики, так и концепции представленной в нем личности.

Ключевые слова: Борис Мазихов; портрет; литературный герой; внешность; внутренний мир; философский подтекст.

Для цитирования: Урусов Р.Х., Шетова Р.А. Способы портретирования в повести Б. Мазихова «Пора листопада» // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 1. – С. 140-152. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-140-152

© Урусов Р.Х., Шетова Р.А., 2022

Original article

**METHODS OF PORTRAITURE
IN THE STORY OF B. MAZIKHOV "IT'S TIME FOR LEAF FALL"**

Ruslan Kh. Urusov¹, Rimma A. Shetova²

¹Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia

¹urkbr07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8485-1838>

²rshetova55@mail.ru

Abstract. In the proposed article, based on the material of the story of Kabardian prose writer B. Mazikhov “It’s Time for leaf Fall”, techniques for depicting the appearance of heroes are considered. This article proves the manner of portraiture plays an important role in the transmission of one of the end-to-end ideas of the story. In a small volume of the work, there is a variety of means of depicting the appearance and spiritual world of the characters, the author’s penchant for pictorial laconism becomes obvious. In the usual techniques for transmitting an external impression, including different points of view, a technique conventionally designated as “erasure of features” plays the image of individual or progressively increasing details. It is characteristic that the greatest semantic load falls on the images drawn with the greatest completeness. The relevance of the presented work is because the work of B. Mazikhov currently remains both in terms of his poetics and the concept of the personality represented in it.

Keywords: Boris Mazikhov; portrait; literary hero; appearance; inner world; philosophical subtext.

For citation: Urusov R.Kh., Shetova R.A. Methods of portraiture in the story of B. Mazikhov “It’s time for leaf fall”. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 1. – P. 140-152 – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-140-152

© Urusov R.Kh., Shetova R.A., 2022

Творчество Бориса Беслановича Мазихова (1940–2020) составило одну из интересных глав истории кабардинской литературы и журналистики. Его достижения в области прозы выходят за региональные пределы. В этом смысле наиболее близко к определению творческой «принадлежности» Б. Мазихова подошла универсальная интернет-энциклопедия «Википедия», назвав его «русский советский и кабардинский писатель, прозаик и журналист».

Библиографию о творчестве писателя составляет немало статей, написанных его собратьями по перу, но в основе этого перечня труды публицистического характера [Хашукоева 2013: 223-224]. Безусловно, преломившее лучшие традиции советской многонациональной прозы, творчество Б. Мазихова сконцентрировало в себе множество приемов и смыслов, достойных аналитического рассмотрения. Мы остановимся на способах портретирования его героев. Материалом для наших наблюдений послужит широко известная повесть «Пора листопада». В 1982 г. она была представлена на кабардинском языке, а в 1988 г. озаглавила опубликованный издательством «Советский писатель» сборник переводных произведений Б. Мазихова.

Манера портретирования – один из способов высказывания писателя о человеке. Принято считать, что в формальном отношении портрет реализуется через прием описания. Словарь «Поэтика...» так его и трактует – «одна из разновидностей описания» [Поэтика... 2008: 176], в то же время «Литературная энциклопедия терминов и понятий» избегает подобной однозначности, указы-

вая на возможность альтернативных средств изображения внешности: «Портрет в литературе – описание *либо создание впечатления* от внешнего облика персонажа, прежде всего лица, фигуры, одежды, манеры держаться...» (курсив наш. – Р.У., Р.Ш.) [Литературная... 2001: 762].

Семантическое разнообразие, обуславливающее собственный стиль в создании портретом или иным писателем, обнаруживается благодаря целому ряду аспектов. Наиболее заметными и теоретически разработанными среди них являются: точка зрения, с которой оценивается внешность героя [Габель 1964: 150-166; Успенский 2005: 142-152], динамика и статика в его изображении; статус внешнего и духовного; проявленная через соотношение внешнего и духовного эволюция, которую претерпел портрет в истории литературы [Башкеева 2008: 140-142; Юркина 2006: 256-263]. Не менее функциональной является, по выражению В.В. Башкеевой, «примыкающая к портрету категория – имя» [Башкеева 2008: 141]. В частности, «предопределенность духовной трансформации главного героя семантикой его имени, а также раскрытие посредством интерпретации имен отдельных персонажей их функций, скрытых в подтексте произведения» [Шетова, Урусов 2017: 58] уже были прослежены нами на примере классического произведения кабардинской литературы.

Если эволюция портрета в европейской и русской литературе предстает как продвижение от нормативной заданности к изобразительной и психологической убедительности, со всеми сопровождающими данный процесс модификациями художественных средств [Юркина 2006: 263], то портрет в кабардинской литературе подчиняется примерно той же логике, но, разумеется, происходит это в собственных временных границах и качественных акцентах. В творчестве писателей-просветителей дореволюционного периода заметно влияние традиций романтизма в изображении человека. Однако это влияние нельзя назвать тотальным, и говорить о нормативности здесь не приходится. Равнение на образец становится нормативным лишь в послереволюционную эпоху. «Так называемые новописьменные литературы, в большинстве своем формировавшиеся на гребне социалистического строя, в реализацию нормативных идеалов включались активно» [Кажарова 2012: 84], и на этом этапе детерминированность наблюдается не только в выборе тем, но и человеческих типажей, а также средств их изображения. Основное внимание уделяется изображению общественных и социальных проблем времени. Литературный герой должен быть образцом для подражания. Это далеко уже не герой фольклора, хотя с ним нового героя сближает то, что они являются носителями народной мечты о лучшей жизни.

Однако с течением времени литературный герой становится более реалистичным, он несет в себе реальные черты современности. Писатели, обращаясь к историческим или современным темам, проникают в сущность событий, в психологию героя нового времени, стремятся к созданию развёрнутых художественных картин новой жизни [Шетова 2015b: 144]. Можно сказать, что уже в 1960-80-х гг. кабардинская проза совершает поворот к внутреннему миру героя (особенно ярко это проявляется в творчестве А. Кешокова, Х. Теунова, Ад. Шо-

генцукова), и отражение исторических событий становится неотделимым от психологического исследования характера героя [Шетова 2015а: 71].

Б. Мазихов приходит в литературу в середине 1960-х гг., когда в советской прозе начинает постепенно завоевывать позиции метод, который исследователи справедливо назовут «соцреализм с человеческим лицом». Культурные сдвиги, которыми отмечен период «оттепели», дают свободу отойти от героя-носителя нравственного максимализма и повернуться к человеку без прикрас, со всеми его противоречиями и сомнениями. В произведениях С. Залыгина, Б. Можаяева, Д. Гранина, Ч. Айтматова, Г. Полонского, А. Гельмана и целого ряда других писателей типы положительного героя, утвердившиеся на предыдущем этапе развития советской литературы, либо подвергаются эстетической ревизии, либо претерпевают существенную трансформацию [Лейдерман, Липовецкий 2003: 30]. Разумеется, с отказом от пафосности меняется и манера изображения человека. Образно выражаясь, «парадный портрет» героя становится не актуален. «Тихая лирика», определяющая поэзию этого периода, не минует и прозу, придавая ей философское звучание, направляя русло читательского внимания к вопросам человеческой духовности.

Не ошибемся, если скажем, что самое заметное качество повести Б. Мазихова, проявленное уже на первом уровне ее восприятия – это философичность. Осеннее время года и «осенняя пора» в жизни героя составляют прямую аналогию, проходящую через все повествование, определяющую его заглавие и финал. К размышлениям о смысле жизненного пути, его итогах, будут подводить разные эпизоды.

Сюжетная линия повести выстроена вокруг поездки главного героя, Кургоко, к недавно обнаруженной могиле сына, погибшего в войну. Конечно, все, что связано таким событием, преисполнено драматизма и высокого смысла, но в целом писатель показывает вполне стандартную для своего времени ситуацию. То же касается и внешности героев. Они изображены в этой ситуации вполне типично. Очень тонко эту типичность подметила и оценила С.М. Моттаева, увидев в сюжете и герое повести близость к фильму С. Закариадзе «Отец солдата». Главный герой повести, говорит она, продолжает «галерею канонических отцов, воспитавших в своих сыновьях любовь к земле, своему народу, к родине, наконец» [Моттаева 2011: 51]. Слагаемые подобного рода типичности и емкость транслируемого ею смысла проясняются в контексте наблюдений Е. Фарино над способами изображения человеческого облика в литературе: «Внешний вид персонажа свидетельствует об обществе в целом, о той концепции человека в нашем обществе, которой мы руководствуемся, но которую мы сами вряд ли осознаем» [Фарино 2004: 167]. В своем совпадении с актуальной на период появления повестиконцепцией человека, Кургоко, действительно, – канонический отец советского солдата, но, помимо этого, он воплощает универсальную идею стойкости духа перед разрушительной силой времени. При чем манера портретирования играет не последнюю роль в передаче этой идеи.

Необходимый модус восприятия главного героя задается сразу же, с первых строк повести. «Признаки» старости (рассеянность и растерянность, покряхтывание) переплетены с тем, что им противоречит (быстрые движения):

«Кургоко проснулся от стука в дверь, как-то не сразу сообразив, что его разбудило, и сонно озирался. Вскрикнув: «Ой, проспал!» выскочил из постели и не по возрасту шустро засеменил босыми ногами по дощатому полу. Зябко поеживаясь и побряхтывая, откинул крючок, на который была заперта дверь» [Мазихов 1988: 4]. Передающий движения и внутренние состояния набросок в дальнейшем будет дополняться иными деталями, однако мелькнувшее было в самом начале качество – бодрость, вроде как еще не покинувшая отягощенного годами человека, – будет лишь спадать, ослабляться, вызывая у читателя сочувствие к герою. Этот спад изображен с двух точек зрения: внутренней – это взгляд самого Кургоко – его предчувствия, сны, воспоминания, и внешней – взгляд на Кургоко его внука, Алихана, и самого повествователя. В том и другом случае преобладают черты, усиливающие впечатление немощи, близкого конца. Продемонстрируем сказанное рядом примеров: ««А я-то хорош, заснул мертвецким сном...» Мрачное это сравнение испугало его: «Валлахи, что бы это значило? В народе говорят, с приближением смерти у человека появляется аппетит и крепкий сон» [Мазихов 1988: 5]; «Вернувшись, парень ужаснулся безжизненной бледности, покрывавшей лицо старика. Тот сидел с открытыми глазами, но, вероятно, ничего не замечал вокруг. Губы у него посинели, жидкие усы уныло обвисли, и, если бы не поза, в которой он сидел, его можно было бы принять за покойника» [Мазихов 1988: 7]; «Кургоко утомился, глаза его непроизвольно закрылись, нижняя челюсть слегка отвисла, и маленькая, покрытая белым пухом голова упала на высохшую грудь. Так, сидя на вагонной койке, он и заснул» [Мазихов 1988: 27]. Состояние Кургоко в заключительном эпизоде, где он показан стоящим у могилы сына, как бы доводит до логического завершения этот образ нисходящих жизненных сил: «Дрожащие руки отца коснулись холодного камня надгробия, и силы оставили его. Если бы не поддержка, он бы рухнул возле памятника братской могилы, где покоился прах его единственного сына» [Мазихов 1988: 32]. Седая голова, облезлые усы, бледная, безжизненная улыбка, семенящая походка, дрожащие руки – внешние признаки, которые упоминаются в разных эпизодах повести, подчеркивая в облике главного героя «возраст осени». При этом писатель всего лишь отмечает отдельные детали, но этого достаточно для того, чтобы остальное было легко «дорисовано» читателем. Как замечает в этой связи И.А. Кажарова, «детали, как правило, выполняют вспомогательную функцию, подчиняются чему-то большему, отчего их рассмотрение нуждается в движении от уже обозначенного смыслового целого, в процессе чего значения вспомогательных элементов «вылепливаются» контекстом» [Кажарова 2003: 50]. В минимуме деталей – худые, натруженные руки, морщинистое лицо – представлена и внешность Дадух, покойной супруги Кургоко. Но в изображении обоих смысловой упор делается на то, что старость и кончина отнюдь не равнозначны небытию. Это и есть смысловое целое, которому подчиняются высвечиваемые автором детали. Для выражения этого индивидуализация внешности героев не нужна, и писатель ограничивается лишь отдельными штрихами.

Сложилось так, что долгожданная весть о сыне застала Кургоко на последнем отрезке земного пути. За плечами целая жизнь, и важное событие, что слу-

чилося под ее занавес, воспринимается через призму прожитого, раскрывая внутренний мир героя, те завоевания духа, с которыми он подходит к рубежу, за которым уже ничего не разглядеть. Кургоко постиг в этой жизни что-то очень важное, и в прерывистых высказываниях будто силится облечь это важное в слово, сообщить своему внуку Алихану. Ради этого он пересказывает разные эпизоды жизни, обнажая и свои нравственные убеждения. Но, пожалуй, квинтэссенцией его духовных завоеваний становятся размышления о прочности жизненных основ, и о том, как порой необъяснимо эти основы проступают во внешнем облике человека.

Внешность, портрет, во всем многообразии своего выражения – это, в конечном счете, частность, включенная в целое более высокого уровня. Все эпизоды и обслуживающие их образы «Поры листопада» приводит к единству идея возрождения, распознанная героем в цикличности жизни.

Надо сказать, что более интенсивно осень жизни Кургоко предстает на контрасте с образом внука, Алихана. Этот контраст существует как на уровне внешних, так и на уровне духовных черт героев. Здоровье, молодость, воодушевление Алихана подчеркиваются в повести неоднократно. При этом использован примерно тот же тип изобразительности, что и в образе Кургоко: Алихан показан в основном через жесты и движения. Примечательно, что черты его лица так и остаются неизвестными для читателя, однако к ним приковано внимание Кургоко, для него в этих чертах таится особый смысл. Лицо Алихана «охарактеризовано» лишь раз, причем в момент, когда тот погружен в сон. В отличие от того, как запечатлено лицо Кургоко, здесь не упомянуты никакие детали, Б. Мазихов ограничивается только передачей общего впечатления: «Лицо его было безмятежным и дышало здоровьем. Старик любовно его разглядывал и тихо радовался этой крепкой надежной поросли, которая сулила вырасти в красивое могучее дерево» [Мазихов 1988: 15]. Для старика важно читаемое в лице внука сходство с погибшим на войне сыном, Хабилой. Именно это сходство символизирует для Кургоко непрерывность рода и собственной жизни. Но поразителен прием, который использует автор, воссоздавая этот символ. Этот прием можно определить как «стертость черт». Дело в том, что на самом деле Кургоко уже трудно припомнить лицо своего сына. Он уже не может уверенно сказать, «не переносит ли черты внука на воображаемое лицо сына» [Мазихов 1988: 9]. Есть увеличенная и отретушированная фотография, которая висит на видном месте в доме Кургоко, но понять, каков на самом деле был Хабила, по ней невозможно: «А от него только и осталось, что фотография, так его и тогда было трудно на ней признать – до того шельмец-фотограф перестарался.

– Верно, нарядили его тогда, волосы прилизали, а потом еще, зная, подкрасил чем, скаженный, что б ему пусто было, хвотографу тому» [Мазихов 1988: 18]. Однако парадоксальным образом Кургоко усматривает в лице Алихана черты лица Хабилы: «И впрямь похож на Хабилу, – в который уже раз отмечает он, – и еще на своего прадеда, на моего отца. Наша кровь, наш род. Нет, не суждено ему угаснуть. Бог даст, народится новое поколение, дети моих внуков, а у них еще другие – и так до окончания веков... Будет ли кто-нибудь по-

хожий на меня? В точности, может, и не будет, а все же повторятся мои черты, что-то от меня самого, от характера, от сердца, от души» [Мазихов 1988: 14]. Сходство, в которое свято верит Кургоко, дает опору его вере в бесконечность жизни, своей в том числе. Но если бы дело заключалось лишь в привычной смене и преемственности поколений, философский подтекст «Поры листопада» опасно приблизился бы к констатации банальных истин.

В сходстве, которое так упорно отмечает Кургоко, задействовано несколько необычное обстоятельство. Дело в том, что Алихан, для которого, по словам повествователя, Кургоко «не только дед, но как бы еще и отец», приходится сыном не Хабиле, а его двоюродному брату – Хажисмелу. Одинокий, оставшийся без собственного крова Хажисмел волей судьбы и по согласию родителей Хабилы стал мужем их овдовевшей невестки, Хафисат. За плечами Хажисмела война, концлагерь, тюрьма, однако все это словно гасится некоей призрачностью его образа. Не только внешний облик Хажисмела, но и его личность сильно затушеваны. Вроде он есть, а вроде и нет его; вроде нашел свое место в жизни, а вроде и проживает чужую жизнь: «Хажисмел всегда молчалив, скрытен, ни во что не вмешивается, и меньше всего в воспитание детей; То ли уж слишком поломали Хажисмела, помудрили над ним во времена его молодости, но был он в чем-то ущербный, как бы придавленный. Деда стеснялся, так и не сумев почувствовать себя его приемным сыном; с женой был всегда насторожен, будто вот-вот откроется дверь и появится ее законный муж, а его прогонят. Ощущение это не покидало его всю жизнь, все мнилось ему, что он чужой, занял чье-то место не по праву. Даже для детей своих он оставался как бы дядей, не чужим, но и не родным [Мазихов 1988: 22]. Причем никакой альтернативы, в которой Хажисмел смог бы себя проявить (а судя по его биографии, это было бы логично), в повести нет, герои и повествователь в восприятии его образа единодушны: внешний облик Хажисмела не отмечен и намеком на индивидуализацию, характер, попросту говоря, никакой. Как замечает В.В. Башкеева, проблема портрета в том, чтобы понять *момент встречи* внутреннего человека с внешним. Только тогда возможен портрет как эстетическая категория [Башкеева 2008: 141]. В данном случае автор настолько тщательно стирает черты Хажисмела, что даже не показывает их в отражении Хафисат, которой тот когда-то сумел приглянуться. В то же время образ самой Хафисат показан через элементарное соотношение телесного и духовного.

«В разные времена составляющие оппозиции «душа/тело» оценивались по-разному, но, наверное, не будет ошибочным утверждение, что душа в культурной рефлексии гораздо чаще оказывается «положительнее» тела [Кажарова 2013: 46]. В согласии с этими предпочтениями Хафисат изначально показана через внешнюю красоту, и следом же эта красота экстраполируется на область духа. Сначала Хафисат отражается в глазах своего свекра, Кургоко, который воспринимает ее облик в понятиях, одухотворяющих ее как потенциальную носительницу ростков будущей жизни: «Она была молода, свежа и как бы создана для того чтобы рожать и растить детей, а ей приходилось выполнять тяжелую мужскую работу да еще тащить на себе весь дом. Глядя на нее, Кургоко думал, сколько здоровых, красивых внучат могла бы она нарожать, но вот осталась

бесплодной, точно покинутая и заросшая бурьяном пашня» [Мазихов 1988: 10]. Ее внешняя привлекательность (по поводу которой она сама уже сильно сомневается) не иссякает, поскольку дополняется красотой ее души:

«– Много ли в прошлом-то у тебя, красавица ты моя ненаглядная!

– Уж какая там красавица, одни кости да кожа!

– А душа?

– Про что это вы?

– Душа-то, говорю, у тебя какая – сокровище!» [Мазихов 1988: 11].

О привлекательности Хафисат говорит также и то, что многие в селе заглядываются на нее. Среди них даже намечаются претенденты на ее руку. Она красива, любима и оберегаема родителями своего погибшего мужа. Ей не приходится особо роптать на судьбу и искать для себя лучшей доли. Потому резонно предположить, что столь гармоничная женщина вряд ли решилась бы принять в спутники жизни ничего не представляющего из себя человека.

Хажисмел не привлекает внимания даже самых близких ему людей, и манера, в которой он изображен, такова, что не позволят задержаться на нем вниманию читателя. Писатель словно нарочно затушевывает облик Хажисмела для того, чтобы не было никаких помех для веры Кургоко в ту мудрость бытия, которая ему открылась. Ведь при всей ее кажущейся отвлеченности в ней должно найтись место для доказательства того, что побег новой жизни, который некогда пустил именно он, Кургоко, не погиб: «Любопытная штука – жизнь. У иногo родные дети ни в мать, ни в отца, и вдруг вынырнет в роду точная копия дедушки или прабабушки. А то еще случается: у жены, потерявшей мужа, родится от другого мужчины точная копия первого, хоть его и нет в живых; как так – не понятно. Косят ее, калечат, бьют, рубят под корень, а она все множится и ширится, человечья рать. И нет такого горнила, через которое она не прошла бы, нет такой пропасти, какую бы ни одолела – это уж точно!» [Мазихов 1988: 15].

Наибольшей живописностью выделяются портретные характеристики двух второстепенных персонажей – кладбищенского сторожа Хамида и дворника Алхаса. Образ Хамида возникает спонтанно, он никак не связан с сюжетной линией произведения, но его портрет, в отличие от других, самый подробный. Хамид показан в полусне Кургоко. Сначала набрасывается несколько черт, касающихся его образа жизни, а по сути, характеризующих его натуру. Хамид не просто следит за состоянием сельского кладбища, а, как выражается автор, «опекает» его, не дает зарости бурьяном, знает и помнит о тех, кто покоится на его территории, следит, чтобы все было в порядке. Денег ему не платят, да он и не взял бы. Хамид живет честным трудом, возделывая окрестные земли. Немало о его внутреннем мире говорит и то, что он по собственному почину и с помощью школьников разбил парк на сельском пустыре. Причем «должность» Хамида, как, наверняка и отношение к миру, у него наследственные. «И отец и дед его были сторожами». Очень подробно представлена неординарная внешность Хамида. «Хамида трудно спутать с кем-либо из сельчан, есть в нем что-то особенное, возможно отпечаток его близости к делам печальным. Длиннен он невероятно и столь же удивительно худ, лицо его – кожа да кости, а выражение

всегда грустное. Улыбаться он не умеет. Голову носит понуро, будто стесняется своей должности и хочет казаться незаметнее. Когда-то рыжая борода его вылиняла, а усы стали на изумление похожи на два пучка высушенной травы. Но человек он хороший, в селе его уважают, даже слегка побаиваются по причине странных его занятий и близости к покойникам.

Но что самое удивительное – хмурая его внешность не мешает Хамиду быть большим шутником» [Мазихов 1988: 27-28]. Подмеченная в конце этого описания черта, как кажется, создает контраст между хмурой внешностью и веселым нравом персонажа, однако, передавая одну из сцен, в которой проявляется эта «веселость», повествователь дает понять, что контраст вообще-то мнимый. На самом деле Хамид и не думает шутить, «говорит серьезно и вроде дело, а все за бока хватаются» [Мазихов 1988: 29].

Хамид, как мы уже сказали, персонаж второстепенный, с ним никак не связан ход событий, однако он оказывается антиподом другого колоритного персонажа. Тот упомянут в повести вслед за Хамидом – дворник Алхас, первый человек, которого Кургоко и Алихан видят по приезду в город, где находится памятник погибшим солдатам. Формальное сходство есть. Поначалу может представиться, что наводящий уличную чистоту великан Алхас сродни долговязому Хамиду, который «следит, чтобы все было в порядке»: «В этот момент из-за угла появился дюжий мужчина в фартуке и с огромной метлой на палке, которой он принялся ретиво ерзать по асфальту, и без того омытому дождем до блеска» [Мазихов 1988: 29]. Но выясняется, что это усердие вовсе не из любви к порядку, просто «так положено» согласно установленному расписанию. Алхас получает заработок и тратит его, главным образом, на выпивку. Полный тоски и безысходности внутренний мир персонажа раскрывается в его повествовании о своем житье-бытье. Унылое жилище Алхаса, в которое он радушно приглашает Кургоко и Алихана, будто психологический этюд его внутреннего бытия: неприбранная постель, куча нестиранного белья, остатки еды и грязная посуда. Так же, как и в изображении Хамида, духовный портрет Алхаса отпечатывается на его микромире. Примечательно, что реалистичность этого микромира, равно как и внутреннего состояния персонажа, обеспечивается не только зрительными, но и обонятельными деталями: «Воздух был затхлым, с сильным чесночным духом. На полу возле кровати стояла пепельница со зловонными окурками» [Мазихов 1988: 30]. Портрет дворника Алхаса – тоже в своем роде метафора поры листопада, только его осень не способна утешить урожаем, Алхас сам раньше времени подтолкнул себя к ней.

У каждого художника свой диапазон изобразительности портретных черт, Судить о нем позволяет взаимодействие визуальных и психологических характеристик, а также степень полноты, с которой изображается облик героя. В небольшом по объему произведении Б. Мазихова можно наблюдать использование различных приемов портретирования, но чертой, объединяющей их, можно назвать эскизность внешнего облика, склонность к изобразительному лаконизму. Полное описание внешности дается в повести лишь раз, и выделяет оно второстепенного героя. Во всех остальных случаях Б. Мазихов использует детали, количество которых может постепенно нарастать (образ Кургоко), или

ограничиваться абсолютным минимумом (Алихан). Портрет, либо его беглый набросок (Дадух, Хафисат, Хажисмел) создается при помощи отдельных и, в основном, характерных деталей. Так, портрет главного героя, Кургоко, визуально и психологически представляет собой совершенно традиционный образ старца. Но наряду с этим можно наблюдать и необычные приемы портретирования. Такова «стертость черт» Хабилы и Хажисмела. Исканность фотографии давно погибшего Хабилы и почти призрачный образ Хажисмела обнаруживают разное смысловое наполнение, но их объединяет то, что отсутствие четкости обоих усиливает отчетливость того, что хочет видеть и во что верит Кургоко. Облик, его способность повторяться в представителях разных поколений одного рода, выступает важным аргументом веры Кургоко в бесконечность жизни.

Характерно, что значительная семантическая нагрузка ложится на образы, прорисованные с наибольшей полнотой. Поступательность в изображении старца Кургоко смыкается с мотивом достойной встречи конца земного пути, в то же время представленный в развернутом описании Хамид символично сводит концы («опекаемое» им кладбище) и начала (возделываемые им земли, очищаемый для будущего парка пустырь), тем самым усиливая смысловую глубину «Поры листопада».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Башкеева 2008 – *Башкеева В.В.* Портрет как проблема // Вестник Бурятского государственного университета. – 2008. – № 10. – С. 139-143.

Габель 1964 – *Габель М.О.* Изображение внешности лиц // Белецкий А.И. Избранные труды по теории литературы. – М.: Просвещение, 1964. – С. 149-169.

Кажарова 2013 – *Кажарова И.А.* Оппозиция «душа/тело» в адыгской поэзии // Человек. – 2013. – № 1. – С. 46-62.

Кажарова 2012 – *Кажарова И.А.* Противоречивость идеала в эстетической рефлексии 1940-50-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 12-2 (26). – С. 84-88.

Кажарова 2003 – *Кажарова И.А.* Художественно-философское осмысление человека и истории в адыгской поэзии (1970-90 гг.). Дисс. ... канд. филол. н. – Нальчик, 2003. – 146 с.

Лейдерман, Липовецкий 2003 – *Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н.* Современная русская литература: 1950–1990-е годы. В 2 т. Том 2: 1968–1990. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 688 с.

Литературная... 2001 – *Литературная* энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 с.

Мазихов 1988 – *Мазихов Б.* Пора листопада. Повести, рассказы. – М.: Советский писатель, 1988. – 271 с.

Моттаева 2011 – *Моттаева С.М.* Под сенью муз: Статьи, эссе, интервью. – Нальчик: Эльбрус, 2011. – 216 с.

Поэтика 2008 – Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – 358 с.

Успенский 2005 – Успенский Б.А. Семиотика искусства: Поэтика композиции. Семиотика иконы. Статьи об искусстве. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 360 с.

Фарино 2004 – Фарино Е. Введение в литературоведение. – СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. – 639 с.

Хашукоева 2013 – Хашукоева Ф.М. Черкесское (адыгское) литературоведение (на материале Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и черкесского зарубежья): библиографический указатель. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2013. – 424 с.

Шетова 2015а – Шетова Р.А. О специфике жанра исторического романа в кабардинской литературе (Х. Теунов «Род Шогемоковых») // Наследие веков. – 2015. – № 2. – С. 68-71.

Шетова 2015b – Шетова Р.А. О художественном своеобразии литературного героя в прозе Хачима Теунова // Литературное обозрение: история и современность. – 2015. – № 5 (5). – С. 143-145.

Шетова, Урусов 2017 – Шетова Р.А., Урусов Р.Х. Символика и номинология повести Х.И. Теунова «Аслан» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 2-2 (68). – С. 56-58.

Юркина 2006 – Юркина Л.А. Портрет // Введение в литературоведение: Учебное пособие / Ред. Л.В. Чернец. – М.: Высшая школа, 2006. – С. 251-263.

REFERENCES

BASHKEEVAV.V. *Portret kak problema* [Portrait as a problem]. IN: Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2008. – № 10. – S. 139-143. (In Russ.).

FARINO E. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to Literary Studies]. – Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RGPU im. A.I. Gertsena, 2004. – 639 s. (In Russ.).

GABEL' M.O. *Izobrazhenie vneshnosti lits* [Image of the appearance of faces]. IN: Beletskii A.I. *Izbrannye trudy po teorii literatury* [Selected works on literary theory]. – Moscow: Prosveshchenie, 1964. – S. 149-169. (In Russ.).

KAZHAROVA I.A. *Khudozhestvenno-filosofskoe osmyslenie cheloveka i istorii v adygskei poezii (1970-90 gg.)* [Artistic and philosophical understanding of man and history in Adyghe poetry (1970-90)]. *Diss. ... k. filol. n.* – Nalchik, 2003. – 146 s. (In Russ.).

KAZHAROVA I.A. *Oppozitsiya «dusha/telo» v adygskei poezii* [The "soul/body" opposition in Adyghe poetry]. IN: *Chelovek*. – 2013. – № 1. – S. 46-62. (In Russ.).

KAZHAROVA I.A. *Protivorechivost' ideala v esteticheskoi refleksii 1940–50-kh gg.* [The inconsistency of the ideal in the aesthetic reflection of the 1940s-50s.]. IN: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. – 2012. – № 12-2 (26). – S. 84-88. (In Russ.).

KHASHUKOEVA F.M. *Cherkesskoe (adygske) literaturovedenie (na materiale Kabardino-Balkarii, Karachaevo-Cherkessii i cherkesskogo zarubezh'ya): biblio-*

graficheskii ukazatel' [Circassian (Adyghe) literary studies (based on the material of Kabardino-Balkaria, Karachay-Cherkessia and Circassian abroad): bibliographic index]. – Nalchik: ООО «Tetragraf», 2013. – 424 s. (In Russ.).

LEIDERMANN L., LIPOVETSKII M.N. *Sovremennaya russkaya literatura: 1950 – 1990-e gody* [Modern Russian Literature: 1950-1990s]. In 2 volumes. Vol. 2: 1968 – 1990s. – Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2003. – 688 s. (In Russ.).

Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii [Literary Encyclopedia of terms and concepts] / pod red. A.N. Nikol'yukina. – Moscow: NPK «Intelvak», 2001. – 1600 s. (In Russ.).

MAZIKHOV B. *Pora listopada. Povesti, rasskazy* [It's time for leaf fall. Novellas, short stories]. – Moscow: Sovetskii pisatel', 1988. – 271 s. (In Russ.).

MOTTAEVA S.M. *Pod sen'yu muz: Stat'i, esse, interv'yu* [Under the shadow of the Muses: Articles, essays, interviews]. – Nalchik: El'brus, 2011. – 216 s. (In Russ.).

Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatii [Poetics: dictionary of current terms and concepts]. – Moscow: Izdatel'stvo Kulaginoi; Intrada, 2008. – 358 p. (In Russ.).

SHETOVA R.A. *O khudozhestvennom svoebrazii literaturnogo geroya v proze Khachima Teunova* [About the artistic originality of the literary hero in the prose of Khachim Teunov]. IN: *Literaturnoe obozrenie: istoriyaisovremennost'*. – 2015. – № 5 (5). – S. 143-145. (In Russ.).

SHETOVA R.A. *O spetsifike zhanra istoricheskogo romana v kabardinskoj literature (Kh. Teunov «Rod Shogemokovykh»)* [On the specifics of the genre of the historical novel in Kabardian literature (X. Teunov "The Shogemokov Family")]. IN: *Nasledie vekov*. – 2015. – № 2. – S. 68-71. (In Russ.).

SHETOVA R.A., URUSOVR.KH. *Simvolika I nominologiya povesti Kh.I. Teunova «Aslan»* [Symbolism and nominology of the story of H.I. Teunov "Aslan"]. IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. – 2017. – № 2-2 (68). – S. 56-58. (In Russ.).

USPENSKII B.A. *Semiotika iskusstva: Poeti kak ompozitsii. Semiotika ikony. Stat'i ob iskusstve* [Semiotics of Art: The poetics of composition. Semiotics of the icon. Articles about art]. – Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2005. – 360 s. (In Russ.).

YURKINA L.A. *Portret* [Portrait]. IN: *Vvedenie v literaturovedenie: Uchebnoe posobie* / Ed. by L.V. Chernets. – Moscow: Vysshaya shkola, 2006. – S. 251-263. (In Russ.).

Информация об авторах

Р. Х. Урусов – старший преподаватель.

Р. А. Шетова – кандидат филологических наук.

Information about the authors

R.H. Urusov – Senior Lecturer.

R.A. Shetova – Candidate of Science (Philology).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.02.2022 г.; одобрена после рецензирования 14.03.2022 г.; принята к публикации 21.03.2022 г.

The article was submitted 21.02.2022; approved after reviewing 14.03.2022; accepted for publication 21.03.2022.

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на книгу

УДК 94(47)

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-153-159

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: КАНДОР Р.С. ПРОЦЕСС ИНКОРПОРАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ ФОРМ УПРАВЛЕНИЯ АДЫГОВ (ЧЕРКЕСОВ) СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В СТРУКТУРУ РОССИЙСКОЙ АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ (XIX – НАЧАЛА XX В.). – МАЙКОП: ИЗД-ВО «МАГАРИН О.Г.», 2020. – 352 с.

Юрий Дмитриевич Анчабадзе^{1,2}

¹ Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Москва, Россия, anchabadze@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7721-841X>

² Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии, Сухум, Абхазия

Аннотация. Рецензия на книгу Р.С. Кандора «Процесс инкорпорации традиционных форм управления адыгов (черкесов) Северо-Западного Кавказа в структуру российской административно-политической системы (XIX – начала XX в.)» рассматривает основные исследовательские выводы монографии. Отмечается актуальность и высокий уровень научной работы. Утверждается, что автор дал фундированный анализ специфики взаимодействия традиционной и имперской политических систем в процессе инкорпорации адыгов в административные структуры Российской империи. Делается вывод, что монография является значительным и весомым исследовательским вкладом в адыговедение.

Ключевые слова: Адыги, Российская империя, политическая система, традиции, взаимодействия, инкорпорация.

Для цитирования: Анчабадзе Ю.Д. Рецензия на книгу: Кандор Р.С. Процесс инкорпорации традиционных форм управления адыгов (черкесов) Северо-Западного Кавказа в структуру российской административно-политической системы (XIX – начала XX в.). – Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2020. – 352 с. // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 1. – С. 153-159. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-153-159

© Анчабадзе Ю.Д., 2022

Book Review

THE REVIEW OF THE BOOK: CANDOR R.S. THE PROCESS OF INCORPORATION OF TRADITIONAL FORMS OF ADMINISTRATION OF THE ADYGS (CIRCASSIANS) OF THE NORTH-WEST CAUCASUS INTO THE STRUCTURE OF THE RUSSIAN ADMINISTRATIVE-POLITICAL SYSTEM (XIX – EARLY XX C.). - MAYKOP: PUBLISHING HOUSE "MAGARIN O.G.," 2020. – 352 P.

Yurii D. Anchabadze^{1,2}

¹ Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklukho-Maklay of the Russian Academy of Sciences, Москва, Russia, anchabadze@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7721-841X>

² Abkhaz Institute for Humanitarian Research named after D.I. Gulia Academy of Sciences of Abkhazia, Sukhum, Abkhazia

Abstract. Review of the book by R.S. Kandor “The process of incorporation of traditional forms of government of the Adygs (Circassians) The North-Western Caucasus in the structure of the Russian administrative and political system (XIX - early XX century.)” examines the main research conclusions of the monograph. The relevance and high level of scientific work is noted. It is stated that the author gave a well-founded analysis of the specifics of the interaction of traditional and imperial political systems in the process of incorporation of the Adygs into the administrative structures of the Russian Empire. It is concluded that the monograph is a significant research contribution to the Adyge studies.

Keywords: Adygs, Russian Empire, political system, traditions, interactions, incorporation.

For citation: Anchabadze Y.D. The review of the book: Candor R.S. The process of incorporation of traditional forms of administration of the Adygs (Circassians) of the North-West Caucasus into the structure of the Russian administrative-political system (XIX – Early XX c.). – Maykop: Publishing house "Magarin O.G.," 2020. – 352 p. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2022. – № 1. – P. 153-159. – DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1-153-159

© Anchabadze Y.D., 2022

Вхождение Кавказа в состав Российской империи проходило на протяжении длительного исторического периода и осуществлялось разными путями, среди которых силовое подчинение народов и земель сочеталось с мирными методами инкорпорации новых территорий в государственное и цивилизационное пространство Российского государства. Важнейшим механизмом реализации этого процесса стало внедрение имперской управленческой системы в местную административную практику, включение новоприобретенных регионов в вертикаль государственной власти. В то же время этот процесс не был линейным. Его течение было связано с конкретными реалиями военно-политической обстановки на Кавказе на протяжении XIX в. и в значительной степени с наличием в регионе индигенных властных и управленческих традиций, которым предстояло вступить во взаимодействие с укоренявшимися в регионе имперскими структурами государственного управления – процесс, который Р.С. Кандор определил, как *инкорпорация*.

Всем сложносоставным и полиэтничным государствам суждено проходить значительный исторический путь по инкорпорации и интеграции различных частей и земель в единый организм, постоянно выбирая для достижения цели различные пути эволюции – от тотальной и всеобщей унитаризации до многообразных форм федерализации внутреннего пространства страны. Современная Российская Федерация, выбравшая второй путь развития, должна учитывать предшествующий опыт, в том числе периода формирования территориального

и этнического состава страны. Одному из региональных аспектов этого процесса посвящено рассматриваемое исследование.

Р.С. Кандор закономерно начинает с традиционной структуры управления у адыгов (черкесов) Северо-Западного Кавказа в XIX – начале XX вв., представив полновесные описания и анализ его основных элементов. Автор подробно рассматривает социальную структуру западноадыгского общества, классово-социальные страты и прослойки, их права, взаимобязанности и взаимоотношения. Очень подробный и показательный материал представлен автором в описаниях конкретных случаев, в которых проявились действие общеправовых норм в сфере властвования и управления. При этом Р.С. Кандор показал, что эти структуры не были застывшими, неподвижными, или окостеневшими, так как коррелировали с трансформациями экономического и политического базиса социума.

Примеров этому Р.С. Кандор приводит достаточно, в том числе не только в контексте достаточно хорошо изученных в предшествующей историографии особенностей «аристократических» и «демократических» форм правления в социумах Западной Черкесии, но прослеживая более глубокие процессы изменений в системе политической культуры. Так, автор делает важный вывод, что трансформация традиционной системы управления «сопровождалась у абадзехов, натухаевцев и шапсугов упадком традиционной вотчинной организации и широким распространением мелких тльфокотльских вотчин. Дворяне у “демократических” черкесских субэтносов превращаются в мелких вотчинников, власть которых не простирается дальше их усадеб, населенных родственниками и зависимыми сословиями» [Кандор 2020: 112-113].

Р.С. Кандор обращает внимание на еще один фактор – исламский, который в данном случае своей норматикой играл немаловажную роль в функционировании традиционных институтов власти.

Таким образом, к периоду вступления Западной Черкесии в состав Российской империи здесь сформировались множественные традиции политической культуры, основанной на многовековом опыте исторического развития адыгов. С рубежа XIX в. начался растянутый практически на полстолетия процесс непосредственного вхождения адыгов в подданство государства с совершенно иной социальной и управленческой структурой, а затем и дальнейшего развития в составе Российского государства.

Этот процесс стал предметом тщательного исследовательского анализа. Анализируя становление новой административной системы в регионе, Р.С. Кандор показал, что этот процесс не был линейным – соответственно его интересуют обе линии развития. С одной стороны, в работе в хронологической последовательности воссозданы этапы внедрения в регионе новых имперских административно-управленческих структур и институций (системы военного управления с организацией приставских и окружных органов и др.). С другой, показана трансформация традиционной системы управления социальной организации адыгов на фоне ее инкорпорации в рамках становления в регионе российской административной системы. При этом Р.С. Кандор показал, как взаимодействовали обе нормативные системы, как протекал процесс внед-

рения нового нормативного комплекса, который во многом менял устоявшиеся основы быта и мировоззрения адыгов Северо-Западного Кавказа, оттеснял и суживал сферу действия традиционных управленческих структур.

В этом контексте в качестве важных исследовательских достижений автора я бы назвал предложенную им периодизацию рассматриваемого процесса. Специфику каждого выделенного этапа Р.С. Кандор усматривает в сущностном влиянии преобразований на устои горской жизни в таком важном их аспекте как нормативные традиции властвования и управления.

По существу, цель проводившихся на Кавказе административно-управленческих реформ сводилась к тому, чтобы минимизировать влияние традиционных институтов на общественный и политический быт кавказских горцев. Но для успешного претворения этой задачи необходимо было основательное знание основ традиционной жизни местных народов. Значительная часть кавказских администраторов, к счастью, это понимала, и в противовес имевшим хождения залихватским планам умиротворения Кавказа, когда вслед за полной и окончательной военной победой над горцами должно было последовать столь же однозначное подчинение региона новой управленческой структуре, вызревало понимание необходимости более продуманной программы действий, основанной на знании исторической, социальной и ментальной специфики местного населения. Отсюда, например, масштабная работа, проводившаяся в 1830-1850-х гг. по фиксации норм обычного права кавказских горцев – это был важный материал для принятия административных и управленческих решений.

Между тем, очень часто данное обстоятельство ускользает от внимания исследователей. Поэтому важно, что Р.С. Кандор акцентировал достаточно осторожный подход к этой сфере народной жизни царской администрации, которая понимала, что жесткая и бескомпромиссная ломка привычных устоев не приведет к желаемым результатам. Вследствие этого важной составляющей реформ на Кавказе стал учет этнических и культурных факторов, без которого успех преобразований в регионе мог быть поставлен под сомнение.

Р.С. Кандор весьма убедительно показал это на ряде примеров. Собственно говоря, само введение на территории Кавказа системы военно-народного управления, резко отличного от административной практики в остальных землях империи, было вызвано не только условиями еще продолжавшейся Кавказской войны, как это обычно объясняется в нашей литературе, но и пониманием задач управления региона с иноэтничным, инославным и инокультурным населением, которое предстояло ввести в круг российского законодательства и общероссийской гражданственности. При этом система военно-народного управления не предусматривала тотального уничтожения традиционной системы управления. Как показал Р.С. Кандор, у западных адыгов сохранялись привычная управленческая структура, представленная уалиями, кадиями, владельческо-старшинской прослойкой, муртазаками, устоявшимися традициями судопроизводства и др.

Введенное позднее «Положение об аульных обществах и горском населении», многими исследователями рассматривается как показатель установления государственно-полицейского контроля и произвола над кавказской сельской

общинной. Однако в рамках своей концепции Р. С. Кандор показал, что в ряде аспектов в новой системе управления произошла инкорпорация традиционных форм общественно-политического быта; равно как и учрежденная в 1905 г. новая система, вводившая институт выборных от сельских обществ, который, по мнению автора, «как нельзя лучше подходил для черкесских аульных обществ», так как по существу легитимизировал сложившуюся территориальную единицу – хабль в качестве низового звена, делегирующего свои полномочия властной вертикали государства.

В процессе инкорпорации удачным решением властей стало внедрения в управленческую практику знаковых, манифестирующих, маркирующих элементов социального действия. Р.С. Кандор подробно показал это на примере компаний по созданию горских воинских соединений в императорской армии, в частности формирования черкесских сотен Кубанско-горского конно-иррегулярного полка, сражавшегося на фронте русско-турецкой войны 1877-1878 гг., или же Терско-Кубанского конного полка, бившегося в Маньчжурии на полях русско-японской войны 1904–1905 гг. В последнем случае автор указывает, что «обращение Российского императора Николая II к горцам Кавказа, с призывом идти сражаться за свое отечество, также высоко подняло эмоциональный фон, на котором проходила кампания по формированию кубанских сотен Терско-Кубанского конного полка» [Кандор 2020: 296]. При всей кажущейся пропагандистской легковесности этих акций, они имели очень большое значение в политической жизни коренного населения региона, поэтому мне кажется абсолютно справедливым вывод автора о том, что они стали одним из важнейших составляющих этапов процесса инкорпорации адыгов (черкесов) Кубанской области в российское общество.

В то же время инкорпорация оказалась сложным процессом, не лишенным внутренней противоречивости, порождавших в ряде случаев серьезную конфликтность. Р.С. Кандор упоминает некоторые факты этого рода, например, случаи, судя по материалам диссертации не редкие, отстранения аульных старшин от должности. К сожалению, автор лишь формально констатирует эти факты, но не пытается их проанализировать. Между тем из архивных документов можно было почерпнуть существенную информацию по этому поводу (причины отстранения, суть конфликта, последствия и т.д.). Конечно, причины могли быть разными, но многие казусы этого рода, смею предположить, дали бы основание для дополнительной характеристики рассматриваемой проблемы

Более внимателен автор к другому конфликтному полю – противостоянию власти и исламского духовенства. Царские администраторы прекрасно понимали, что ислам и его идеи занимают важное место в духовной и социальной жизни адыгов и соответственно своей важной задачей считали как можно сильнее «ограничить влияние мусульманского духовенства на аульные общества» – это выражалось, как показал Р.С. Кандор, в противодействии учреждению организованных форм духовного управления, мелочном вмешательстве в организацию хаджа и др.

Но это поднимает другой важный вопрос – о наличии в адыгском социуме неформальных полюсов власти и их влиянии на динамику общественно-

политической жизни. То, что это влияние было сильным признавали и сами представители царской администрации, среди которых, например, крепло убеждение, что в 1870-х гг. в Екатеринодарском уезде «существовала довольно разветвленная скрытая организация, в которой состояли (...) уважаемые в народе хаджи и эфенди» [Кандор2020: 222]. Если отвлечься от чиновничьих страхов, то можно предположить наличие в адыгском обществе неформальных связей, в рамках которых кристаллизовались идеи и суждения, обретавшие поддержку не только в массовом сознании, но и в практических действиях по управлению массами, например, при принятии решения об эмиграции в Турцию. С этой точки зрения, мне представляются преждевременными и легковесными характеристики автора (явно заимствованные из ведомственной документации административных и полицейских властей) о пребывании в адыгских аулах неких «эmissаров-агентов», которые своей агитацией возбуждали народ и т.д. Я вижу в этих лицах неких знаковых деятелей, общественных авторитетов, обладавших существенным воздействием на общественную жизнь в Западной Черкесии, социальное влияние которых учитывалось при принятии решений, прежде всего на общинном уровне. Важно было проанализировать социальные качества, которые давали возможность группе или личности выдвигаться на властные позиции, понять детерминанты, обеспечивающие им соответствующие преференции, среди которых преемственность с традиционными структурами властвования и управления, думаю, имели не последнее значение.

Завершая свои заметки о фундированном монографии Р.С. Кандора, отмечу, что рассматриваю этот труд как значительный и весомый исследовательский вклад в адыговедение. Работа существенно расширяет углубляет и детализирует наши знания по важной и актуальной проблеме. пополняют теоретический и эвристический тезаурус нашей науки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Кандор 2020 – *Кандор Р.С.* Процесс инкорпорации традиционных форм управления адыгов (черкесов) Северо-Западного Кавказа в структуру российской административно-политической системы (XIX – начала XX в.). – Майкоп: изд-во «Магарин О.Г.», 2020. – 352 с.

REFERENCES

KANDOR R.S. *Protsess inkorporatsii traditsionnykh form upravleniya adygov (cherkesov) Severo-Zapadnogo Kavkaza v strukturu rossiiskoi administrativno-politicheskoi sistemy (XIX – nachala XX v.)* [The review of the book: Candor R.S. The process of incorporation of traditional forms of administration of the Adygs (Circassians) of the North-West Caucasus into the structure of the russian administrative-political system (XIX – Early XX c.)]. – Maikop: izd-vo «Magarin O.G.», 2020. – 352 s. (In Russ.).

Информация о рецензенте

Ю.Д. Анчабадзе – доктор исторических наук.

Information about the reviewer

Y.D. Anchabadze – Doctor of Science (History).

Рецензия поступила в редакцию 03.02.2022 г.; принята к публикации 09.03.2022 г.

The review was submitted 03.02.2022; accepted for publication 09.03.2022.

Наши авторы

Алхасова Динара Муратовна – аспирант научно-образовательного центра ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: alkhasova.dinara@mail.ru

Анчабадзе Юрий Дмитриевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом Кавказа Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии, Сухум, Абхазия.

E-mail: anchabadze@list.ru

Атабиева Асият Даутовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: bolatovaatabieva@mail.ru

Бауаев Казим Каллетович – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литератур ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: kazim_bauaev@mail.ru

Битокова Марина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литератур ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: mariebitok@gmail.com

Гучаев Астемир Валентинович – специалист Культурно-образовательного центра «Эрмитаж-Кавказ» ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия; аспирант научно-образовательного центра ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: guchayev@mail.ru

Лобанов Владимир Борисович – кандидат исторических наук, доцент Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: lobanov19772009@yandex.ru

Сарбашева Алена Мустафаевна – доктор филологических наук, доцент, заведующая сектором карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: alenasarb@mail.ru

Тамазов Муслим Султанович – кандидат исторических наук, директор Социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: muslimt@mail.ru

Татаров Азамат Амурович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: traveller9090@mail.ru

Теппеева Ханнфа Мустафаевна – аспирант научно-образовательного центра ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: teppeeval234@gmail.com

Тетуев Алим Инзрелович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Узденова Фатима Таулановна – доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: uzdenova_kbigi@mail.ru

Урусов Руслан Хаталиевич – заместитель директора социально-гуманитарного института по планированию и организации образовательного процесса, старший преподаватель кафедры этнологии, истории народов КБР и журналистики ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: urkbr07@mail.ru

Шетова Римма Адиевна – кандидат филологических наук.

E-mail: rshetova55@mail.ru

Электронный журнал
«Кавказология»

Caucasology

№ 1 / 2022

DOI: 10.31143/2542-212X-2022-1